

**Чернияз Абуталипович Абуталипов Николай Григорьевич
Алеев П. Абрамов И. Сааков Николай Константинович
Юденич Касымхан Мухамедов Михаил Георгиевич Морозов
Григорий Осипович Ропский Олег Васильевич
Сидельников Михаил Михайлович Адамович Л. Коробов Ю.
Расулов Ю. Джуфаров Юрий Валентинович Чуфаровский**

Чекисты рассказывают...

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Чекисты рассказывают...

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
1986

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и торжества социализма и коммунизма. Впервые в истории трудящиеся массы свергли эксплуататоров, взяли власть в свои руки и приступили к строительству новой, свободной, светлой жизни. Рабочий класс России стал господствующим, а Коммунистическая партия – правящей партией первого в мире социалистического государства, взяв на себя ответственность за судьбы страны, развитие ее производительных сил, науки, культуры, за рост благосостояния трудового народа и укрепления международного престижа молодого Советского государства.

Готовя партию большевиков, пролетариат России к социалистической революции, В. И. Ленин учил, что господствующие классы добровольно не уступят власть, что пролетариат неизбежно встретит жесточайшее сопротивление со стороны свергнутых классов и поддерживающей их международной буржуазии, поэтому «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹ В первые же дни после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде это ленинское предвидение подтвердилось.

Чтобы отстоять завоевания Великого Октября, Советское правительство должно было решительно подавить сопротивление внутренних контрреволюционных сил и защитить социалистическое Отечество от происков империалистических держав. А для этого необходимы специальные органы для борьбы с контрреволюцией и мощные вооруженные силы. Исходя из опыта борьбы с врагами революции в первые дни Советской власти, Коммунистическая партия признала целесообразным создать специальный орган. 20 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров революционной России принял декрет о создании Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Инициатором, вдохновителем и организатором ее деятельности был Владимир Ильич Ленин. На работу в ВЧК партия направила своих лучших представителей, профессиональных революционеров, обладающих опытом подпольной работы, закаленных в революционных битвах людей – Ф. Э. Дзержинского, В. Р. Менжинского, А. Х. Артузова, И. К. Ксенофонтова, М. И. Лациса и других.

С первых дней победы Советской власти в Туркестане здесь также были сформированы чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией. В огненные годы гражданской войны и иностранной интервенции сотрудники Туркчека помогли выстоять молодой республике. Ведя напряженную борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией, чекисты Туркестана во всей своей деятельности руководствовались указаниями и волей Коммунистической партии, твердо и неуклонно проводили ее политику, и это являлось залогом успеха их работы. В

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

окружении белогвардейских фронтов, не имея регулярной связи с центром, чекисты Туркестана внесли большой вклад в дело общей победы пролетариата как верные сыны своего народа, действуя в трудной обстановке мужественно, находчиво, наверняка. На их боевом счету разоблачение крупного контрреволюционного центра – «Туркестанской военной организации», шпионской миссии английского полковника Бейли, подавление белогвардейского мятежа, поднятого агентом английской разведки Осиповым, разгром кулацко-бандитской «армии Монстрова», ликвидация заклятого врага Советской власти атамана Дутова, решительная борьба с басмачеством, бандитизмом, мародерством. Все это убедительно доказало, что туркестанские чекисты стали надежным испытанным отрядом органов государственной безопасности. Они были в первых рядах защитников свободы и независимости рабоче-крестьянского государства от посягательств интервентов и их агентуры и внесли весомый вклад в дело борьбы с басмачеством – одной из активных форм сопротивления диктатуре пролетариата в Средней Азии.

Политические, экономические и культурные мероприятия Советской власти революционизировали трудящиеся массы Туркестана. Широко развернувшаяся работа по проведению в жизнь первых декретов Советского правительства подорвала экономические позиции буржуазии, феодалов, ханов, баев. По мере углубления социальных преобразований в Туркестане возрастало сопротивление национальной буржуазии, родо-племенных вождей и мусульманских религиозных авторитетов. Как правило, часть их переходила в лагерь контрреволюции, становилась организатором басмаческого движения.

В басмаческих рядах, отмечал М. В. Фрунзе, объединились «те, кому нет возврата в ряды трудящихся, те, которые привыкли к грабегам и насилиям, привыкли за счет беспощадно обираемого населения строить себе праздную и привольную жизнь, те, наконец, кто, опираясь на собравшиеся под их знамена шайки, мечтали стать властителями».

Басмачество было не изолированным, случайным явлением, а одним из сильных звеньев в цепи объединенных сил контрреволюции. Лидеры империалистических государств поддерживали басмаческое движение как морально, так и материально, стремясь с его помощью осуществить свои планы по отторжению Туркестана от Советской России. Басмачество направлялось и поддерживалось всеми средствами англо-американскими империалистами. Через свои консульства и военное командование в Кашгаре и Мешхеде, эмирскую Бухару и широкую разведывательную сеть в самом Туркестане они были в постоянном контакте с басмаческими главарями и буржуазно-националистическими организациями, направляли их деятельность.

Эти обстоятельства, естественно, определяли и задачи органов ЧК в борьбе с басмачеством. Благодаря повседневной помощи трудящихся чекисты Туркестана успешно выявляли басмачей, вербовщиков и поставщиков оружия. Ввиду чрезвычайно сложной и напряженной в то время политической обстановки к ним применялись самые строгие меры наказания, о чем регулярно сообщалось в печати. Ореолом заслуженной славы отмечены имена первых чекистов края – Я. Х. Петерса, Г. И. Бокия, И. П. Фоменко, А. Бабаджанова, Д. Устабаева, Х. Хусанбаева и других.

В это время классовые враги активизировали борьбу против Советской власти не только в сфере экономики, но и в сфере идеологии. На общем фронте идеологических атак на власть Советов в республике не последнюю роль играла реакционная враждебная деятельность православного и мусульманского духовенства, а также сектантства. Церковники сколачивали вокруг себя антисоветские силы, открыто проводили среди населения контрреволюционную агитацию против Советской власти. Церковные и сектантские круги препятствовали приобщению народных масс к активной общественной жизни, стремились оторвать верующих от участия в социалистическом строительстве, изолировать их от влияния Советов, сеяли в массах пессимистические настроения, распространяли панические слухи «о конце света», «близком страшном суде» и т. п. От идеологических диверсий церковники открыто переходили к откровенным антисоветским акциям, что требовало от Советской власти и чекистов решительного пресечения организуемых ими массовых беспорядков.

Сложные задачи, широкий фронт борьбы с опытным противником требовали от чекистского аппарата высокой боеспособности личного состава и постоянной готовности не только пресечь, но и предупредить любые происки врагов Советской власти, направленные на подрыв социалистического государства. Между тем, наряду с аппаратами госбезопасности центральных губерний РСФСР, накопившими значительный опыт борьбы с внутренней контрреволюцией, в ряде районов (в Туркестане, Казахстане, на Дальнем Востоке) были органы, не имевшие достаточного опыта борьбы в оперативной обстановке, сложившейся в этих районах после конца гражданской войны. В новых чекистских аппаратах не хватало опытных работников, росла потребность в местных национальных кадрах. В связи с этим руководство ВЧК проводило большую работу по оказанию помощи братским республикам, местным партийным органам в организации там чекистских аппаратов. Немало оперативных работников и следователей было в то время направлено из центрального аппарата ВЧК и в Туркестан для пополнения местных чекистских органов.

1924 г. вошел в историю как год образования Узбекской Советской Социалистической республики и вхождения ее в состав Союза ССР. В процессе создания узбекской государственности и становления новых государственных и общественных институтов активно формировались и органы госбезопасности. Наряду с ветеранами-чекистами, закаленными в схватках с классовыми врагами, в ГПУ Узбекской ССР пришло новое поколение, воодушевленное идеями Октября, глубоко и беззаветно преданное делу Коммунистической партии. К концу 1924 г. организация республиканского чекистского аппарата была в целом завершена. Органы ЧК–КГБ республики формировались и крепили в ожесточенной борьбе против эксплуататоров, за новый счастливый Узбекистан. Ведя борьбу с врагами нашей Родины, органы государственной безопасности вносили определенный вклад в дело экономического возрождения и социалистического строительства в республике. «Многое забудут наши потомки, – отмечала газета «Коммунист» в конце 1923 г., – но как ни один историк французской революции не может обойти молчанием якобинцев, как ни один историк не может не отдать им должного, так и историк русской революции не сможет пройти мимо чекистов, не отдав им должного уважения и не признав за ними величайшей заслуги в революции и в развитии коммунизма».

После ликвидации эксплуататорских классов главной задачей чекистских органов стала борьба с внешними врагами Советского государства – спецслужбами и зарубежными подрывными центрами империалистических государств. Средняя Азия издавна была регионом, куда устремлялся британский империализм. Этим, конечно, обусловлен тот факт, что органам ГПУ Узбекистана пришлось вплотную столкнуться с одним из наиболее опытных, коварных и изощренных противников – английской разведкой. Безусловно, враг был силен. С агрессивным курсом английской разведки тесно сотрудничали спецслужбы Франции и Японии. Между империалистическими разведками происходил систематический обмен информацией.

Узбекские чекисты смело вступили в противоборство с врагом. В 30-е годы в республике была выявлена сеть агентов английской разведки, сорваны ее попытки оказывать влияние на политическую обстановку в Средней Азии.

Серьезную опасность для Советского государства, в том числе и Узбекской ССР, по-прежнему представляла подрывная деятельность антисоветских эмигрантских организаций. Хотя в конце 20-х годов органами госбезопасности был нанесен ощутимый удар по антисоветской эмиграции, белоэмигрантские антисоветские организации, находившиеся на службе у правительств и разведок Англии, Франции и других капиталистических стран, продолжали вести в широких масштабах подрывную деятельность против СССР, Узбекистана в частности. Эти организации систематически перебрасывали в нашу страну агентов, террористов и диверсантов, а также эмиссаров для создания вооруженных банд и инспирирования повстанческих выступлений.

Вследствие обострения классовой борьбы заметно активизировались враги Советской власти внутри страны. К началу сплошной коллективизации в России насчитывалось свыше

миллиона кулацких хозяйств, на которые делали ставку все контрреволюционные силы, боровшиеся против Советской власти. Из кулаков и подпавших под их влияние деклассированных элементов формировались банды, террористические и другие антисоветские организации и группы. В Узбекистане и других республиках Средней Азии активную борьбу с Советской властью вели также буржуазные националисты, поддерживавшие связь с иностранной разведкой и зарубежными антисоветскими центрами.

В предвоенные годы перед органами государственной безопасности СССР встала важная задача пресечения разведывательно-подрывной деятельности фашистской Германии и милитаристской Японии, связанной с гитлеровской Германией «Антикоминтерновским пактом». Правящие круги Германии и Японии поставили перед своими разведывательными и контрразведывательными органами задачи по сбору сведений о мероприятиях Советского правительства в области внутренней и внешней политики, военно-экономическом потенциале, Вооруженных силах СССР. Чекисты вскрывали на территории страны фашистские резидентуры, арестовывали шпионов, часть которых осела к тому времени и в Узбекистане. Планы нацистских главарей добыть информацию о военном и экономическом потенциале Советского Союза были сорваны. В результате успешной деятельности органов госбезопасности в предвоенные годы была парализована и подрывная работа японской разведки, разведок других империалистических государств.

Суровым испытанием для народов нашей страны явилась Великая Отечественная война. В едином боевом строю защитников Родины борьбу с агрессором вели чекисты. В действующую армию ушли сотни сотрудников органов госбезопасности Узбекистана. Беспредельно преданные социалистической Родине, Коммунистической партии, чекисты вместе с воинами Вооруженных Сил мужественно сражались с фашистскими захватчиками, проявляя высокое профессиональное мастерство, негибаемую стойкость и бесстрашие. Многие из них были удостоены высоких боевых наград.

Несмотря на провалы шпионских и диверсионных операций в тылу, фашистская разведка все же рассчитывала хоть в какой-то степени реабилитировать себя перед своим военно-политическим руководством. С этой целью в 1944 г. разведорган «Цепелин» начал подготовку операций, имеющих целью дезорганизовать тыл Советской страны, в частности нарушить работу некоторых крупных промышленных предприятий, железнодорожные коммуникации. Сложную, напряженную и кропотливую работу вели органы государственной безопасности в тылу, в том числе и в нашей республике, которая стала одним из важных районов сосредоточения промышленных предприятий, выпускающих продукцию для фронта. Чекисты обеспечивали надежную защиту государственных и военных секретов, бесперебойную работу военных объектов, железнодорожного транспорта, коммуникаций и узлов связи. На территории Узбекистана было захвачено немало немецких агентов-диверсантов, в Каракалпакии ликвидирована специально подготовленная разведывательно-диверсионная группа. Органы государственной безопасности, опираясь на помощь советских людей, сорвали все планы разведывательных служб фашистской Германии по ослаблению военно-промышленного потенциала нашего государства, создали плотный и надежный заслон против проникновения противника в жизненно важные центры нашей страны. В советском тылу, также как и на фронте, проводились заградительные и предупредительные меры по борьбе со шпионской, диверсионно-террористической и иной подрывной деятельностью противника.

Славные страницы в героическую летопись Великой Отечественной вписали наши чекисты, действовавшие за линией фронта, внедрявшиеся во вражеские органы военного командования, разведку и контрразведку, создававшие партизанские отряды и соединения.

Борьба с разведывательными службами фашистской Германии – существенный вклад органов государственной безопасности в оборону страны в годы войны, в дело победы над врагом.

Чекисты были сильны своей связью с народными массами, что принципиально отличало их от разведок капиталистических стран. Окруженные горячей любовью и

поддержкой трудящихся, они стойко охраняли великие революционные завоевания.

Потерпев поражение в военных авантюрах, международный империализм под лозунгом борьбы против коммунизма в мирное время развернул «холодную войну», усилил деятельность разведывательных служб и антисоветских идеологических центров. Главный упор был сделан на организацию разведки против Советского Союза, ослабление авторитета и позиций нашего государства на международной арене, на то, чтобы посеять разногласия между дружественными социалистическими странами. Не ограничиваясь добыванием шпионской информации, нанесением другого ущерба, разведывательные службы империалистических государств активно участвовали в осуществлении важнейших внешнеполитических акций, использовали свои методы в тех сферах политической борьбы, где ранее обычно действовали военные, дипломатические, пропагандистские и другие органы империалистических государств. Подрывная деятельность поднялась на уровень государственной политики.

В подрывных акциях против Советского Союза, в том числе Узбекистана, империалистическая разведка активно использовала антисоветскую эмиграцию – уже существовавшие эмигрантские центры и так называемую «новую эмиграцию», образовавшуюся в послевоенные годы. Антисоветские эмигрантские организации, целиком перешедшие на службу американской, английской и других вражеских разведок, финансировались и поддерживались ими, были основными поставщиками для них агентурных кадров, а также сами готовили и перебрасывали на советскую территорию своих эмиссаров и агентов, которые устанавливали связи с националистами, стремились активизировать их подрывную работу, пытались совершать диверсионные и террористические акты и т. д.

Уже в первые послевоенные годы чекистам республики пришлось вступить в противоборство с сильными империалистическими спецслужбами и находящимися у них на содержании зарубежными антисоветскими центрами. В Узбекистан забрасывались агенты из числа бывших власовцев, полицаев, головорезов из «Туркестанского легиона» и прочих предателей. Безусловно, немало было и тех, кто, совершив во время войны преступления против своего народа, теперь пытался найти убежище в самых отдаленных уголках республики. Подчас и жизнью своей платили чекисты Узбекистана за то, чтобы очистить наш край от этой нечисти.

Планы противодействия поступательному развитию социализма приводят правящие круги империалистических государств к еще более интенсивному привлечению разведок и подрывных центров к агрессивным действиям. В качестве одной из главных задач ими рассматривается сбор сведений об экономической, политической и моральной готовности народов СССР выдержать бремя возросшей гонки вооружений и даже возможные испытания термоядерного оружия.

В этот и последующий периоды органы госбезопасности республики успешно пресекали попытки западных спецслужб использовать экономические, научно-технические и культурные связи для проникновения в нашу республику с разведывательной целью. Были своевременно вскрыты и пресечены многочисленные попытки вербовки агентуры, сбора разведывательной информации, осуществления акций подрыва экономики, противодействия экономическому и социальному развитию республики. Западные спецслужбы при этом не оставляли надежд воспользоваться и отдельными негативными моментами в нашей жизни. ЦК Компартии Узбекистана на XVI (1984 г.) Пленуме решительно вскрыл и осудил факты нарушений государственной дисциплины, разработал кардинальные меры для недопущения ошибок в будущем. В связи с принципиальными положениями XVI Пленума сделаны необходимые выводы и органами КГБ республики.

Чекисты Узбекистана настойчиво борются за воплощение в жизнь решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК партии, направленных на дальнейшее повышение жизненного уровня нашего народа.

Воинствующие круги США и империалистических государств Запада на современном

этапе делают особую ставку на идеологические диверсии, усиливают попытки инспирировать настроения национализма, антисоветизма, привнести в сознание советских людей чуждую нам идеологию и мораль, направить наиболее неустойчивых и негативно настроенных лиц на преступный путь. Для исполнения своих замыслов империалистические спецслужбы пытаются проникнуть во все идеологические сферы, использовать в своих целях как острые политические проблемы, так и лишённые, на первый взгляд, связей с политикой вопросы, относящиеся к сфере нравов и бытовых привычек людей. Они стремятся «работать» и с фронта, и с флангов, применяя различные средства: от внешне безобидных до откровенно враждебных, от пластинок и радиопередач, развлекательных книг до злобных антисоветских брошюр и листовок, от Библии и Корана до откровенно враждебной сионистской литературы. В пресечении таких явлений и заключается непосредственный вклад чекистов в обеспечение благоприятных условий для коммунистического строительства.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ СССР, генерал армии В. М. Чебриков говорил о работе чекистов: «Защищая интересы нашего государства и общества, органы госбезопасности тем самым защищают интересы и каждого советского гражданина, ибо эти интересы в социалистическом обществе полностью совпадают. Именно поэтому органы КГБ в своей деятельности, которую они проводят при строгом соблюдении социалистической законности, неизменно находят полное доверие и поддержку трудящихся. Применяя силу закона к тем, кто его нарушает, органы госбезопасности в то же время проводят большую работу по оказанию профилактического воздействия на лиц, допускающих политически вредные проявления. Чекисты настойчиво борются за каждого оступившегося советского человека...»² В этом заключается наиболее яркое проявление гуманизма сегодняшней деятельности органов госбезопасности.

Решать созидательные задачи в последние годы нам пришлось в чрезвычайно осложнённых условиях. Резко возросла агрессивность империалистических кругов. Безрассудный авантюристический курс наиболее экстремистских сил Запада привел к усилению международной напряжённости. В конфронтации с лагерем социализма империализм ищет выход из глубоких внутренних противоречий, пытается приостановить движение сил мира, национального освобождения и социального прогресса.

История свидетельствует, что политическая, военная, идейная непоколебимость нашего общества не раз отрезвляюще действовала на всякого рода «крестоносцев» империализма. Именно поэтому в современных условиях, когда противник рассматривает военные приготовления и тайную подрывную деятельность как один из основных способов борьбы за мировое господство, Коммунистическая партия уделяет пристальное внимание вопросам обеспечения безопасности Советского государства. Это возлагает на сотрудников Комитета госбезопасности, проводников и исполнителей указаний партии в специфической классовой борьбе, повышенную ответственность за содержание и качество их деятельности.

Особое значение имеет специальная глава Конституции СССР «Защита социалистического Отечества». В ней воплощены ленинские идеи о защите социалистических завоеваний, подчеркивается, что защита советской Родины есть важнейшая функция государства, дело всего народа.

Новая Конституция ставит перед Вооружёнными силами и органами государственной безопасности большую и ответственную задачу – надёжно защищать Родину, бдительно следить за происками агрессивных сил империализма, быть в постоянной боевой готовности.

Сегодня, когда классовая борьба на мировой арене приобретает особо острые формы, задача чекистов состоит в том, чтобы надёжно обеспечивать безопасность Советского Отечества, строя свою работу в соответствии с требованиями социалистической демократии, с законами нашего общенародного государства и с учетом внешнеполитической обстановки. Эта работа должна проводиться на незыблемой основе ленинских принципов, в духе замечательных чекистских традиций.

Коварству, ухищрениям классового противника советские чекисты и в их рядах сотрудники Комитета госбезопасности Узбекской ССР противопоставляют преданность делу Коммунистической партии, верность народу, глубокую убежденность в правоте своего дела, высокое профессиональное мастерство и готовность в любых сложнейших условиях эффективно выполнять свой партийный, чекистский и воинский долг. Более 60 лет чекисты Узбекистана в одном строю с чекистами всей страны стоят на страже революционных завоеваний нашего народа.

Успешное строительство коммунизма предполагает всемерное укрепление обороноспособности страны, ее постоянную готовность отразить возможную агрессию реакционных сил империализма. Достойный вклад в решение этой задачи вносят советские разведчики и контрразведчики – политические бойцы партии.

В борьбе с внешними и внутренними врагами социалистической Отчизны органы государственной безопасности оправдали и оправдывают высокое доверие Коммунистической партии, являются разящим мечом для врагов Советского государства и надежным щитом для трудящихся, строящих коммунизм.

Чекистам Узбекистана, поставленным партией на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, есть о чем рассказать своим современникам. Люди разных поколений и судеб самоотверженно, не жалея сил, а зачастую и жизни, вступали в схватку с врагами, которые с первых дней Советской власти яростно нападали на молодое государство рабочих и крестьян: плели сети шпионских заговоров, поднимали кулацкие восстания, организовывали басмаческие банды, совершали диверсии на транспорте и других жизненно важных предприятиях республики.

Созданию в 1924 г. Узбекской Советской Социалистической Республики предшествовал длительный период героической борьбы трудящихся Средней Азии с иностранными интервентами, контрреволюционерами и феодально-клерикальными реакционными силами. Вместе с народом этот путь борьбы прошли и органы государственной безопасности Узбекской ССР, которые отметили в декабре 1984 г. свой 60-летний юбилей.

О чекистах, вставших вместе с трудовым народом на защиту молодой Туркестанской Советской республики, оказавшейся в 1918 г. в огне четырех фронтов, о боевых делах верных сынов большевистской партии, наносивших сокрушительные удары по белогвардейскому подполью в нашем крае, сорвавших планы американо-английских империалистов использовать басмаческие банды для отрыва Туркестана от Советской России, свержения Советской власти и превращения Средней Азии в свою колонию, героических буднях бойцов невидимого фронта в годы Великой Отечественной войны, происках западных подрывных центров в наши дни узнает читатель из этой книги.

Все публикуемые материалы объединяет одна тема – тема необходимости неослабной политической бдительности советских людей на всех этапах коммунистического строительства. По своей сущности бдительность – это классовое понятие. Идею революционной бдительности пролетариата в классовой борьбе выдвинул и обосновал В. И. Ленин, который высоко ценил политическую зоркость, умение своевременно распознавать классового врага и обезвреживать его. «...первой заповедью нашей политики – указывал он, – первым уроком..., который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это – быть начеку»³.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда уделяла большое внимание воспитанию у всех советских людей чувства высокой политической бдительности. Благодаря этому происки врагов нашего государства оказывались разоблаченными и своевременно пресекались. На воспитание у трудящихся политической бдительности значительные усилия направляют и органы государственной безопасности.

В этой работе учитываются особенности современной международной обстановки, которая резко обострилась. Источник этого – агрессивная политика империалистических

кругов, в первую очередь США. Американская администрация открыто заявляет претензии на мировое господство, ведет безудержную гонку вооружений, чреватую угрозой ядерного конфликта.

Специальные службы Запада, враждебные нам, стремятся активизировать подрывную деятельность против Советского Союза. Не имея классовой опоры внутри страны, они пытаются осуществлять шпионские и иные враждебные акции, делая ставку на отдельных отщепенцев, чуждых социалистическому строю, советскому образу жизни.

В этих условиях сотрудники органов госбезопасности видят свой высший долг в том, чтобы своевременно вскрывать и решительно пресекать происки империалистических спецслужб.

Задача чекистов состоит в том, чтобы надежно обеспечивать безопасность Советского Отечества, строя свою работу в соответствии с требованиями социалистической демократии, с законами нашего общенародного государства и с учетом внешнеполитической обстановки. Эта работа должна проводиться на незыблемой основе ленинских принципов, в духе замечательных чекистских традиций.

Предлагаемый вниманию читателя новый сборник – книга и об этих традициях. Замечательно говорил о них Ю. В. Андропов: «Коммунистическая убежденность и высокий профессионализм, нравственная чистота и верность долгу, постоянная бдительность и отзывчивость, чуткость, вера в людей, общая культура и развитое чувство гражданской ответственности – таким видел Дзержинский и таким видит народ советского чекиста сегодня. Таким его воспитывает партия, комсомол, вся наша социалистическая действительность»⁴.

Верится, что книга «Чекисты рассказывают...» принесет несомненную пользу в коммунистическом воспитании молодежи, в закалке характера патриотов-интернационалистов, в подготовке молодежи, которая не дрогнет, не согнется под грузом исторической ответственности за судьбы страны, социализма и мира.

Острота классовой борьбы на международной арене предъявляет высокие требования к деятельности органов государственной безопасности, к партийной закалке, знаниям и стилю работы наших чекистов... Зорко и бдительно следят чекисты за происками империалистических разведок. Они решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества. И эта их работа заслуживает глубокой признательности партии, всего нашего народа.

Ч. Абуталипов, Н. Алеев ВЕРНЫЙ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

⁴ Ю. В. Андропов. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1979, с. 266.

Жизнь Абдуллы Ярмухамедова – члена большевистской партии с 1919 г., чекиста, героя гражданской войны в Туркестане, представляет собой целую книгу героической борьбы за победу Советской власти в Средней Азии.

Коммунистическая партия и Советское правительство по достоинству оценили мужество и стойкость солдата революции. Абдулла Ярмухамедов награжден тремя орденами боевого Красного Знамени и именным почетным революционным оружием – револьвером. Очень немногие в те годы были удостоены таких высоких наград.

Февральская революция 1917 г. застала А. Ярмухамедова в Каттакургане. В сентябре 1917 г. Каттакурганский Совет рабочих, солдатских и дехканских депутатов назначил его начальником милиции города, а после Октябрьской революции, с февраля 1918 г. А. Ярмухамедов – начальник милиции Митанского района. В декабре 1919 г. его избирают членом коллегии ЧК и председателем уездного ЧК. В конце 1920 г., после слияния ЧК и Особого отдела, он назначается начальником секретно-оперативного отдела, а потом – начальником политотдела.

...Лето 1922 г. Абдулла Ярмухамедов. – уполномоченный ТуркЦИКа по борьбе с басмачеством в Каттакурганском уезде, 1923 г. – заместитель народного комиссара внутренних дел Туркестанской АССР, начальник Советского отдела Политического секретариата Реввоенсовета Ферганского фронта, военный комиссар Алайской военной экспедиции; 1924 г. – уполномоченный ТуркЦИКа по борьбе с басмачеством в Западной Бухаре на территории Бухарской Народной Советской Республики, военный комиссар Кызылкупумской военной экспедиции.

После национально-государственного размежевания Средней Азии А. Ярмухамедов направляется в Таджикистан, где работает членом Президиума Ревкома, народным комиссаром внутренних дел, возглавляет борьбу против басмачества в Таджикской АССР.

Народ неоднократно избирал А. Ярмухамедова в свои высшие органы власти. На III Всесоюзном съезде Советов он был избран членом ЦИК Союза ССР, на V – членом Совета национальностей ЦИК СССР, на XV Всероссийском съезде Советов – членом ВЦИК. С 1920 по 1926 г. А. Ярмухамедов был членом ТуркЦИКа, ЦИК Узбекской ССР, Таджикской АССР. С 1929 по 1938 г. – член ЦИК Казахской республики. Абдулла Ярмухамедов неоднократно избирался в республиканские и областные партийные органы.

Одна из интересных страниц в истории военных походов А. Ярмухамедова против басмаческих банд – Алайская военная экспедиция, за умелое проведение которой он был награжден боевым орденом Красного Знамени.

В 1922–1923 гг. басмачи, терпевшие одно поражение за другим, уходят в труднодоступные горные и песчаные районы, чтобы накопить новые силы и продолжить свои бандитские налеты на мирные города и кишлаки молодой Туркестанской республики. Одним из таких труднодоступных районов была горная Алайская долина, входящая в состав Киргизской ССР. Басмачи давно облюбовали ее. Именно сюда слеталось все черное воронье.

К тому же в Алайской долине в то время не было советских воинских частей. Все это создавало басмачам возможность безнаказанно здесь хозяйничать.

Для ликвидации басмачества Реввоенсовет Туркестанского фронта в августе 1923 г. послал в Алайскую долину военную экспедицию, состоящую из чекистов, дружинников добровольческой милиции и приданного ей конного взвода шестого стрелкового полка второй Туркестанской дивизии. Всего в отряде насчитывалось 300 чел. при двух пулеметах. Военным комиссаром этого отряда ЦК Компартии Туркестана назначил заместителя народного комиссара внутренних дел Туркестанской АССР Абдуллу Ярмухамедова.

...Военное совещание с участием партийных и советских работников закончилось. Разработан конкретный комбинированный план разгрома басмаческих банд. Главком РККА С. С. Каменев пожелал всем успеха.

Вновь активизировавшиеся в Ферганской долине басмачи наглели с каждым днем, совершая набеги на мирные города и кишлаки. Они поджигали промышленные предприятия, уничтожали посевы, угоняли скот, терроризировали и грабили мирное население, убивали партийных и советских работников, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

Штаб Ферганского фронта был переведен из Коканда в Андижан – центральный пункт района, где орудовали басмачи. В это время даже сам Андижан, за исключением привокзального района, фактически находился в их руках. Бандиты настолько обнаглели, что рискнули обстрелять поезд Главкома С. С. Каменева при посещении Андижана.

В начале мая началась операция по ликвидации басмаческих банд в Ферганской долине. Прежде всего стали очищать от басмачей город. Красноармейским частям активно помогали местные жители, которые организовывали добровольческие отряды милиции. Уже через месяц-полтора эти отряды насчитывали более тысячи вооруженных всадников.

Совместными усилиями частей регулярной Красной Армии и добровольческой милиции к концу июля басмаческие банды были разгромлены. В боях было убито и взято в плен около 1700 бандитов.

План окончательного разгрома басмачей в Алайской долине состоял в том, чтобы нанести комбинированный удар в двух направлениях – со стороны Восточной Бухары на Гарм и Каратегин и со стороны Ферганы на Алай – чтобы зажать банды в тиски, не дать им возможности вырваться из капкана и уклониться от удара красных частей.

Для осуществления этого плана Реввоенсовет Ферганского фронта издал приказ о создании двух экспедиционных отрядов, ответственным руководителем и военным комиссаром одного из которых был назначен Абдулла Ярмухамедов, а командиром отряда – Иван Федорович Маликов.

Задача Каратегинского экспедиционного отряда заключалась в уничтожении банды курбаши Фузайла Максума. На Алайскую военную экспедицию возлагалось также пройти через Гульчинскую крепость по р. Гульче-Суфикурган через перевал Хатунарт, начать наступление с Верхнего Алтая, по мере занятия горных перевалов укрепить их пикетами, чтобы не дать возможности уйти из долины основным силам басмачей – бандам курбашей Тахтамата, Манаса и Нурмата. На восток бандиты отступить не могли, ибо путь им преграждал непроходимый Заалайский хребет, на юг тоже – там находился Каратегинский экспедиционный отряд. Басмачи волей-неволей должны были принять бой с красноармейскими частями.

Отряд под командованием И. Ф. Маликова и А. Ярмухамедова должен был выступить утром 3 августа 1923 г. из Оша.

В ночь перед выступлением Абдулла долго не мог уснуть. Все думал о будущих боях, мысленно старался представить весь путь, который надо пройти отряду, думал о том, каждый ли боец понял свою задачу, уяснили ли участники экспедиции всю ответственность предстоящего похода. Глубоко за полночь, наконец, задремал...

Проснулся от гогота стаи диких гусей, крик которых напоминал скрип телеги. Птицы летели низко над многочисленными, уже начинающими желтеть предгорными холмами.

Абдулла, поживаясь от утренней свежести, долго смотрел в окно. Горы, горы,

бесчисленные мелкие озера, образовавшиеся еще весной после разливов рек. Вершины величественных гор покрыты вечными снегами. Привольный, богатый, необыкновенный край. В воздухе слышится унылый крик гусиной стаи; кому охота покидать такие места...

И работать бы народу, который вздохнул наконец полной грудью при новой, Советской власти. Да нет, шакалы-басмачи не дают покоя, вконец разорили этот сказочный край, который природа одарила всем, чтобы люди жили счастливо. И от этой мысли еще большей ненавистью к бандитам проникся комиссар.

– Пора кончать с этой сволочью, – сказал вслух Абдулла и стал одеваться...

Отряд вытянулся длинной цепочкой по два всадника в ряд. К 14-му августа, имея по пути несколько мелких стычек с дозорами из банды Тахтамата и Нурмата, он достиг Дараут-Кургана. Здесь намечался последний привал. Надо было сформировать отдельные гарнизоны по 30–40 сабель, закрепить за ними районы действия, создать несколько так называемых летучих отрядов и начать преследование басмачей.

Жители Алайской долины, прятавшиеся до сих пор в горных ущельях, стали постепенно спускаться в долину и группироваться вокруг гарнизонов, видя в них своих защитников. Они всячески помогали красноармейцам, доставляя им продовольствие, фураж. Отдельные жители изъявляли желание идти вместе с бойцами в дозор, быть проводниками.

Рано утром 15-го августа дозорные отряда недалеко от стоянки экспедиции задержали подозрительного всадника без оружия. Он назвался жителем Андижанского уезда. На вопрос, куда он едет, тот ответил, что возвращается из Каратегина после продажи баранов. Дозорные все же решили привести его в штаб.

Один из бойцов отряда, доброволец киргизской милиции, увидев около штаба задержанного, сразу признал в нем родного брата кровожадного курбаши Курширмата – Рузымата.

Допрашивал Рузымата комиссар. Бандит, конечно, стал все отрицать, говорил, что он-де бедный дехканин, что его с кем-то путают... Тогда комиссар приказал дозорным, которые привели басмача, вернуться на место ареста бандита и тщательно осмотреть местность.

– Не может быть, чтобы Рузымат ехал просто так, – ответил Абдулла на немой вопрос Ивана Федоровича. – Чувствую, он что-то должен был везти с собой, может быть, очень важное. И не случайно он без оружия. Так, мол, безопаснее. А ты как думаешь, командир?

– Согласен с тобой, Абдулла.

Предположения комиссара оправдались. Не прошло и часа, как бойцы вернулись с пачкой бумаг и писем.

– Где нашли? – обратился к ним комиссар.

– Недалеко от места, где его задержали, – ответил молодой милиционер-узбек. – Трава там густая, смотрю – лежит вот этот сверток. Продолжили поиски, но больше ничего не нашли.

– Ну, молодцы! Спасибо! Можете идти отдыхать.

– Есть, товарищ комиссар!

Письма оказались от сбежавшего в Афганистан Курширмата. Адресованы они были Ферганскому курбаши Казакбаю и другим главарям басмаческих шаек. В одном из них Курширмат писал Казакбаю, что необходимо все усилия приложить к тому, чтобы продержаться несколько месяцев. В скором времени он с помощью эмира бухарского и афганского правительства с несколькими сотнями джигитов сам прибудет в Фергану. Уже недалеко то время, успокаивал он своих «друзей», когда Англия объявит войну Советам, и мы вместе, с помощью аллаха, разобьем гяуров, восстановим старые порядки.

– Вот, подлец! – воскликнул комиссар. – До сих пор надеется на что-то! Неужели он еще не понял, что песенка его давно уже спета! Подвернулся бы он сейчас нам, мы бы показали ему Англию!

Пойманного брата Курширмата решили тут же отправить под усиленной охраной в Андижан в Особый отдел 2-й стрелковой дивизии. Письма были отосланы туда же.

– Павел Михайлович Богомоллов, начальник военно-агентурной разведки дивизии,

разберется, что к чему, – думал комиссар, вспоминая об этом умном чекисте, не раз успешно разгадывавшем сложные ребусы противника.

Операция продолжалась. Тиски вокруг басмачей сжимались все крепче. Бандиты метались, словно загнанные волки, но тщетны были их усилия; все горные перевалы были намертво закрыты. И однако вступить в открытый бой с отрядом басмачи не решались.

26 августа один из летучих отрядов экспедиции во главе с комиссаром неожиданно нарвался на шайку Тахтамата и Манаса на перевале у местечка Кичик-Карамых. «На ловца и зверь бежит», – радостно подумал Абдулла. Застигнутые врасплох басмачи вынуждены были принять бой. Завязалась перестрелка.

Рассчитывая, что бой будет идти по крайней мере часа полтора-два, комиссар отобрал из отряда 25 бойцов, назначил старшего и послал эту группу в обход, чтобы отрезать бандитам отступление.

Басмачи не заметили, как разделился отряд. Они ожесточенно продолжали отстреливаться.

Абдулла с тревогой смотрел то на небо, которое медленно, но настойчиво обволакивалось тяжелыми черными тучами, то на часы. «Успеют ли наши?» – беспокоился он. Идти в решительное наступление комиссар не спешил: знал, что басмачи, как трусливые шакалы, сразу побегут, а догнать их они не смогут – кони устали, да и бойцы почти двое суток не слезали с седел. Другое дело, когда наши закроют выход, тогда бандитам конец.

Но что это? Дождь... Мало того – надвигался еще и густой туман.

– Вот не везет! – подумал комиссар. – Ждать больше нельзя.

Удар отряда был неожиданным, но все же большая часть басмачей успела бежать.

Потерь в отряде не было. Только один боец получил легкое ранение в ногу. Семь басмачей были убиты, двое захвачены в плен, в том числе и сам курбаши Манас.

Дождавшись группы бойцов, посланной в обход, отряд к вечеру спустился в долину и в местечке Катта-Карамых остановился на ночевку.

В кишлаке было пусто. Сразу видно, что здесь недавно хозяйничали басмачи. Местные жители, видимо, скрывались где-то в горах.

Расставив посты, устроив бойцов на отдых, Абдулла решил допросить пленного. Тот охотно рассказал, что ТахтаMAT далеко не может уйти, ибо несколько дней назад они вступили в перестрелку с отрядом из Каратегинской экспедиции, а потому единственное место, где может скрываться курбаши, – местечко Бок-Баш, что неподалеку от пика генерала Кауфмана. Абдулла решил утром направиться туда по свежим следам.

На другой день после шести часов безрезультатных поисков отряд остановился в одном киргизском ауле в Бокбашском районе. На фоне ярко-синего неба отчетливой белизной сверкали заснеженные вершины хребта. Любуясь величественной панорамой, комиссар устало присел на камень.

– Кажется, обманул меня плененный басмач, – подумал Абдулла. – Надо еще раз его допросить, потом подумаем, что делать дальше.

– Комиссар! Где комиссар? – раздался вдруг чей-то голос.

– В чем дело? – поднялся Абдулла и направился к группе бойцов, остановившихся около кибитки на окраине аула.

– Да вот товарищ Медведь, фотограф отряда, пленного привел.

В самом деле, перед красноармейцами, понуро опустив голову, сидел связанный басмач. Рядом с ним, смущенно переминаясь с ноги на ногу, весь красный от волнения стоял фотограф Матвей Зиновьевич Медведь. В свое время он напросился в экспедицию, чтобы запечатлеть для потомков разгром басмачей на пленку. С первых дней экспедиции он был ее участником.

– Это правда? – спросил комиссар Матвея Зиновьевича.

– Да, – все еще волнуясь, ответил фотограф.

– Как же это произошло? И где вы его взяли?

– Тут, недалеко, товарищ комиссар. Залюбовался я здешними местами. Думаю, до чего

красивые! Решил сфотографировать пик Кауфмана. Только поставил треножник, прикрутил свою машинку, стал наводить на пик. И что за черт! Вижу в объективе эту морду, – кивнул он в сторону басмача, – с поднятыми руками. Сперва даже не понял...

Оглушительный взрыв смеха оборвал рассказ фотографа. Смеялись долго. Почти весь отряд собрался к домику.

– Вы были без оружия? – спросил Абдулла фотографа.

– На этот раз, я, как назло, не взял карабина, товарищ комиссар, – ответил Медведь. – Думал, что ведь совсем близко от отряда, обойдусь. Кто знал!

– В другой раз прошу без оружия ни на шаг от отряда. Может случиться неприятность. Хорошо, что так все обошлось. Ведь не каждый басмач примет ваш фотоаппарат за новый вид оружия.

– Слушаюсь, товарищ комиссар!

Допрошенный пленный сообщил, что шайка Тахтамата находится совсем рядом. Абдулла тотчас отменил отдых. Столь благоприятного момента для разгрома шайки трудно было найти. Через пять минут отряд выступил.

Басмачи никак не ожидали удара отряда А. Ярмухамедова. Он был настолько внезапным и сокрушительным, что бандиты не успели произвести ни одного выстрела. Вся шайка во главе с курбаши Тахтаматом была взята в плен.

К концу сентября вся Алайская долина была очищена от басмачей...

П. Абрамов ГОРЯЧИМИ ТРОПАМИ

После некоторого затишья снова загремели выстрелы в ущельях Зарафшанского хребта. В одну из весенних ночей, перед рассветом, на кишлак Шут налетела банда Муллы Разыка и Кадыра Палвана. В течение нескольких часов басмачи бесчинствовали в селении – грабили жителей, жгли дома активистов, убивали всех, кто поддерживал Советскую власть. К утру кишлак представлял собой груды развалин, над ущельем поднимался дым еще не угасшего пожара.

Шут был не единственным селением, подвергшимся нападению басмачей. То из Ургутского, то из других районов Самаркандской области поступали сведения о разгуле банд, укрывшихся в недоступных горных ущельях. Люди стали покидать родные места, спускаться в долину под защиту отрядов милиции. Тревога поселилась в предгорьях Зарафшанского хребта.

Полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии доложил о создавшемся положении в Москву. На следующий день поступил ответ от Феликса Эдмундовича

Дзержинского. Он был короток: «Ликвидация оставшихся басмачей является делом чести чекистов и боевым заданием партии!»

Этот ответ был приказом для чекистов республики. Операцию по ликвидации банд разработали в кратчайший срок и приступили к ее выполнению. Из Самарканда в сторону Ургута выступил эскадрон внутренних войск ГПУ во главе с зам. председателя ГПУ Узбекистана Гафицким, начальником контрразведотдела Четвертаковым и уполномоченным особого отдела по борьбе с басмачеством Исмаилом Алтынбаевым. Второй конный отряд двинулся из Шахрисабзского района Кашкадарьи.

Возглавлявшие первый эскадрон чекисты, хотя были людьми опытными, непосредственно в операциях подобного рода, кроме И. Алтынбаева, не участвовали. Впервые им приходилось выезжать в горы для прямой встречи с бандитами, вступить в бой с коварным и жестоким врагом. К тому же обстановка была крайне сложной: простое владение оружием мало что значило. Противник не принимал открытого боя, действовал исподтишка, умело используя рельеф местности, внезапно появляясь и исчезая среди скал и арчовых рощ.

Эскадрон полагался на смелость и находчивость Исмаила Алтынбаева, ликвидировавшего в начале двадцатых годов не одну басмаческую группу. Ему доверили осуществление операции по уничтожению банды Муллы Разыка и Кадыра Палвана.

И. Алтынбаев решил идти по следу банды, который начинался от кишлака Шут, где несколько дней назад бесчинствовали басмачи.

Едва отряд приблизился к селению, как оставшиеся в живых жители кинулись к бойцам со слезами и мольбой отомстить бандитам за смерть близких, поругание жен и дочерей, за все зло, которое причинили они Шуту.

А зло причинено было великое. Когда-то красивейший в Ургуте кишлак, утопающий в зелени садов и виноградников, превратился в груды развалин. Огонь поглотил дома, спалил деревья. Черным стал кишлак. Самое лучшее здание – школа – была стерта с лица земли. Всю свою ненависть и злобу басмачи направили на символ новой жизни – место, где дети познавали грамоту, открывали для себя мир света и добра.

– Кто согласится показать тропу, по которой ушел Мулла Разык? – спросил кишлачников командир отряда.

Помочь отряду вызвалось сразу несколько человек, хорошо знавших горы.

Не спешиваясь красные конники начали преследование бандитов. Нельзя было терять ни минуты. Мулла Разык и Кадыр Палван могли уйти за перевал и, рассеявшись, сбить со следа эскадрон. Подмоги из Шахрисабзского района ждать не стали, предупредили только жителей Шута, что соединятся со вторым отрядом на тропе преследования банды.

Выше кишлака горное ущелье разветвлялось. Проводники выбрали дорогу, что вела к перевалу, именно туда свернули Разык и Палван, судя по следам сотен конских копыт.

Почти двое суток шел отряд, настигая банду и, наконец, обнаружил ее в глубине ущелья. Уже смеркалось, когда дозорные сообщили Алтынбаеву, что видели дым от костра, зажженного за небольшой рощей. Едва стемнело, засветился и огонь. Разведка пробралась к роще и засекла группу вооруженных людей, сидевших у костра. Не было сомнения, что это были бандиты.

Надо было подойти к роще и попытаться окружить ее, причем сделать это осторожно, без шума. К счастью, ветер дул вдоль ущелья и нес звуки в сторону эскадрона; басмачи не слышали ни топота коней, ни стука оружия, ни звяканья уздечек. По узкой, едва приметной крутой тропе бойцы стали сводить коней на дно ущелья. Шли шагом, сдерживая поводьями лошадей, чтобы они не взяли рысью, не наделали шума.

Не меньше часа потребовалось на этот трудный спуск. Сгустившаяся темнота мешала движению и в то же время помогала – отряд подобрался к роще незамеченным.

Разведчикам удалось подползти к месту расположения банды, притаиться и подслушать разговор басмачей. Оказалось, что у костра – люди Муллы Разыка. Да и сам курбаши был здесь. Видимо, банда разделилась и уходила в горы разными путями.

Ударить по Мулле Разыку ночью – значит спугнуть банду, дать ей возможность

скрыться под покровом темноты. Потери Разык, конечно, понесет, но избежит разгрома, и через некоторое время снова где-нибудь объявится и продолжит свое черное дело. Поэтому Алтынбаев принимает решение начать бой на рассвете.

Ночь ушла не на отдых. Бойцы готовились к схватке с врагом, занимали позиции с таким расчетом, чтобы банда не смогла уйти вниз по саю. Командир намеревался взять ее в кольцо и принудить к сдаче. Зачем напрасное кровопролитие.

Коротка южная ночь, особенно в горах. Долина еще окутана мглой, а вершины хребта уже светлеют. Вот-вот их коснутся первые лучи солнца. Едва забрезжило, Алтынбаев поднял бойцов в атаку. Отряд пошел на сближение с басмачами, держа винтовки наперевес. По замыслу командира проснувшиеся басмачи должны были увидеть кольцо и, не сопротивляясь, поднять руки. Однако кто-то из людей Муллы Разыка заметил красноармейцев, когда те были еще на довольно значительном расстоянии, и поднял тревогу. Полусонные, испуганные басмачи открыли беспорядочную стрельбу. Пришлось бойцам залечь.

Алтынбаев громко, чтобы было слышно каждому из окруженных, предложил Мулле Разыку сдаться.

– Вы окружены, – сказал он. – Сопротивление бесполезно. Сложившим оружие добровольно гарантируем жизнь.

Не зная, каковы силы отряда, Мулла Разык решил вступить в бой и прорваться к верховьям сая. Началась перестрелка. У басмачей было много патронов, и они их не жалели. Они могли вести огонь целый день. Это не входило в планы Алтынбаева. Неизвестно, где находилась банда Кадыра Палвана. Услышав перестрелку, друг Разыка мог поспешить ему на помощь, и тогда отряд оказался бы в трудном положении. Пришлось бы не наступать, а отступить.

– Вперед! – скомандовал Алтынбаев и первым двинулся вперед.

Это был решительный и мужественный поступок. Басмачи стреляли из всех своих шестнадцати карабинов, один из них мог положить командира красного отряда. Но не положил. Открытая атака испугала бандитов, в панике они стали отступать и наткнулись на заслон, заранее выставленный Алтынбаевым. Пули скосили сразу четырех басмачей. Мулла Разык заметался, как волк, оказавшийся в западне. Когда упали еще трое, он поднял руки и попросил пощады.

– Сдаемся! – крикнул курбаши. – Прекратите огонь.

Винтовки смолкли, Алтынбаев демонстративно сунул наган в кобуру.

– Оружие – на землю. По одному подходите ко мне, – распорядился, давая понять, что принимает просьбу Муллы Разыка о добровольной сдаче в плен.

Басмачи сложили оружие. Мулла Разык лично отдал свой маузер Алтынбаеву.

– Где Кадыр Палван? – спросил командир.

Не хотелось отвечать Мулле Разыку, предавать друга в присутствии подчиненных не к лицу даже бандиту. И он процедил сквозь зубы:

– Каждый отвечает за себя...

– Что ж, – согласился Алтынбаев. – Посмотрим, что скажет Кадыр Палван...

– То же самое... Каждый отвечает за себя.

...Как бы ответил Кадыр Палван командиру отряда, неизвестно. Не дошло до разговора. Отправив пленных басмачей в Самарканд, Алтынбаев кинулся на поиски Кадыра Палвана. По слухам, тот бродил со своими людьми по горным тропам, малоизвестным местным жителям. Собственно, кишлаков не было, курбаши обходил их за сотню верст.

Лазутчики известили Палвана о пленении Муллы Разыка. Он решил уйти из Ургута в верховья Зарафшана и там переждать трудное время.

Замысел курбаши разгадал легко Алтынбаев. Упустить банду было никак нельзя: в верховьях Зарафшана, в еще более густых зарослях арчовника, среди скалистых утесов и глубоких саев след Палвана потерялся бы вообще. Надо, было закрыть отход банды на восток. Поэтому командир повел отряд по тропам, разбегающимся бесчисленными нитями по

ту сторону Пенджикентского перевала.

Не один день и не одна неделя понадобились и Алтынбаеву, чтобы обшарить ущелья, прочесать лесные массивы, оглядеть горные пастбища. То ли Кадыр Палван уже ушел к Зарафшану, то ли очень хитро скрывал свои следы. Во всяком случае, обнаружить банду не удавалось. Надежда на встречу с Палваном гасла.

Совершенно неожиданно след обнаружился. Как-то отряд проходил мимо отары, пасшейся на горном склоне, и чабан поинтересовался, что ищут красные аскеры.

– Банду Кадыра Палвана, – ответил Алтынбаев.

– Какие-то люди проезжали утром в сторону мазара Хазрати Султан, – сообщил чабан.

– С оружием?

– Издали трудно было разглядеть, но похоже за плечами чернели винтовки.

Отряд поспешил к мазару.

Часа через три кони вынесли бойцов на склон ущелья, где светлела могила святого. Место было тихое. Каменная гряда не только отделяла мазар от горной тропы, но и скрывала его. За грядой басмачи и устроили привал. Банда отдыхала, лошади были расседланы. Не ожидали бандиты красных аскеров.

Бой начался сразу, как только главарь банды отклонил предложение Алтынбаева сдаться в плен и первый выстрелил из кольта.

Бойцы открыли ответный огонь. Завязалась горячая перестрелка. Перебежками, хоронясь за камнями, красноармейцы стали приближаться к бандитам. От метких пуль банда редела. Басмачи сдались бы, но Кадыр Палван исключал мирный исход схватки. Зная, что его ждет расплата и суровая за насилия и убийства сельских активистов, за издевательства над стариками и детьми, за грабежи и поджоги, он решил принять смерть в бою. Может быть, надеялся на что-то, перевес, например, в ходе схватки или вдруг появившуюся возможность скрыться. Перевеса не произошло, бегство исключалось – банда была окружена, и силы ее таяли. Все бандиты погибли, последним упал Кадыр Палван.

Так, у мазара, за Пенджикентским перевалом нашла свой конец басмаческая банда, бесчинствовавшая в Самаркандской области.

Отряд Исмаила Алтынбаева вернулся в Самарканд и доложил Полномочному представителю ОГПУ по Средней Азии о завершении операции. Отряду была вынесена благодарность за быстрое и смелое выполнение особого поручения председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского. Было это весной 1926 года.

И. Сааков **ЗОЛОТОЙ САД ЯКУБА-ХОДЖИ**

Это случилось до войны. Вначале сад именовался просто садом, и никто не предполагал, что сад на одной из тихих улиц Чорсу может быть золотым. Да и сам хозяин сада не походил на владельца сказочного богатства. Слишком скромно он выглядел, я бы даже сказал, бедно. Разбитый параличом, он почти не выбирался из дому, день-деньской проводил на супе среди одеял и подушек, пил чай, грыз лепешки. Жалость и сострадание вызывал у каждого, кто с ним сталкивался. Как не посочувствовать человеку, лишенному самого необходимого – возможности самостоятельно передвигаться. Вроде бы в заточении живет, мучается, терпит неизвестно кем наложенное на него страдание. Святой Якуб...

Правда, этот святой мученик не лишал себя земных радостей. Он был женат на молодой красавице, имел дочь. Вечером, оставаясь один, баловался запрещенным для мусульманина хмельным соком перебродившего винограда.

Тихо жил «святой» Якуб. Ночью и днем калитка его дома была на запоре. Соседи к нему не ходили, сам он тоже ни к кому не заглядывал. Лишь рано утром, когда появлялись на улице молочник или лепешечник, калитка открывалась и впускала во двор «гостей». Наблюдательные соседи, а соседи всегда наблюдательны, замечали, что калитка открывалась не только для молочника и лепешечника. Входили во двор закутанные в паранджу женщины, старички, опиравшиеся на клюку. Входили и надолго задерживались в доме Якуба-Ходжи.

Соседи, между прочим, и высказали мысль, что сад страдальца Якуба золотой и что золотым его сделали вот эти утренние посетители. В узелках под паранджой и в поясных платках они несли золото.

Золото всегда связано с тайной, особенно такое, скрытое. Тайна витала над домом Якуба-Ходжи, и она, естественно, вызвала интерес органов внутренних дел: что это за утренние посетители и ради чего они «золотят» несчастного Якуба?

Так вот, запросто, не войдешь в чужой дом и не увидишь золотые деревья в саду. Да и золотые ли они? Соседи порой, заглядывая в замочную скважину, принимают медь за золото. Нужно раскрыть тайну изнутри.

Изнутри тайну раскрыть мог только свой человек для Якуба-Ходжи, близкий во всяком случае. И он нашелся. «Жених» дочери. Не сразу нашелся. Прежде пришлось выяснить, собирается ли Якуб-Ходжа выдавать замуж дочь и какой калым затребует. Оказалось, что собирается и калым установил мизерный. Можно сказать, никакого калыма не хотел «святой», сбить с рук надо было дочь и поскорее. Над девицей тоже висела какая-то тайна, связанная опять-таки со сватовством.

«Жених» пришелся по душе дочери и матери. Матери даже больше, чем дочери. Был он весьма недурен собой, веселый, общительный. В дом вошел легко и легко завоевал симпатии хозяина. Тому нужен был расторопный, толковый помощник, которого можно послать с поручением к полезным людям, возложить на него обязанности садовода и домоуправителя. С женьбой юношу не торопили, пусть освоится, подкопит денег, станет на ноги, закончит институт – «жених» выдал себя за студента.

Операция по раскрытию тайны началась довольно скоро. Уже через две недели от «жениха» поступили первые сведения о «друзьях» Якуба-Ходжи. От них в дом «святого» шло золото и не только. Сюда стекались бриллианты, ювелирные изделия, дорогие меха, бархат, плюш. Стекались и, видимо, оседали. С поставщиками ценностей Якуб-Ходжа расплачивался наличными и незамедлительно. Денег у него было много.

На вопрос – для какой цели скупает золото, бриллианты и меха немощный Якуб? – «жених» ответить не мог. Пока еще это было загадкой, как и обилие денег у будущего «тестя».

Постепенно таинственный клубок стал разматываться. Оказалось, что ценности долго не задерживаются в доме Якуба-Ходжи, время от времени их перемещали в другое хранилище, неизвестно где находившееся, а возможно, отправляли в дальний путь. Последнее было более вероятным. Касса Якуба-Ходжи постоянно пополнялась. «Жених» видел, как он пересчитывал крупные запечатанные купюры, должно быть, только что поступившие к нему.

На спекуляцию действия Якуба-Ходжи не походили. Слишком устойчивым был круг поставщиков и слишком четким путь «движения» ценностей. Парализованный «мученик» более походил на посредника. Но между кем? Каково направление всех его усилий? Где конечный и главный пункт оседания ценностей?

Попытка с ходу решить эти задачи не дала желаемых результатов. «Жених» не стал еще по-настоящему близким человеком, хозяин еще не собирался открывать ему своей тайны. Единственное, что узнал «жених», – место, где хранятся наиболее ценные вещи. Таким местом оказалась постель Якуба-Ходжи. С нее, как известно, больной не поднимался. Она состояла из подушек и шкур. Чистить и сушить шкуры разрешалось только жене хозяина. Посторонняя рука к ней не прикасалась. Сам Якуб-Ходжа частенько запускал под шкуры пятерню и долго там что-то перебирал. В пятерне хозяина «жених» как-то увидел вспыхивающее бриллиантами кольцо. Коснувшись света, оно тут же исчезло под шкурами.

Существование тайника было важной деталью, и она была зафиксирована. Но самым важным оказалось для нас перемещение ценностей, накапливаемых в доме Якуба-Ходжи. Ценности покидали дом и, возможно, город. Не исключалась связь Якуба-Ходжи с контрабандистами. Иначе говоря, нить от тихого дома на Чорсу протягивалась за рубеж. Пока это было предположение, но, если оно возникло, следовало проверить самым тщательным образом каналы, по которым могла осуществляться утечка золота и драгоценностей в другую страну.

За домом было установлено наблюдение. В самом доме действовал «жених». Он оставил в покое хозяина и переключился целиком на домочадцев. Дочь кое-что знала, но основным хранителем тайн являлась жена Якуба-Ходжи. Вытянуть из нее эти тайны было не так-то просто. Недели уходили на «ловлю» всевозможных мелочей и «нанизывание» их на логическую цепочку. А время шло, и в любой момент могли по явиться связные и унести накопленное в доме.

Якуб-Ходжа распух от обилия проглоченного. Держать золото и драгоценности было уже негде. Меха и отрезки под шкурами не умещались, выпирали оттуда и браслеты. Выпала как-то из постели серебряная ваза. Хозяин нервничал. Потеряла покой жена. Ночами напролет она что-то перекладывала, переносила с места на место. Бледной стала невеста. Тревожила ее нависшая над домом опасность. Так понял «жених».

Наступил момент для решительных действий.

– Что с тобой? – полюбопытствовал «жених». – Ты больна?

– Если бы была больна! – вздохнула Атика (так звали невесту). – Страшно стало жить. Как бы не случилось что с отцом.

– Ему плохо?

– Да.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Не знаю. Посоветуюсь с матерью.

Вечером жена Якуба-Ходжи пригласила «жениха» к себе в комнату и рассказала о беде, что подкралась к их дому. Оказалось, люди, богатство которых хранит по своей доброте Якуб-Ходжа, куда-то исчезли, и теперь он не знает, как с ним быть. Его надо бы спрятать, но где? Да и способны ли женщины это сделать. Пусть будущий зять поможет.

– Я готов. Приказывайте! – согласился «жених».

Хоронить ценности решили на рассвете.

«Жених» копал ямки под кустами роз, у корней деревьев, женщины клали в них завернутые в тряпки золотые и серебряные вещи, драгоценные камни. Работы хватило до первого стука в калитку – появления молочника.

С наступлением вечерних сумерек работу продолжили. Перенесли во второй двор чаны, наполненные мехами и отрезками бархата. Долго, очень долго хозяйка подыскивала место для небольшого, но очень, видимо, ценного свертка. Его спрятали под углом дома, вынув из стены камень. Когда «жених» засовывал сверточек в отверстие, то нащупал пальцами жесткие зерна. Должно быть, в свертке находились бриллианты.

Места, где жена, дочь и «жених» спрятали драгоценности, были нанесены на схему дома и участка. У нас в руках оказалась, наконец, тайна Якуба-Ходжи. Оставалось лишь предать ее гласности.

Обыск дома был назначен на утро следующего дня. Медлить было нельзя. Могли внезапно появиться люди, которых ждал хозяин.

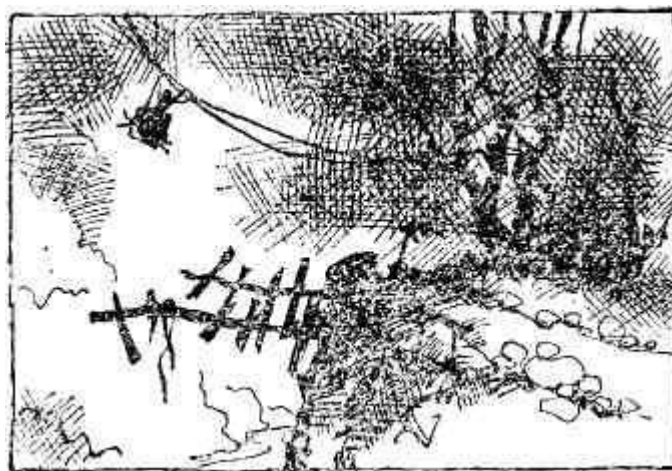
Часов в семь оперативная группа заняла позиции у въезда в переулок. Надо было встретить поставщиков золота и проводить их в дом Якуба-Ходжи. Как говорится, взять с поличным. Мне и понятым предстояло зафиксировать результаты обыска и оформить соответствующие документы.

Операция завершилась самым лучшим образом. Поставщики золота были задержаны в момент передачи его Якубу-Ходже. Дом и двор обысканы, извлечены из тайников драгоценности. Больше всего их оказалось в шкафах постели хозяина.

Было изъято ценностей на 350 тысяч рублей золотом и 500 тысяч советскими деньгами. Якуб-Ходжа, его жена и дочь Атика, а также поставщики драгоценностей подтвердили факт скупки золота и тайного его хранения.

Следствие вскрыло опасный для государства характер преступления Якуба-Ходжи и его сообщников. Агент иностранной разведки, этот «мученик» контрабандным путем переправлял в одно из соседних с нами государств золото, драгоценности. Самая большая партия благородного металла намечалась к транспортировке в самый канун второй мировой войны. Бдительность органов государственной безопасности пресекла эту вражескую акцию. Приговор советского суда был суровым.

Н. Юденич СЛЕДОВАТЕЛЬ ЧК

Как сейчас помню, я сидел за столом в канцелярии Туркестанской комиссии по борьбе с голодом, когда позвонил телефон.

– Юденич?

– Да.

– Завтра в 9 утра явитесь на Уратюбинскую улицу в Особый отдел. Пропуск заказан.

Подобные звонки в то время нас, представителей старой интеллигенции, приводили в ужас. Нам казалось, что вызов в Особый отдел означал не что иное, как арест. Для этого было достаточно примеров – отдельные чиновники имели связи со всякого рода тайными организациями и, естественно, за подобную связь расплачивались. Лично я не разделял мнения, что всех интеллигентов должны сажать, но все же приглашение явиться в отдел принял без всякого удовольствия.

Домой пришел далеко не в радужном настроении. Рассказал жене, та приуныла. Ее можно было понять – вызов в секретную организацию не настраивал оптимистически, если учесть еще, что вызвали не вообще кого-то, а собственного мужа, плюс прапорщика, бывшего адъютанта 1-й Сибирской Запасной Стрелковой бригады, имевшего в свое время неосторожность сделать предложение дочери бригадного генерала.

Обсуждали, вспоминали, гадали. Ничего крамольного в моей биографии на семейном совете не нашли. И все-таки, провожая утром меня на работу, жена с тревогой сказала:

– Буду беспокоиться. Не задерживайся!

Это прозвучало иронически: будто я намеревался по собственной прихоти задержаться в Особом отделе. Вот если меня задержат – другое дело.

Пропуск я получил сразу, а затем меня повели к самому начальнику Особого отдела – Воскину. Он принял меня без всякой проволочки. По привычке, я постучался в дверь и услышал голос:

– Давай заходи!

Кабинет по тому времени оказался приличным. Человек, который меня принимал, выглядел элегантно, если опять-таки учесть время – разруху, голод, эпидемии. Я, естественно, почувствовал себя неловко в этой обстановке: на мне была выцветшая гимнастерка, старые шаровары и солдатские ботинки с обмотками. Я представился очень робко:

– Юденич! Меня вызывали...

Воскин не обратил внимания на мою фамилию. В лицо не посмотрел, а сразу на костюм, на ботинки, на обмотки.

– Почему плохо одеты?

Прямо скажу, вопрос показался мне издевкой и мгновенно озлобил. Захотелось надерзить ему.

– Все променял на продукты, – ответил я с вызовом.

Воскин вдруг улыбнулся. Он, видимо, ожидал встретить какого-нибудь буржуа, припрятавшего от власти слитки золота и отрезки шевиота и бархата, а перед ним оказался потрепанный событиями интеллигент.

– Будете работать следователем, – утвердил заранее принятое решение начальник.

– Но... – хотел возразить я. Воскин прервал меня.

– Никаких но... Вы мобилизованы! Пройдите к моему помощнику, товарищу Зингеру. Что же, пришлось идти к помощнику. Разыскал кабинет и снова доложил.

– Я Юденич. Меня прислал к вам Воскин.

Из-за большого письменного стола поднялся большой человек в кожанке, которая в те годы олицетворяла форму руководящего состава. Еще я обратил внимание на его очень светлые волосы и крупный нос. Больше ничего примечательного в товарище Зингерове не было.

– Садитесь! – предложил он строгим тоном. – Вам уже известно, что вы назначаетесь следователем?

– Я работаю в Турккомголове, – объяснил я.

– Это не имеет значения. Повторяю, вы назначены следователем... – Он нажал кнопку звонка. Вошел красноармеец, вытянулся на пороге. – Проводите товарища в следственную часть к Богомолу.

Чувствую, что вопрос мой решается окончательно, я все же пытался противиться:

– Не хочу работать следователем.

– Что-о?!

Это «что» прозвучало как удивление и негодование одновременно. На меня оно должно было произвести впечатление взводимого курка. Однако я все же сопротивлялся. Не зная задачи Особого отдела, рисовал себе его чем-то вроде старого охранного отделения. Ненависть к жандармам, рожденная еще в студенческие времена, жила во мне. Вспомнил забастовку учащихся в Москве, демонстрацию на Театральной площади вскоре после смерти

Л. Н. Толстого. Над толпой красные флаги, льются скорбные и величественные звуки: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И вдруг со стороны Неглинного проезда налетают конные жандармы. Начинается избиение студентов нагайками. Один и меня огрел по плечу. Тогда-то и появилась ненависть, не отвлеченная, а конкретная, так сказать, осязаемая.

Мой протест уловил Зингеров, но не стал объяснять или убеждать. Он передал листок бумаги красноармейцу, и тот повел меня в следственную часть. Я уже почувствовал себя арестованным.

Третья комната, в которой мне довелось побывать в то утро, произвела на меня довольно благоприятное впечатление. Вернее, это была не одна комната, а две смежные: в одной, маленькой, сидел благообразный старичок, очень похожий на рабочего, во второй – сухощавый брюнет, с проседью на висках, в пенсне. Старичок оказался начальником следственного отдела Богомоловым, мужчина в пенсне – следователем Зарембой. Обстановка была простой, как во всяком учреждении, выполняющем большую по объему работу.

Едва я переступил порог, как старичок поднялся и, улыбаясь, пошел мне навстречу, словно прежде знал меня и теперь рад был видеть.

– Ну вот и хорошо, молодой человек, – произнес Богомолов, здороваясь. – Будем вместе работать. Спецы нам вот как нужны...

Приветливое, улыбчивое лицо старичка как-то сразу располагало к себе, делало общение с этим человеком приятным, интересным. Он усадил меня на стул и ласковым тоном стал расспрашивать, кто я и что умею делать.

Прежде всего я заявил о своей явной непригодности к работе, которую делают в Особом отделе. Действительно, у меня был диплом об окончании юридического факультета, но мне практически не приходилось соприкасаться с юридической деятельностью.

– Я тоже не соприкасался, а вот приказали и работаю, – мягко, как бы оправдываясь передо мной, сказал Богомолов. – Надо, контрреволюция за горло берет.

Насчет практики не помогло, тогда я стал излагать свою весьма не революционную биографию, упомянул тестя-генерала.

– Разные генералы бывают, – заметил с улыбкой старичок. – Вон повыше твоего генерала Брусиллов, а сразу перешел на сторону Советской власти. Садись, будешь следователем. Товарищ Заремба поможет, он у нас специалист насчет составления всяких протоколов и решений.

Услышав свою фамилию, в комнату вошел мужчина в пенсне и спросил Богомолова.

– Вы меня?

– Познакомьтесь, это наш следователь, товарищ Юденич. Молодой еще, ему помочь надо...

Меня все не покидало чувство, что попал я сюда случайно, сейчас этот удивительный разговор кончится, и я покину Особый отдел, вернусь к своей работе в Комиссии по ликвидации голода. А разговор не оканчивался. Он принимал все более конкретный и деловой характер. Богомолов достал из шкафа кипу следственных дел, передал мне. Машинально я принял их, но так настороженно, так неуверенно, что Богомолов поспешил успокоить:

– Да ты не бойся, дела простые... Беляки.

– Какие беляки?

– Ну всякие там дутовцы, анненковцы, осиповцы. Разберешься. Тех, кто не участвовал в карательных отрядах и не связан с контрразведкой, направляй в Реввоенсовет – там спецы нужны, формируется Красная Армия. А кто участвовал, пусть посидят.

– Где? – задал я наивный вопрос.

– В тюрьме, милый. Ты же юрист, знаешь, что за преступления перед народом надо расплачиваться.

Это я, конечно, знал и не потому, что имел юридическое образование, а потому что в мире существовали нормы и представления, понятные каждому человеку.

Мой новый начальник вышел, а я остался с кипой папок и следователем Зарембой,

который иронически смотрел на меня и мою растерянность перед обязанностями, появившимися так неожиданно. Коллега вынул портсигар, предложил мне папиросу. Закурил молча. Я все еще не в состоянии был свыкнуться со своей ролью. Заремба прервал молчание:

– Работа, конечно, ответственная... Судьбы людей, и главное нет кодекса, одни установки. Но если все решать по совести...

По совести. Все это я запомнил. Это было понятно и в то же время страшно. Совесть может ошибаться, как все, связанное с чувством. Достаточно ли я тверд и мужествен?!

Я вздохнул, встал из-за стола и подошел к окну. И вдруг увидел жену. Бедняжка, она стояла на другой стороне улицы, на тротуаре, укутавшись в шаль. Надо скорее сказать ей, успокоить. Бросаюсь к двери, но на пороге меня останавливает красноармеец.

– Товарищ Юденич, вас вызывает помощник начальника.

Значит, предупредить жену не удастся. Шагаю вслед за красноармейцем в кабинет Зингерова. Он уже не за своим огромным столом, а у входа. Ждет меня.

– Приняли дела?

Пока я раздумывал, как лучше объяснить ситуацию и мои опасения, Зингеров дал распоряжение.

– Останетесь в отделе: работать и ночевать, надо расчистить тюрьму. От контры. Дел много накопилось.

– И домой не отпустите?

– Нет.

– Ну что же, раз надо...

У меня перед глазами стояла жена, обеспокоенная, бледная.

– Я хотел бы сообщить дома, кое-что из одежды взять...

Зингеров посмотрел на меня с сожалением – ему казалось, наверное, что я напуган и пытаюсь скрыться.

– Прежде прочтите это и подпишите.

Он взял со стола бланк и протянул его мне. Я пробежал глазами текст, в котором говорилось, что обязуюсь держать в секрете государственные тайны. «В случае нарушения обязательства, добровольно обрекаю себя на расстрел», – говорилось в конце бланка. Последняя фраза заставила меня побледнеть.

– Как? Добровольно?

Зингеров спокойно, даже сухо ответил:

– Такой порядок. А вы что, боитесь проболтаться?

Опять посмотрел на меня с сожалением. Я взорвался:

– Ничего не боюсь...

– В таком случае будем считать вопрос решенным. Подпишите!

Я машинально, с пренебрежением расписался.

– Устраивайте свои семейные дела, – принимая листок, сухо произнес Зингеров. – Приступайте к работе. Предупреждаю – не опаздывать!

На улице я догнал жену, понуро удаляющуюся от Особого отдела, взял под руку.

– Жив! – произнесла она радостно.

– Жив, жив...

– Зачем вызывали?

Я рассказал ей все подробно. Не скрыл и своих сомнений.

– Нужна только честность, так поняла я, – ответила она успокоенно. – Что же ты не решаешься?

– Уже решился.

Она сжала мою руку.

– Может быть, это твое будущее.

Жена оказалась права. Начался незабываемый период моей жизни...

Решать по совести. Кажется, совершенно ясное понятие, но каким оно становится трудным, когда сталкиваешься с событиями, участником которых являешься ты сам. Перед

тобой человек со всеми своими достоинствами и недостатками, он борется с тобой, борется за себя. В течение каких-то часов, дней, а то и недель происходит поединок между обвиняемым и следователем. Тактика следователя одна – наступление, обвиняемого – защита. Но иногда положение меняется, приходится отступать и даже обороняться. В перерывах между допросами следователь работает, работает порой больше, чем во время встречи с противником.

Так вот в процессе этой работы, а точнее – борьбы надо решать судьбу обвиняемого. На нас возлагалась обязанность определить преступление и предложить наказание. И то и другое органически связано. Уже в процессе следствия возникает мнение относительно результатов, поэтому формулировка обвинительного заключения по своему тону должна соответствовать решению. Личное отношение следователя к обвиняемому присутствует во всем этом. Прежде всего спрашиваешь самого себя: заслужил человек такого наказания? Свою совесть спрашиваешь.

А если я ошибаюсь? Если что-то пропущено, не вскрыто. Если факты, обвиняющие человека, всего-навсего случайное совпадение, и он не в силах доказать противное.

Богомолов говорил мне:

– Чутьем надо узнавать – кто свой, кто контра.

И привел пример из своей практики:

– В дни осиповского мятежа я был председателем ЧК в железнодорожных мастерских. Поговоришь с беляком, и сразу понятно, чем он дышит.

– Тогда враг действовал открыто, бросался на Советскую власть с оружием в руках, – возражал я. – Теперь он маскируется. Трудно определить, чем он дышит, чутьем его не разгадаешь...

* * *

Мой приход в Особый отдел совпал с формированием Красной Армии, организацией военных училищ; требовались специалисты. А найти их можно было только среди кадров старой армии. Но кадры эти не были однородными: часть офицеров, как известно, с первого дня революции и гражданской войны осталась в стане врагов и продолжала бороться с Советской властью под знаменами Врангеля, Дутова, Деникина и других царских генералов. Другая часть старого командного состава перешла на сторону революции и верно служила родине и народу. Были и такие, кто симпатизировал в душе Советам, но в силу традиции и дисциплины оказался среди врагов и выполнял волю своих бывших начальников. Таких мы старались привлекать в качестве военспецов. Находившиеся в тюрьме пленные, перебежчики пронюхали об этом и быстро перестроили свои биографии в надежде получить в Красной Армии командную должность повыше. Они лгали на допросах, преувеличивали свои чины, хвастались знаниями. Попробуй раскусить такого субъекта!

В первые же дни работы следователем мне попался один белый офицер именно с такой биографией, состряпанной в тюрьме.

Допрос происходил в несколько комической ситуации. Отправляясь утром на работу, я обнаружил, что подметка на одном моем ботинке оторвалась. Время было летнее, и я решил идти босиком, замены не было. Сел за стол, а ноги подобрал под себя. В таком виде меня застал приведенный на допрос офицер. Он мельком взглянул на босые ноги следователя и сделал для себя соответствующий вывод.

– Фамилия, имя, отчество? – поставил я стереотипные вопросы. – Рассказывайте о себе все!

И он начал рассказывать вдохновенно, не стесняясь в преувеличениях, где касалось его военных доблестей и заслуг. Назвал он себя капитаном, сыном священника, выпускником известного в России военного училища. Все это излагалось самыми простонародными словами, с вопиющим искажением военной терминологии. Вначале, фиксируя ответы, я исправлял офицера, потом рассердился и стал писать так, как он говорил. Подал ему на

подпись. Мой капитан долго прицеливался к тому месту, где следовало приложить руку и, наконец, поставил какую-то малограмотную закорючку.

– Значит, окончили военное училище? – повторил я вопрос.

Рассерженный, я стал экзаменовать капитана по алгебре, геометрии, географии. Вместо ответов, он мычал и хлопал глазами.

– Кто вы такой? – неожиданно вырвалось у «капитана».

– Офицер, адъютант бригады.

Беляк вскочил, вытянулся и, забыв, что на нем нет шапки, взял под козырек.

– Виноват, ваше благородие!

– Ведь врал все? – не успокаивался я.

– Так точно, ваше благородие! Ефрейтор я...

И «капитан» снова, теперь уже с удивлением посмотрел на мои босые ноги. Это они ввели его в заблуждение – решил, что перед ним какой-то бродяга, которому можно втереть очки без особого труда.

Сидевший за столом Богомоллов едва не прыскал от смеха.

– Зачем же ты врал? – вмешался он в допрос.

Бывший «капитан» уныло протянул:

– Хотел должностишку побольше получить в армии.

– Дурак, а мы вот теперь за обман Советской власти вкатим тебе срок побольше.

Ефрейтор побледнел. Куда девались его самоуверенный тон и хвастливая развязность.

– Дурак и есть, – заикаясь, произнес он. – Вижу, люди простые, думал не разберетесь.

Я начал писать постановление о вынесении ефрейтору приговора. Ему полагалось два года тюрьмы за то, что с умыслом ввел в заблуждение следственные органы.

– погоди! – остановил меня Богомоллов. – Признался все же человек... Раскаялся, вроде... – Он повернулся к удрученному ефрейтору, спросил мягко: – Раскаиваешься?

– Так точно... Вы уж простите.

– Трудом и верностью Советской власти должен искупить свою прошлую и настоящую вину.

Ефрейтор опять вытянулся в струнку и отрапортовал:

– Буду стараться.

Мы отправили его в военкомат. В сущности, никакой особой вины у него ни в прошлом, ни в настоящем не было. Сам из бедных крестьян, он оказался у белых по мобилизации.

Но этот курьезный случай не только характеризовал обстановку того времени, но в определенном смысле раскрывал ту самую формулу, которую Богомоллов выражал фразой «решать по совести». В особые минуты он говорил более точно – решать по революционной совести. Здесь был классовый оттенок, который и помогал находить нужную точку зрения. Я понял это, уяснил понятие, казавшееся вначале условным и даже нереальным. Да, революция должна исходить из положений, вызванных враждующими между собой классами, карать поднявших на нее оружие и щадить отбросившего его, отличать чужого по классу от своего, забредшего во враждебный стан по ошибке. Если же свой предавал, его настигала жестокая расплата.

Особенно беспощадной была кара, когда свой поднимал руку на своих. Помню, мне пришлось разбирать одно дело в поселке Троицком. Там формировалась часть для отправки на Ашхабадский фронт. Накануне выступления произошла стычка между красноармейцами и сельчанами, приведшая к убийству. Меня срочно направили в полк для расследования и ареста виновных. Довольно быстро удалось разобраться в обстановке, навести порядок. Но на обратном пути один лихой кавалерист, видимо, из числа тех, кто был повинен в смуте, решил «посчитаться» со следователем. Группа верховых окружила меня и, размахивая оружием, отобрала лошадь. Инициатор этого насилия присвоил себе трофей, а мне с усмешкой выдали расписку. «Грабеж» сопровождался руганью, шелканьем затворов.

– Стаскивай его с седла! – озлобленно кричали кавалеристы.

– Не жалея канцелярскую крысу!

Первым желанием моим было выхватить браунинг, но благоразумие предостерегло от этого рискованного шага. Против целого полка не повоюешь. Начнется перестрелка, заварится такая каша, что потом и не расхлебашь. Главное, полк задержат, а ему срочно надо на фронт.

Я отдал коня. Единственное, что смог сделать, это предупредил:

– Лошадь казенная.

– Наплевать.

– Судить будут.

– Это мы еще посмотрим.

В тот же день в Ташкенте, в казарме на Урде, был арестован мародер из кавалерийского полка и, по распоряжению начальника Особого отдела, доставлен на Уратюбинскую улицу для допроса.

– Что будет? – спросил я сотрудника отдела, выезжавшего в казарму.

– Для поддержания дисциплины расстреляют мародера, а тебя под суд, чтобы берег казенную собственность.

Во мне заговорила совесть, не общая, отвлеченная, а личная, если так можно выразиться. Я бросился за содействием к Богомолу.

– Выручайте!

– Кого выручать? Этого мародера? Если все начнут грабить народную собственность, нападать на представителей рабочей власти, так мы и недели не продержимся.

Все это старичок произнес сухо, со строгостью в голосе, но пошел, однако, к Воскину выяснять вопрос.

Пробыл он у начальника отдела с полчаса. Вернулся такой же хмурый, но в глазах светился добрый огонек.

– Кремь, этот Воскин. Не уломать его. И молодец, нечего со смутьянами цацкаться: к стенке!

Внутри у меня похолодело: значит, все-таки расстреляют. Теперь, когда событие было уже позади и волнение улеглось, наказание показалось слишком суровым.

– Из-за лошади – смертная казнь! – ужаснулся я.

– Разве в лошади дело, – пояснил Богомол. – Дело в нарушении революционной дисциплины.

Добрый огонек продолжал светиться в глазах старичка.

– Счастливо отделался, сукин сын, – усаживаясь за стол, закончил свою беспощадную речь Богомол. – Тридцать суток ареста вместо расстрела, а тебе выговор... Тоже счастливо отделался...

Я часто вспоминаю этот случай. Он кажется мне, как и случай с ефрейтором-капитаном, характерным для того времени. В сложной обстановке классово-политической борьбы многие совершали ошибки, попадали под влияние контрреволюционных элементов, но при всей беспощадности революционных законов заблудившихся щадили. Поэтому, когда слышишь категорические заявления далеких от событий того времени людей относительно слепой кары, чувствуешь необходимость возразить. Я сам находился в центре борьбы за революционную дисциплину и как очевидец могу сказать: слепого возмездия со стороны революционной власти не было, днями и ночами мы сидели, разбирая дела контрреволюционеров, копаясь в фактах, просеивая материалы сквозь строгое сито объективности. Враги же, едва захватив где-либо власть с помощью мятежа или вооруженного насилия, немедленно уничтожали всех, кто хоть как-то был причастен к Советской власти. Достаточно вспомнить Осиповский мятеж в Ташкенте, рейды белоказаков в Семиречье, налеты басмачей на кишлаки и города – везде кровь лилась рекой, горели костры с человеческими телами, грохотали залпы расстрелов.

А революционные органы, несмотря на труднейшую обстановку в условиях ожесточенного белого террора, старались соблюдать социалистическую законность, базировавшуюся на твердых классовых принципах.

Приведу еще пример, подтверждающий революционную принципиальность органов Советской власти.

В Бостанлыкском районе, близ селения Бурчмулла, была организована сельскохозяйственная коммуна. Как всякое начинание, она нуждалась в энергичных, революционно настроенных людях. Именно таким был ее председатель. Он собрал бедняков, отрезал от байских владений кусок земли и принялся строить новую жизнь. В горах родилась коммуна. Много неожиданного, даже романтического было в этом удивительном деле. На склонах хребтов зардели красные флаги, с песнями выходили в поле люди. Самое дерзкое было в том, что председатель начал борьбу против устоев шариата – он мечтал о кишлаке, где женщины станут свободными и равноправными. Он призвал их снять паранджу – вековой позор Востока.

Его убили. Зверски. На базаре подстрекаемая баями и духовенством толпа стянула его с лошади, закидала камнями, затоптала ногами. Труп бросили в ров.

Мне было поручено выехать на место событий, расследовать дело, арестовать и доставить в Ташкент зачинщиков. В помощь снарядили одного конного красноармейца. Ни начальник отдела, ни я не знали положения на месте, не представляли себе, что такое горный кишлак, где только что бай совершили убийство и где практически они хозяйничали.

На лошадях мы доехали до селения, но перебраться на другой берег Чаткала, где находился сельсовет, не смогли. Мост через поток, сожженный осиповцами, восстановлен еще не был, единственным средством сообщения оказался трос с люлькой. Пришлось красноармейца оставить с лошадьми на этом берегу, а самому в люльке преодолевать ущелье. Причем и этот способ не был всем доступен. Только мандат Особого отдела открыл мне путь на противоположный берег.

Был уже вечер, когда я пешком добрался до Бурчмуллы и отворил дверь сельсовета.

Не откладывая дела, стал вызывать жителей кишлака и расспрашивать об убийстве. Первый вопрос: кто подстрекал к убийству председателя коммуны и кто убивал? Видимо, представителя власти уже ждали, поэтому результат допроса был подготовлен местными баями. Все отвечали одинаково: чьи руки поднимались – не разберешь, кто первый замахнулся – неизвестно. Иначе говоря, все виновники, всех надо судить. Заговорщики провели большую работу. Я не сомневался, что были пущены в ход угрозы, подкуп, во всяком случае целый кишлак отвечал по подсказке. Никаких отступлений, никаких вариаций, точная формулировка: не знаем, не видели, все виноваты.

Бай действовали довольно логично. Приезд следователя – явление кратковременное, поговорит, пошумит и уедет, а сельчане останутся здесь, в горах, за многие километры от города, от власти, от ЧК и, как прежде, под началом богатеев и мулл. Тому, кто проболтается, житья в кишлаке не будет, он исчезнет бесследно в пропасти или на дне Чаткала. И, зная это, дехкане упрямо повторяли одно и то же – не знаем, не видели, все виноваты.

Действительно, какова сила одного, пусть даже вооруженного человека. У него и коня-то нет, оставил где-то за рекой, убежать не на чем. А о том, чтобы убежать, я стал подумывать на второй день следствия. Чем больше я проявлял настойчивость в допросах, тем глуше, сдержаннее отвечали подследственные. Мимо окон постоянно мелькали странные силуэты, ночью к дверям подкрадывались неизвестные и, притаившись, слушали, что я делаю. Сторож сельсовета, приносящий мне светильник и еду, интересовался, стреляет ли мой пистолет и на каком расстоянии можно убить человека. Он же советовал мало спать ночью.

К концу второго дня я прервал допрос, так как заметил уже слишком оживленное движение за окнами. Создавалось впечатление, что весь кишлак собирается около сельсовета. Я встал и подошел к распахнутой раме. Уже темнело. Косые лучи солнца освещали багровым светом вершины Чимгана. Улицы кишлака, погруженные в сумерки, скрадывали притаившиеся у ворот и калиток тени. И все это вокруг сельсовета. Тревожная ночь

подступила к горному селению.

Что делать? Мне приказано выявить и арестовать зачинщиков самосуда. За два дня я ничего не выяснил. Остаться дальше в кишлаке – значит еще больше накалить обстановку. Баи ведут тайную войну против меня, и она вот-вот станет явной. Видимо, сегодня ночью что-то случится. А что, если пойти навстречу врагам, – арестовать двух-трех человек из числа этих негласных властителей селения. Ведь они убили председателя коммуны, передового дехкана, сына революции. Даже самый элементарный принцип справедливости требовал расплаты за кровь посланника Советской власти. Если отступить от этого принципа, что подумают бедняки, у кого им искать защиты и поддержки? Большевики призывают их вступить на новый путь, а когда они делают первый шаг, никто не протягивает им руки. Страшный вывод! Столкнувшись с проблемой наказания не на бумаге, не на судебном заседании, а прямо на месте преступления, начинаешь понимать, насколько важна и необходима кара по отношению к врагам.

Ко мне приходит отчаяние, злость – как непростительно глупо, что я оказался здесь один. Враг должен видеть нашу силу, нашу способность карать за преступление. Маленький браунинг в моих руках – и это все. Смешно даже надеяться на несколько патронов.

Предположим, я остаюсь. Предположим большее, принимаю бой, а что он произойдет, в этом уже нет сомнения – атмосфера накалена. Со мной случится то же, что и с председателем коммуны. Поможет ли это распутать клубок, найти зачинщиков? А наказать всех, просто мстить – бессмысленно. Жертвами окажутся невинные люди, может быть, те самые бедняки.

Вот каков он – рубеж преступления и наказания. Можно ли его переступить? Видимо, нет.

Второе преступление не должно совершиться в кишлаке. Я собираю бумаги, складываю их в портфель. Сторож как будто ждал этого. Молча входит, засвечивает коптилку, ставит передо мной поднос с чайником и двумя лепешками.

Спрашивает холодно:

– Уезжаешь?

– Да.

В глазах старика вспыхивает радостная искра. Ему не хочется, чтобы в его кишлаке снова пролилась кровь.

– Если собрался, уезжай сейчас, – советует он.

Сумерки сменились тьмой. Кишлак затягивается ночным пологом. Я непростительно замешкался. До Чаткала добираться в такое позднее время трудно и опасно, но и оставаться нельзя. Старик выходит, и тотчас в дверях появляются сельчане – человек десять. Самый пожилой, в шелковом халате, в пышной чалме и дорогих сапогах, становится у стола, остальные располагаются вдоль стен. Пожилой с угодливой улыбкой спрашивает:

– Слышали, уезжаете?

– Уезжаю.

– Просим задержаться. Сейчас плов будет.

Те, что прижались к стене, исподлобья смотрят на меня. Ждут ответа.

– Спасибо, не могу. Меня должны встретить на той стороне товарищи.

Я солгал и по лицам людей догадался, что они знают истинное положение вещей: разведка у богатеев поставлена хорошо, кроме одного красноармейца за Чаткалом никого нет и не будет. Однако пожилой делает вид, что поверил, и кивает.

– Мы проводим гостя. Темно, дороги не видно.

От этого отказаться нельзя, и я соглашаюсь.

От кишлака до берега два километра. Их надо пройти в сопровождении враждебно настроенных против меня людей.

– Начальник узнал, кто убил председателя? – спрашивает пожилой.

– Нет, не узнал.

– Как не узнал? – искренне удивился бородатый. – Все убивали, все, кого спрашивал

начальник...

– Надо найти первого, бросившего камень, – попытался разъяснить я точку зрения следствия.

– Первого нет, – твердо ответил бородастый, и этим как бы отрезал путь к иному толкованию преступления. – Камни бросал весь базар.

Вести спор было бессмысленно, да и рискованно, он мог перерасти в конфликт с самым плачевным исходом. Я предложил компромиссный для бородатого вариант.

– Доложу так, как здесь было.

Наконец, в темноте замаячили столбы, держащие трос. Сопровождающие остановились шагах в двадцати от берега, дали мне возможность самому выйти к обрыву. Никто не пожелал счастливого пути, хотя впереди у меня был Чаткал, утлая люлька и старый трос, способный оборваться в любом месте и в любую минуту.

В темноте я с трудом отыскал место переправы, отвязал канат. Признаюсь, эти четверть часа, которые потребовались для простой процедуры, предшествующей путешествию над рокочущим потоком, дались мне нелегко. Не говорю уже о том, какие мысли приходили в голову. Невеселые мысли. Однако все обошлось благополучно. Перебирая руками трос, я достиг противоположного берега. Там меня ждал красноармеец с лошадьми. Он с испугом, а потом с удивлением посмотрел на меня.

– Думал, не вернетесь. Хотел уже в город возвращаться за подмогой.

Вот так приходилось выступать с неравными силами против жестокого врага.

Через короткое время преступники были найдены и понесли заслуженное наказание.

* * *

Выше я подчеркивал убежденность в правоте нашего дела, которая рождалась от соприкосновения с врагом. Только когда видишь его, раскрываешь черный мир измены, предательства, становится ясной необходимость очищения нового общества от смертельно жалящих паразитов. Именно этой необходимостью была продиктована посылка отряда в Бурчмуллу для ареста убийц председателя коммуны. Революционная власть не могла оставить без возмездия покушение на своего представителя, а следовательно, и на власть.

А таких покушений было немало. Враги иногда открыто, иногда тайно наносили удары. Выстрел в красного агитатора, поджог сельсовета, нападение на делегатов съезда – все это разновидности террора, применяемого контрреволюционными элементами. В кишлаках, расположенных вдали от городов, баи свергали Советскую власть с помощью басмачей. День-два царствовал какой-нибудь курбаши, обирал дехкан, глумился над активистами. Потом его прогоняли бойцы ЧОН – частей особого назначения, краснопалочки или дружинники из рабочих поселков. Покушения на революционную власть носили самый различный характер – от саботажа, грабежа народного добра до контрреволюционных заговоров.

Тайных организаций белогвардейского толка в Туркестане было несколько. Одна из них – ТВО (Туркестанская Военная Организация) была связана с иностранными правительствами и по их указке и с их помощью готовила переворот в Ташкенте. Для руководства действиями заговорщиков прибыли агенты американской, английской, французской и немецкой разведок. К моменту восстания приурочивалось наступление английских войск в Закаспии. Пробравшийся на пост военного комиссара республики, бывший прапорщик Осипов был назначен штабом ТВО командующим мятежными силами. Восстание в Ташкенте намечалось на весну 1919 г., но провал группы заговорщиков и выход ЧК на след тайной организации заставили Осипова начать мятеж раньше, а именно – в январе. Это был один из страшных ударов в спину революции. Мятежникам удалось захватить большую часть города, подчинить себе почту, телеграф, банк, разгромить все правительственные учреждения. Белогвардейцы залили кровью улицы города, расстреляли стойких сынов революции – четырнадцать ташкентских комиссаров.

Началось наступление на мятежников. В короткий срок рабочие под руководством коммунистов смяли и разгромили белогвардейскую банду. Сам Осипов с группой офицеров бежал в сторону Чимкента, но встретил там красный отряд, свернул в горы и ушел в Ферганскую долину. Дальнейшую свою судьбу Осипов связал с басмаческим главарем Мадамин-беком и эмиром бухарским.

Расследование причин мятежа, выявление участников заговора, установление связей ТВО с иностранной разведкой требовали от чекистов немалых усилий. Главная трудность заключалась в том, что заговорщики бежали и находились вне досягаемости карательных органов. Надо было вернуть их в Ташкент, предать трибуналу. Полномочный представитель ЦИК РСФСР при эмире бухарском потребовал от имени Советского правительства выдворения из Бухары и выдачи судебным органам Осипова и его сообщников. Эмир упорно затягивал решение этого вопроса. Правитель Бухары не только симпатизировал мятежникам, но предполагал использовать их как военные кадры в будущих провокациях против Советской России. Однако после неоднократных и настоятельных требований ЦИКа эмир выдал группу офицеров, а Осипова переправил за границу и этим оградил опасного врага социалистической республики от суда народа.

Заговор белогвардейцев в Ташкенте был лишь частью большого заговора, охватывавшего города Туркестана и даже России. После провала осиповской авантюры враги затаились. Торопливое расследование дел, проведенное сразу после подавления мятежа, не дало возможности выявить пружины и истоки заговора. И вот Ф. Э. Дзержинский предложил обобщить материалы следствия, осуществить, если надо, дополнительное расследование, вскрыть связи. Это задание Ф. Э. Дзержинского передали мне. С помощью двух следователей я принялся за работу. Сотни протоколов допросов, стенограмм заседаний трибуналов пришлось изучить, составить обзор. Кроме того, предстояло произвести следствие по делам более чем ста участников мятежа. К этому времени из Самары конвой доставил группу осиповских подручных, направленных вначале в следственную часть при штабе М. В. Фрунзе, а затем переправленных к нам в Ташкент. Осиповскими молодчиками я и занялся.

Центральными фигурами в этой группе были помощники Осипова офицеры Ботт, Михайловский и другие. За то время, пока мятежников перевозили с места на место, они многое обдумали и ко многому подготовились. Поручик Ботт, например, избрал тактику разоблачения Осипова и обеливания остальных участников переворота. «Мы были введены в заблуждение, – говорил он на следствии, – выполняли приказы, не зная их истинного назначения». Ботт категорически отрицал свою причастность к расстрелу комиссаров в штабе мятежников – во втором полку. По другим материалам Ботт проходил как один из главных инициаторов террора в городе после переворота. Свидетель Шарафутдинов показывал, что поручик лично расстреливал комиссаров. Потребовалась очная ставка.

Я не могу забыть этой ни на что не похожей очной ставки между обвиняемым и свидетелем. Шарафутдинов, возмущенный наглой ложью Ботта, бросился на него и стал душить:

– Предатель! – кричал Шарафутдинов. – Осиповский прихвостень. Если суд тебя не осудит, так я прикончу.

С трудом мне удалось оттащить свидетеля, но он не успокаивался.

– Расстреляйте его, как он расстреливал наших!

Ботт понял, насколько сильна ненависть к нему, насколько тверда решимость людей отомстить за кровь комиссаров. Он признался в преступлении, совершенном во втором полку.

– Да, я расстрелял нескольких человек..., но так приказал Осипов.

Мне надо было знать, кто входил в тайную организацию, готовившую мятеж в Ташкенте. Ботт, являясь адъютантом Осипова, мог кое-что слышать от главаря, наконец, видеть, с кем встречался его начальник. Из показаний других офицеров создавалось впечатление, что, помимо Осипова и даже в обход его, заговорщики формировали будущее белогвардейское правительство. Список его находился у кого-то из членов ТВО. Не

принимать во внимание такой факт нельзя было. Мы знали о возможной замене Осипова другим контрреволюционным ставленником. Даже больше, заговорщики намеревались после переворота ликвидировать диктатора и взять власть в свои руки. Это тоже было известно из показаний некоторых участников заговора. Но где отыскать список членов правительства? Судя по отношению Ботта к Осипову, он что-то знал и что-то ожидал после переворота. Возможно, члены ТВО ему подсказали, какой тактики следует держаться и на кого ориентироваться в будущем.

Почему нас так интересовал состав несуществующего белогвардейского правительства? Потому, что члены его не были арестованы, поскольку список держали в строжайшей тайне и, видимо, после разгрома мятежа уничтожили. Сами же члены правительства остались и перешли на нелегальное положение. Законспирированные заговорщики находились в городе, работали в советских учреждениях, держали связь с заграничной агентурой и исподволь готовили новую провокацию против социалистической республики.

На следующий день после очной ставки я попросил у начальника отдела разрешения поехать в тюрьму и продолжать допрос Ботта и других офицеров-осиповцев. Начальник был расстроен чем-то, ответил сухо.

– Следствие прекращается.

– Как прекращается? – не понял я. Мне казалось, что мы нащупали след и теперь сумеем распутать клубок до конца.

– Некого допрашивать, – так же сухо пояснил начальник отдела. – Ночью офицеров расстреляли.

Это было настолько неожиданно, что показалось мне ошибкой. Как можно было расстрелять обвиняемых, еще не выдавших нам главных сведений о белогвардейском заговоре. Получилось так, будто мы сами захлопнули двери в тайну, причем тайну, разгадкой которой упорно занимались.

– Но они знали много важного, – продолжал настаивать я.

– Понимаю, но ничем помочь не могу.

Начальник передал мне официальную версию относительно готовившегося бунта в тюрьме. Чтобы его предотвратить, начальник тюрьмы привел приговор ЧК в исполнение досрочно.

Позже я много думал об этом случае. Во-первых, мне не верилось, что положение было настолько тревожным. Во-вторых, в городе имелось достаточно сил для подавления смуты контрреволюционеров. Внезапный расстрел оборвал нить следствия. Арестованные начали рассказывать и, видимо, кому-то этот рассказ угрожал разоблачением. Кто-то, и не один был очень заинтересован в молчании. А лучше всего умеют молчать мертвые.

Между прочим, позже лицо, приводившее в исполнение смертный приговор, некий Толмачев, был изгнан из ЧК. Мне поручили вести расследование его дела, но он, узнав об этом, скрылся. Задержать его не удалось. Через некоторое время Толмачева нашли зарезанным. Должно быть, в ту ночь он не случайно поторопился с расстрелом.

Тайна белогвардейского правительства оставалась неразгаданной. Так бы и стерлись имена заговорщиков, скрывавшихся в подполье. Случай помог приоткрыть завесу.

Как-то мне принесли найденную у одного из жителей города листовку, выпущенную Осиповым 19 января. «Воззвание к гражданам» подписали от имени мятежного правительства Осипов, Руднев и Тишковский. Первых двух уже не было, а Тишковский находился в одиночной камере. Вот кто может пролить свет на тайну, решил я, поехал в тюрьму.

Меня провели по коридору и открыли дверь камеры. Я увидел шатена среднего роста, с тонкими чертами лица, обросшего бородой. Это был Тишковский.

Мое появление заставило его побледнеть.

– За мной?

Он был уже приговорен к расстрелу Верховным трибуналом и ждал исполнения приговора. Моя шинель и кожаная фуражка напугали Тишковского.

– Нет, – ответил я, – мне нужны дополнительные материалы по январскому мятежу.

– Все сказано и зафиксировано в Верховном трибунале, добавить мне нечего, – отрезал Тишковский и повернулся спиной, давая этим понять, что разговаривать нам не о чем.

Последний из оставшихся главарей мятежа избирал молчание.

Что делать, как добыть необходимые сведения? Если уйдет Тишковский, состав белогвардейского правительства останется неизвестным.

– Кто вы такой? – вдруг спросил он.

– Следователь Особого отдела.

Тишковский повернулся и внимательно посмотрел на меня.

– Можете быть откровенным?

– Да. Конечно, в меру моих полномочий...

Заключенный подумал с минуту, что-то решая, к чему-то готовясь. Потом спросил жестко:

– Скажите прямо, что меня ожидает?

Я прямо ответил, что убийство комиссаров во втором полку не может остаться безнаказанным.

– Я это знаю... – кивнул Тишковский. – Зачем же вы пришли ко мне? Или своим новым признанием я смогу облегчить свою участь?

– Мой приход вызван чисто историческими мотивами. Необходима точная и полная картина событий. Вы все знаете и сможете при определенной объективности дать верную оценку происшедшему, раскрыть причины поражения, назвать настоящее место каждого в трагическом для вас и для них событии. Приговор уже вынесен...

– Разговаривать я не хочу, да и просто не в состоянии, – объяснил довольно спокойно Тишковский. – Но если действительно необходима полная картина, попробую воссоздать ее. Почему должен умереть только я один, пусть и другие... Пришлите бумагу и папирос побольше. Без папирос я не могу думать...

В тот же день Тишковскому была доставлена бумага и папиросы. Папиросы, редкая вещь в то время, изъяли из особого фонда. Через неделю я получил стопу обратно. Она была сплошь заполнена текстом.

Это были ценнейшие и редчайшие записи о январских событиях в Ташкенте. Отдельные страницы удивляли и поражали нас. В них нашли отражение факты, о которых никто не знал. Были названы фамилии людей, причастных к заговору, фигурировали члены предполагавшегося белогвардейского правительства. В составе «кабинета» оказались лица, занимавшие ответственные должности в различных организациях города. Их поведение во время мятежа было странным, а порой и подозрительным. Теперь эта странность легко объяснялась. Объяснялась и позиция «левых эсеров», медливших в январские дни с выступлением против Осипова. Оказалось, что эсеровская верхушка находилась в сговоре с мятежниками. Белогвардейцы рассчитывали и на содействие некоторых работников охраны города. Не случайно так долго выяснялась обстановка во втором полку и такие туманные сведения поступали в партийные и советские организации города. Большевистские комиссары, поехавшие во второй полк, были неправильно информированы и попали в логово врага.

По записям в отделе установили фамилии людей, помогавших Осипову. На них были заведены дела, и начато следствие.

На основе собранных сведений и следственных материалов удалось довольно полно раскрыть причины и истоки январского мятежа, обнажить связи между различными контрреволюционными организациями, уточнить роль иностранных разведчиков Бейли, Трэдзуэлла. Часть фактов, приведенных Тишковским, в дальнейшем подтвердилась самим Бейли в его книге «Миссия в Ташкент». Мы эти факты узнали на несколько десятков лет раньше.

Своеобразная работа проводилась ЧК в районах, где орудовали басмачи, прежде всего в Ферганской долине. Из Москвы прибыл агитпоезд «Красный Восток», задачей которого была пропаганда идей Советской власти среди местного населения, в основном сельского, мобилизация дехкан на борьбу с басмачеством, выявление враждебных элементов, тормозивших процесс становления новой жизни на социалистических началах. Масса бывших чиновников, урядников, полицейских, разгромленных в открытых боях белогвардейцев, осела в маленьких городах и поселках и исподволь продолжала борьбу с Советами. К агитационному поезду прикрепили группу чекистов, задача которых заключалась в том, чтобы помочь трудовому населению разоблачить притаившихся врагов, свободнее выступать на собраниях, не боясь угроз и террористических актов со стороны баев, басмачей, белогвардейцев. По опыту мы уже знали, как мстят враги беднякам за открытое слово, поддержку Советской власти, разоблачение враждебной деятельности контрреволюционеров.

Чекистская группа имела взвод охраны и специальный вагон для проведения следствия на месте и изоляции задержанных преступников. Это была летучая ЧК с чрезвычайными полномочиями – защищать самым решительным образом советских активистов, беднейшее дехканство от насилия и террора врагов. Такие полномочия обуславливались обстановкой – в Ферганской долине шла гражданская война, и целые районы контролировались басмачами. Враг был жестоким, беспощадным и коварным. Поезд, как говорится, двигался в самое пекло.

Руководили агитпоездом три человека: представитель ЦК ВКП(б) Сольц, Народный комиссар юстиции Туркеспублики Елагин, Председатель Туркестанской ЧК Домбровский. Остальной коллектив состоял из культработников, которые должны были проводить лекции, выступать с концертами, распространять агитационную литературу. Вагоны выглядели нарядно, художники разрисовали стены, расписали лозунгами, украсили красными полотнищами. Поездка предстояла горячая. И мы это почувствовали, как только миновали станцию Горчаково, нас обстреляли басмачи.

Здесь, в Ферганской долине, встречи с врагом стали явлением обычным. Не только в кишлаках, но и в городах действовали террористы. В Андижане к начальнику агитпоезда пришел с жалобой комендант городской крепости. Каждую ночь кто-то убирал с поста часового. Удар наносился ножом в грудь. Никакие предосторожности не помогали: ни проверка постов, ни обход территории крепости, ни назначение начальниками караулов коммунистов. Методически преступник расправлялся с часовыми. Загадочные убийства встревожили гарнизон крепости, породили панику. Никто не хотел становиться на пост в ночное время.

Это дело надо было расследовать. Прежде всего решили использовать опыт прифронтовой полосы. В первую же ночь поставили, кроме часовых, еще и подчасков. В секрете, естественно, и с правом применять оружие в случае необходимости. Об этой операции знал только комендант крепости.

Утром поступило сообщение: часовой убит. Как всегда – ножом в грудь, но убийцу заметил подчасок и выстрелил в него. Преступник бежал пригибаясь, пуля угодила ему в живот. Раненого нашли шагах в двадцати от места преступления. Таинственным убийцей оказался не кто иной, как начальник гарнизона. Умиравшего допрашивали прямо в госпитале: необходимо было выяснить мотивы, заставившие террориста нападать на часовых.

Мечь Советской власти – так объяснил он. Бывший курбаши, перешедший на сторону Красной Армии, он только внешне принял личину искренне раскаявшегося человека. Борьба его с новой властью продолжалась, только теперь скрытая, коварная. Жертвами оказались ни в чем не повинные люди, простые красноармейцы, принимавшие смертельный удар от собственного командира. Начальник гарнизона знал пароль и пользовался им, чтобы

свободно подойти к часовому и ударить его ножом в сердце.

Убийцу должны были расстрелять, но он скончался от раны в это же утро. С такими событиями мы столкнулись в Андижане. На очереди новые столкновения с врагами. Началась проверка аппарата, выявление окопавшихся приставов, полицейских, белых офицеров, басмачей. Весь путь агитпоезда пролегал в горячей полосе. Ощущение близости вооруженного противника было постоянным.

Выше я говорил о применении суровых мер по отношению к контрреволюционерам, выступавшим против народной власти и ее представителей. Но очень часто средствами «наказания» были разъяснения, убеждения, предупреждения и, как это ни странно, дискуссии. Дискуссии почти во фронтовой обстановке, в комнате для допросов. Должен подчеркнуть, что первое слово Советской власти к своим врагам было прощение и предупреждение, наконец, предложение трудиться, отдавать свои знания, умение народу. Масса бывших чиновников откликнулась на призыв.

Даже к тем, кто не захотел отдавать свои знания и силы новому строю, отношение было сдержанным. Я помню, как уговаривали идти работать в военные комиссариаты и штабы бывших царских генералов, полковников, капитанов, как пытались создавать им материальные условия, хотя вся республика была лишена самого необходимого.

Церковь долго не признавала новой власти. С амвона попы слали проклятия большевикам. Ни одна белогвардейская организация не обходилась без участия служителей культа. Священники сопровождали Врангеля, Колчака, Деникина и других крупных и мелких главарей контрреволюции, объявляли поход против рабоче-крестьянской власти делом, угодным богу. И все-таки служителей культа не трогали без серьезного на то основания. Только активное участие в заговорах или открытое преступление было причиной ареста или следствия. Чаще со священниками спорили. Порой следствие превращалось тоже в дискуссию.

Однажды поступили сведения о подпольной поповской организации, налаживавшей связь с белогвардейцами. Донесение было тревожным, и ЧК приняло срочные меры к пресечению заговора. Все оперативные работники и следователи получили секретное задание проверить замешанных в антисоветской деятельности служителей культа. Мне поручили провести обыск у двух попов.

К часу ночи я закончил обыск, изъял переписку и доставил ее вместе с попами в Туркчека.

Начался допрос. Разговор с попом получился непростым. Отец Андрей, священник привокзальной церкви, держал себя довольно независимо, на вопросы отвечал обстоятельно, стараясь выразить свою собственную точку зрения. Прежде всего он отверг подозрение относительно заговора.

– Собирались мы, это верно, но не для крамолы, а для выяснения своего отношения к Советской власти. Не все ее признают, – заявил отец Андрей.

– Вы, батюшка, признаете? – поинтересовался я.

– Всякая власть еще от бога.

Неопределенный ответ: вроде признает, но в то же время не сердцем, а по необходимости. Мне хотелось уточнить:

– А большевиков?

– Их послал бог в наказание за грехи наши.

Я невольно улыбнулся, но записал ответ в протокол.

– Вы знакомы с программой большевиков?

– А как же! И Ленина читал, и Маркса, и Энгельса..., – отец Андрей, должно быть, искал случая поговорить с новой властью, в данном случае в лице следователя ЧК. Он говорил о концентрации капитала, которая, по Марксу, предшествует экспроприации средств производства, о захвате власти рабочими.

– Значит, большевики поторопились? – раздался голос у меня за спиной.

Увлечшись следствием, я не заметил, как в комнату вошел зампред Туркчека

Перволоцкий. Вошел и стал слушать наш разговор со священником.

– Именно, – повернув голову, ответил поп. – Обошли стадию концентрации капитала.

– Ну, а если рабочий класс созрел для захвата власти и революционным путем подошел к социализму, минуя стадию концентрации капитала? – снова спросил Перволюцкий.

– Так не бывает.

– Октябрьская революция доказала, что бывает.

Поп не сдавался.

Спор разгорелся. Я перестал записывать вопросы и ответы, поскольку они уже не имели прямого отношения к следствию. Это была дискуссия в прямом смысле слова. И Перволюцкий, и отец Андрей все дальше и дальше углублялись в философию, причем оба подкрепляли свои мысли ссылками на труды Маркса, Энгельса, Ленина. Священник, без сомнения, был человеком начитанным, любознательным, умным, но его познания в области марксизма носили дилетантский характер. Он приспособливал теорию научного коммунизма к христианству и многое объяснял проявлением высшего разума. Однако отдельные высказывания были интересными, острыми, ставящими Перволюцкого в затруднительное положение. Ему приходилось обходными путями переубеждать попа. Мы, несколько работников ЧК, тоже увлеклись спором, забыли о допросе. Стало уже светать, когда я спросил Перволюцкого:

– Все надо заносить в протокол?

Он спохватился, устало улыбаясь ответил:

– Зачем же? Это дискуссия... Извините, увлекся.

Спор не окончился. Многие обоим хотелось высказать, много возникло противоречий, но время подстегивало. С уважением и даже интересом смотрели друг на друга чекист и священник. Идеи противники. Видя, что Перволюцкий собирается уйти, я спросил его:

– Как поступить с батюшкой?

Дискуссия дискуссией, а долг долгом. Зампред Туркчека пробежал глазами протокол допроса, внимательно прочел место, где говорилось о встречах попов и беседах о Советской власти. Нахмурился.

– Палки в колеса Советской власти пытаетесь вставить?

– Не все, – с достоинством и твердо ответил отец Андрей.

– Проверим... – Перволюцкий снова встретился глазами с батюшкой, впился в них. – Вам, положим, я верю. Но все же вы дадите подписку о невыезде. Встретимся еще, поговорим...

Отпустили в ту ночь и остальных попов. Позже некоторых выслали за пределы республики.

* * *

В той большой работе, что вела ЧК, решающим был авторитет ее сотрудников и их кристальная чистота, неподкупность, принципиальность. Наши враги знали – настоящего чекиста нельзя ни разжалобить, ни соблазнить, ни испугать. Органы борьбы с контрреволюцией воспитывали своих бойцов в духе непримиримости к врагу, высокой ответственности перед народом и партией за порученное дело. Каждый, кто вступал в чекистскую гвардию, брал на себя трудное бремя рыцаря революции, и, если по малодушию отступал, обрекал себя на моральную смерть. И не только моральную. Вначале, рассказывая о своем поступлении в Особый отдел, я упомянул о подписке, которую взяли с меня. Там перед подписью поступающего стояла фраза «В случае нарушения, добровольно обрекаю себя на расстрел». Да, поступивший против чести, нарушивший клятву, не мог рассчитывать на прощение. Запятнавших себя не щадили и в ЧК. И это было закономерно, это отвечало революционному духу органов государственной безопасности.

Я на себе испытал, что значит принцип высокой чистоты чекистской гвардии. Наказание смертью почти коснулось и меня. Месяц я ходил под угрозой расстрела. Много раз

за свою жизнь приходилось вспоминать те тридцать дней, но никогда не вызывали они мысли о несправедливости. Единственное, о чем я сожалел, это о своем неумении доказать правоту, вернее, отвергнуть ошибочность обвинения, мне предъявленного.

В 1921 г. мне дали на проверку дело одиннадцати сотрудников Андижанской ЧК, обвиненных в использовании служебных обязанностей в преступных целях. Всем одиннадцати угрожала высшая мера наказания. Четыре толстых тома содержали в себе документы, показания свидетелей, протоколы допросов. Дни и ночи сидел я над изучением дела. Оно было запутано. Преступление по существу совершили два человека, но по служебной линии причастными оказались еще девять. Все девять должны были отдать жизнь, так как запятнали честь человека, оказались невольными участниками вражеской провокации. Некая Предит, женщина сомнительной репутации, использовала ЧК для выуживания денег у состоятельных людей Андижана писала на них доносы, обвиняя в контрреволюционной деятельности, на основании ложных обвинений сотрудник ЧК, близкий знакомый Предит, ее сообщник Козлов подвергал жителей аресту. Пока рассматривались дела, Предит обходила родственников, взятых по ее же доносам, и, обещая освобождение, требовала деньги. Обвинения, естественно, не подтверждались, так как представляли собой чистейший вымысел, и арестованные получали свободу. Деньги делили между собой Предит и Козлов, остальные работники Туркчека просто выполняли свой долг и рассматривали дела, не подозревая провокации. Объективно они, конечно, содействовали двум преступникам творить свое черное дело.

Кто эти девять человек? Честные, преданные революции бойцы. Достаточно сказать, что председателем Андижанской ЧК был старый большевик, потомственный рабочий Галегов, немало сил отдавший завоеванию и утверждению Советской власти.

После двухнедельного изучения дела я пришел к выводу, что виноваты только двое, остальные девять подлежат освобождению.

Мое заключение было рассмотрено коллегией Туркчека и утверждено. Все получалось так, как подсказывала справедливость.

На этом дело можно было закончить, но кто-то усомнился в моей объективности. Даже больше, доложил полномочному представителю ВЧК Петерсу, что я заинтересован в освобождении андижанцев.

На следующее утро Петерс вызвал меня и спросил:

– Сколько получили за освобождение андижанцев?

Сказано было не просто, а со стальной ноткой в голосе. Мы все знали Петерса, как железного и беспощадного человека, выше всего почитающего принципы верности революции. Ему принадлежала заслуга разгрома контрреволюционеров после убийства Урицкого в Петрограде, это он покончил со штабом анархистов в Москве. И такой человек заподозрил меня во взяточничестве, в потере чести. Обвинение было настолько чудовищным, что я сразу не мог даже осмыслить его. Меня охватило возмущение, и единственное, на что я оказался способен, это крикнуть с обидой:

– Неправда!

Петерс тоже был возмущен. Ему казалось, что просто так девять человек освободиться не могли, тут определенно совершена сделка.

Выбежав из кабинета я так хлопнул дверью, что стекла зазвенели. Я приходил на работу точно в девять утра, садился и ждал. Ждал весь день. Ареста. Расстрела. Передать чувства, одолевавшие меня, невозможно. Обида захлестывала все. Тысячу раз я задавал себе вопрос: «Почему на меня пало подозрение? В чем промахнулся по отношению к людям? Ведь из чего-то складывается представление о человеке». Ответа не находил. Не было ответа. Работая в Особом отделе и ЧК, я много раз сталкивался с лицами, готовыми дать взятку, отблагодарить за содействие или услугу. Совершая облавы на спекулянтов, производя обыски, мы часто буквально ходили по золоту. И никто не притрагивался к нему. Брезгливо отталкивали. В нашем представлении это было богатство, против которого боролись, которое ненавидели всем своим существом.

Доказывать свою честность я не хотел. Если товарищи допускают возможность такого преступления, значит я похож на взяточника. Пусть решают сами. Думал, конечно, о семье. Это было больно. Жена извелась, почернела. Уже не спрашивала, как мои дела, только смотрела и ждала.

До меня дошли слухи, что Петерс передал андижанское дело для перепроверки секретарю партбюро Полису. Все-таки не решался на основе лишь одного подозрения осудить человека к высшей мере, захотел убедиться в моей недобросовестности, предвзятости. Десять дней Полис изучал протоколы допросов и документы. Через некоторое время сказал:

– Перепроверка закончена.

Я замер. Легко было теперь объяснить испуганный взгляд товарища. Что решено?

– Твое заключение правильное, – продолжал Полис. – Я присоединяюсь к нему.

Не помню, говорил еще что-нибудь секретарь партбюро или ушел сразу, я стоял, опершись о стенку, чтобы не пошатнуться.

– Товарищ Юденич, зайдите к Петерсу, – донеслось до меня издалека. Кто-то нашел меня в коридоре и передал распоряжение полномочного представителя.

Петерс, как всегда, был строг и холоден. Он молча вынул из ящика стола браунинг и протянул мне:

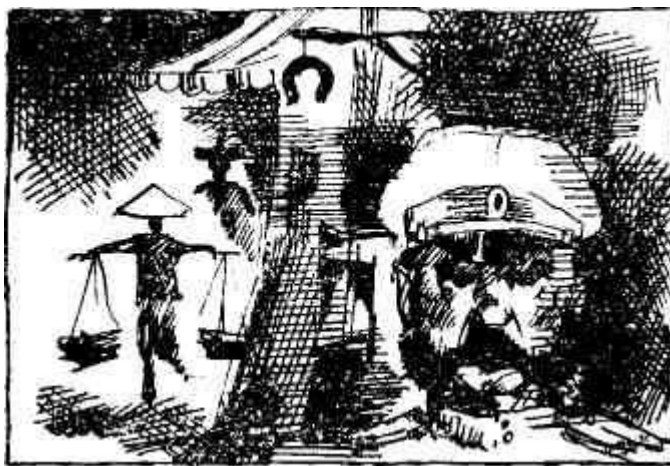
– Ну и горячий ты, – произнес он после того, как я нацепил кобуру на пояс. – Нельзя быть таким, а еще чекист...

Я не знал, что ответить ему. Слишком много пережил и слишком был взволнован. Петерс посмотрел на меня и вдруг улыбнулся.

– Извини, я подумал о тебе плохо... Это самое страшное... Теперь все кончено... Оставайся таким, каким был. Верность революции и чистота души – наше оружие...

Снова продолжалась работа. Без отдыха и сна. Работа, которую мы называли служением долгу. Теперь ее именуют чекистской работой.

К. Мухамедов ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

КУЗНИЦА В КУЛЬДЖЕ

На одной из неприметных улочек старого китайского города приютилось несколько крошечных кустарных мастерских. Все они были ветхими, задымленными, темными, так что в сумерках, всегда царивших здесь, с трудом удавалось разглядеть мастеровых, склонившихся над работой. Они пилили, сверлили, стучали молотками, и по этим звукам

угадывался кузнечный ряд. Не все были здесь кузнецами, но улочка почему-то именовалась кузнечной. По-китайски, конечно. Существовало у нее и другое название – таранчинское. На этом языке говорило большинство местного населения.

Мастерские в то время принадлежали состоятельным ремесленникам – казахам, татарам, узбекам, таранчинцам, русским. В 20-м году в этой китайской провинции особенно много оказалось русских. Белогвардейские банды, разбитые в Семиречье, через горы ушли на Восток и, естественно, попали за кордон, где были интернированы китайскими властями и временно осели. Именно временно, так как главари банд Анненков, Дутов, Сидоров перешли границу не в целях прекращения войны, а для передышки и накопления сил. В Западном Китае прибежища искали все, кто был изгнан революцией, кому предстояло расплачиваться за свои преступления перед народом. Мне приходилось встречать в Кульдже помещиков, купцов, жандармов, царских чиновников, белых офицеров всех национальностей. И не просто встречать, а находиться среди них, слышать их речи, чувствовать настроение этих озлобленных людей. Они горели желанием вернуться в Россию, чтобы прежде всего мстить. Каждый надеялся вернуть утраченное, сесть на то место, с которого его согнал народ. Не стесняясь, эмигранты носили старые мундиры и ордена, даже хвалились ими. И это понятно: здесь, в Кульдже, существовали очень схожие с дореволюционной Россией порядки, местные власти заботливо относились к белогвардейскому отребью, выказывали бывшим чиновникам и военным свое внимание. Атаман Анненков, например, хотя и считался интернированным и значился арестованным, пользовался свободой и жил припеваючи. Синьцзянские власти не только не притесняли его, напротив, поощряли провокационную деятельность бывшего командующего семиреченскими белоказачьими бандами.

Так вот, одну из мастерских в Кульдже держал русский офицер и работали в ней бывшие белогвардейцы. Правда, мало кто знал, что в прошлом эти мастеровые значились прапорщиками или есаулами. Вместо прежней формы на них были рабочие куртки, косоворотки или кузнечные фартуки.

Если бы я не знал прежде в лицо владельца кузницы, то, конечно, не обратил бы внимания на человека в простой штатской одежде. Обыкновенный содержатель маленького дела, без особых примет, ни толст, ни худ, ни горбат, ни хром. Добродушен, в глазах лукавинка, взгляд пытливый. Кузнецы тоже по виду простецкие ребята. Честно говоря, я вполне мог пройти мимо мастерской и мимо ее хозяина. Адрес был довольно туманный: кузница. А кузниц в Кульдже тьма-тьмушая. Тогда автомобили были редкостью, в Синьцзяне – тем более; помню, два раза и видел здесь грузовую машину, а так – все лошади, верблюды, ослы, поклажа на телегах и арбах. Работы для кузнецов невпроворот: кому шину на колесо изготовить, кому костыль вбить, кому удила выковать. А уж подковам счета нет. Весь транспорт на подковах. Город торговый, через него каждый день сотни караванов проходят, десятки обозов, вьючных лошадей гонят со всех сел.

Большинство кузниц прилепилось у базаров и караван-сараяв, часть – на главных проезжих улицах, несколько – у входных ворот города, около дунганских харчевен и чайных. Моя кузница, я уже называю ее своей, поскольку из тысячи ищущих лишь одну, оказалась ни в центре, ни вблизи постоянных дворов, ни у выезда из Кульджи. Хозяин выбрал для нее самое неудобное, на мой взгляд, место – тихую, маленькую улочку за базаром. Поди догадайся, что там кузница. Ни один возчик, ни один караванщик не забредет сюда. Но кузница работает, люди носят мастерам всякую всячину – от мотыги до замка и лампы. Впрочем, хозяин, видно, не особенно заинтересован в заказах, не зазывает людей, не торопит рабочих. Сам до молотка и горна не дотрагивается, поглядывает издали. Чаще сидит в задней комнатухе и пьет чай, беседует с друзьями, которые иногда заходят в кузницу.

Трудно было набрести на эту мастерскую. И пока я нашел, стер подметки, пыли наглотался до одурения. Пыль в Кульдже особенная – густая, тяжелая, вязкая, пройдет караван – солнца не видно, а если всадники скачут – полдня будет стоять туман. Когда, наконец, увидел хозяина кузницы и удостоверился, что попал, куда надо, на душе стало легче. До этого дважды заглядывал сюда, а владельца не застал, чуть было не оставил

мастерскую в покое, другого человека принял за хозяина, а другой мне – без надобности.

Теперь точно – он. Полковник Сидоров. Белоказачий атаман, правая рука Анненкова. И не поверишь: синяя рубаха, картуз, подпоясан вместо ремня шелковым шнуром. Маленький, незаметный купчишка.

Он меня тоже узнал. Вначале удивился, посмотрел пристально, не ошибся ли – подумать только, расстались на той стороне, встретились в Синьцзяне. Сидоров протянул мне обе руки, как старому знакомому, пожал их крепко. Я ответил тем же, хотя был насторожен: расстались-то мы год назад не друзьями. По приказу атамана Анненкова я и несколько моих товарищей были заочно приговорены к смертной казни. Так прямо было и написано, сам читал, – расстрелять за измену присяге. Но напоминать о приказе Сидорову я не стал.

– Как нашли меня? – не без удивления спросил полковник. В голосе его я уловил беспокойство. В Кульдже никто не знал о существовании атамана, во всяком случае, местные власти считали Сидорова погибшим, у них был зарегистрирован только купец Бодров. Легализация полковника потребовала бы его ареста, поскольку правительство Синьцзяна не имело права держать на своей территории воинские части другой страны и их командиров. К тому же белогвардейские военачальники входили в политическую организацию, ставившую своей целью вооруженную борьбу. Организация была тайная и, естественно, о ней не сообщали правительству, хотя отдельные чиновники знали планы и задачи белогвардейцев и даже помогали им.

– Верные люди подсказали, – ответил я.

Он прищурился, словно оценивал, насколько я искренен, и неожиданно улыбнулся.

– В счастливое время пришли.

Полковник оглядел улицу. Не заметив ничего подозрительного, взял меня за локоть и повел внутрь кузницы, где виднелась небольшая дверь. Через нее мы и вошли в заднюю комнатку.

– В счастливое время пришли, – повторил полковник, когда мы уселись на маленьких табуретах, – народ стекается со всех сторон.

Он не объяснил, что за народ, но и так было понятно, кого имел в виду. Мое участие в недавних походах сидоровского отряда давало ему право говорить доверительно, с расчетом на общую заинтересованность. Однако распространяться атаман не стал: первая встреча за рубежом – это лишь пробный шаг к сближению. Поэтому Сидоров стал расспрашивать, как я попал в Кульджу, как перебрался через границу, где живу, чем занимаюсь.

Я предполагал подобный характер беседы и заранее подготовил ответы.

Они были логичными и убедительными, в них все соответствовало реальному ходу событий, лишь сдвинулись некоторые детали. Полковник слушал меня с заметным интересом, но не вникал в суть моих рассуждений о необходимости дальнейшей борьбы. Она сама по себе предполагалась, раз я покинул родину и стал искать сообщников. Скоро он понял, что путь, которым мне пришлось идти, был естественным и даже шаблонным – все так перебирались в Синьцзян, и прервал меня.

– Хорошо сделали, решившись на такой шаг, – полковник подумал и добавил. – Каждый офицер должен поступать по примеру своего начальника. Там пока делать нечего...

Под словом «там» Сидоров подразумевал Советский Туркестан и кивнул куда-то за стену.

– Да, – согласился я.

– Чем живете? – поинтересовался он.

– Устроился в татарский «шанхай» делопроизводителем.

В Синьцзянской провинции тогда существовала своеобразная форма самоуправления для эмигрантов. Они селились в разных местах, но подчинялись канцеляриям по национальному признаку. Илийский округ включал в себя «шанхай»: русский, татаро-башкирский, казах-киргизский, узбекский, таранчинский. Управляли ими, естественно, ставленники китайского правительства.

– Думаю жениться на дочери одного купца, завести небольшое дело...

– Вот это зря. Здесь мы люди временные. Запомните, дорогой господин прапорщик, рвать с прошлым нельзя, вы связаны и происхождением, и офицерским долгом с Россией, и только с ней...

Мне хотелось выяснить, каковы планы самого атамана. Конечно, первая встреча не давала права на искренность, но кое-что полковник мог сказать случайно.

– Значит, не советуете?

– Ни в коем случае.

– Однако бобылем жить трудно, – сказал я с горечью и сожалением.

– Временно ведь, – пояснил полковник.

Я надеялся, что он уточнит срок, хотя бы приблизительно. Не вышло.

На этом первая встреча с моим бывшим начальником закончилась. Честно говоря, она меня обрадовала, но не удовлетворила полностью. Безусловно, идя в кузницу, я и на такое не рассчитывал, вообще не знал, увижу ли атамана, главное было установить – в Кульдже ли Сидоров. Теперь, когда установил, загорелся желанием узнать больше, узнать все. Таков азарт молодого разведчика, такова закономерность всякого поиска. Тут легко увлечься и переступить грань. Сам Сидоров своей сдержанностью и осторожностью пресек мое чрезмерное любопытство.

В тот же день сообщение о Сидорове поступило к связному и полетело дальше, в Центр. Спустя неделю я получил приказ – продолжать операцию: идти на сближение с атаманом, выявлять его связи с остальными эмигрантами.

Я снова направился к Сидорову. Вторая встреча должна была продвинуть меня вперед к цели. Кто знает, что затевают беляки. Ведь не случайно полковник обмолвился насчет временности моего пребывания в Кульдже. Возможно, срок короток, и нам надо торопиться.

Как заставить атамана быть искренним? Как вызвать доверие?

Я стал припоминать все, что произошло по ту сторону границы, и анализировать свои поступки, стараясь быть объективным, глядеть на факты глазами полковника.

ПОБЕГ

Последний бой произошел под Джаркентом. В ночь на первое января 1920 г. отряд атамана Сидорова получил приказ взять город. Пользуясь густым туманом, казачьи сотни подошли к Джаркенту на близкое расстояние и въехали в него, не встретив сопротивления. Командиры сотен знали, что гарнизон Джаркента невелик, но все же ожидали отпора. Тишина нас удивила и насторожила. Останавливаться, конечно, было нельзя, и отряд с ходу налетел на казармы. Тут-то и получил отпор. По нас ударили из винтовок и пулеметов. Стрельба была довольно беспорядочной и ущерба нам почти не нанесла. При желании мы могли взять казармы, но сидоровский отряд почему-то не дал ответного огня. Отряд повернул назад.

Как мы тогда поняли, цель налета заключалась в самом факте взятия города. Он должен был продемонстрировать мощь казачьего войска атамана Сидорова, произвести впечатление на его шефа атамана Анненкова. Белое воинство Семиречья уже переживало свою агонию, банды разваливались, остатки казачьих полков уходили за границу. Взяв Джаркент, мы все равно не смогли бы удержать его: у нас почти не оставалось боеприпасов, люди были вооружены в основном пиками, причем собственного изготовления. К тому же вера в победу давно погасла, и люди лишь по инерции продолжали подчиняться своим атаманам. Тут большую роль играл личный пример главарей, того же Дутова и Сидорова. Они фанатически держались своей пресловутой идеи восстановления прежнего строя России. Используя трудности, с которыми столкнулись Советы в первые годы строительства новой жизни, атаманы и их приспешники натравливали людей на коммунистов, вина их во всем, что произошло в результате империалистической войны, разрухи, голода и эпидемий. Однако долго держать людей в заблуждении было невозможно. Солдаты видели, как меняется жизнь, их тянуло к труду, миру.

Блеснув напоследок своим полководческим мастерством, Сидоров вроде закрепил за собой славу удачливого и смелого атамана. Он был рад, даже больше – счастлив. Я подумал тогда, что полковник заранее знал исход боя за Джаркент и план свой строил на простом проходе через город. Весь день первого января он праздновал и заставлял праздновать других. Атаман выстроил отряд и объявил всем сотням благодарность за смелость и мужество при «взятии» Джаркента, начальник штаба зачитал приказ, в котором производил в следующие чины всех офицеров, а младших командиров повышал в званиях. Мне атаман присвоил казачий офицерский чин хорунжего.

Чувствовалось, что конец атамана Сидорова близок. Двадцать дней мы стояли в ожидании нового, еще более серьезного наступления, как будто даже готовились к нему. Неожиданно на рассвете нас окружил небольшой отряд красных и стал обстреливать. Как оказалось, это был все тот же гарнизон Джаркента. Со стороны командира гарнизона было смелостью напасть на превосходящего силой противника. Не знаю, на что он надеялся, но окружил и начал обстреливать.

Сидоров дал команду сотням отходить без боя к казачьей станице Баскунча. Но бой все-таки завязался. Красные преграждали путь огнем, и атаману пришлось обороняться, прикрывать отходящие сотни цепью стрелков. Схватка была довольно жаркой, но кончилась быстро. Гарнизон, видя, что мы отступаем, прекратил огонь и вернулся в город. Отступление или, вернее сказать, поражение не произвело на Сидорова впечатления. Он был в хорошем настроении, даже шутил. Вечером созвал командиров сотен в штаб и произнес заключительную речь. Дело, действительно, подходило к концу. Полковник поблагодарил офицеров за стойкость и самоотверженность, а потом объявил о прекращении самостоятельных действий и отходе к границе на соединение с отрядом атамана Анненкова.

– Помощи пока нет, – сказал полковник, – одним нам здесь делать нечего.

Утром отряд снялся со стоянки и по ущелью Хоргос стал подниматься в горы. Вначале мы двигались строем, как и полагалось воинской части, но дорога все сужалась, нам приходилось менять порядок, наконец, сотни вытянулись цепочкой. Впереди была лишь тропка, уходившая к перевалу.

Здесь, в горах, лежал снег, местами очень глубокий, и лошади тонули в нем по брюхо. Два дня мы барахтались в этой морозной каше, замучили лошадей и сами извелись. Ночами жгли костры, чтобы как-нибудь согреться, восстановить силы. В глазах многих бойцов можно было прочесть отчаяние и страх. Они с радостью оставили бы отряд и скрылись, но некуда было податься – кругом пустынные склоны, скалы, пропасти. Атаман понимал состояние людей и всех торопил. Отряд растянулся по всему перевалу, от головы до хвоста цепи – чуть ли не километр. Заметно было, что часть бойцов отстает умышленно, стремится оторваться от штаба.

Для меня эти дни с отрядом Сидорова были последними. Я как бы провожал атамана до намеченного рубежа. А рубеж недалек. Скоро кончится наша земля и с ней моя служба у атамана.

На одном из привалов ко мне подошел Али Минеев и сказал тихо, чтобы никто не услышал:

– Нашел двух бойцов, у них в Баратала родственники. Можно укрыться на время.

Я молча кивнул. Значит, сигнал принят и пора действовать.

На следующий день отряд растянулся еще больше. Я попросил у атамана разрешения подтягивать сотни, уплотнять цепь. Он хмуро ответил:

– Действуйте, хорунжий!

Я свел коня с тропы и стал пропускать мимо себя бойцов. Они двигались еще медленнее, чем вчера, и пока я дождался своей сотни, прошло не менее часа. Сотня уже не интересовала меня. По уговору ко мне должен был подъехать Али Минеев, мой товарищ по службе в действующей армии. Он появился в назначенное время – часов в одиннадцать утра. Лицо у него выражало крайнюю озабоченность, я даже подумал – не сорвался ли наш план. Бойцы, которых подговорил Минеев, могли отказаться от побега или больше того – выдать

нас, надеясь на награду. А такой вариант грозил и мне и Минееву расстрелом. Атаману ничего не стоило прихлопнуть нас здесь, в ущелье, и бросить на съедение беркутам, что вились с утра до вечера над вершинами гор, подстерегая отбившегося от отряда коня или человека.

– Чего стоишь на месте? – спросил с тревогой в голосе Минеев. – Полковник заметит.

– А он знает, сам приказал.

Это успокоило Али. Ему подумалось, что я без сигнала решил на глазах у всех отстать от отряда.

– Давай вместе подгонять бойцов, – предложил он. – Мои тоже растянулись.

На обочине, провожая взглядом верховых и покрикивая на нерадивых, мы выжидали минуту, когда можно будет договориться обо всем и уточнить время действия. Наконец, в цепи образовался большой интервал, кто-то замешкался или сошел с коня – и мы с Минеевым свободно обсудили детали побега. Своих бойцов он поставил в хвост, через час-два они подъедут.

Эти два часа растянулись на целые полдня. Солнце уже пересекло гребень и стало клониться к западу, когда показались на тропе два всадника. На поводу они держали запасную лошадь, нагруженную кошмами и продуктами. Минеев неплохо позаботился о нашем путешествии.

– За вами никого? – уточнил он.

– Кажется, – ответили верховые. – В ущелье пусто.

– Подождем немного, – предложил я. – Так будет надежнее.

Минеев не согласился.

– Упустим время, атаман хватится и пошлет разыскивать. Офицеры все-таки, заметно.

– Да и дорога трудная, засветло надо перебраться через реку. Вон солнце где, – заметил один из верховых.

Была не была! Прощай, атаман. Больше мы с тобой не встретимся. Тогда, год назад, я был уверен, что судьба не сведет меня снова с полковником Сидоровым. Ошибся. Вот он передо мной.

ГЕНЕРАЛ И ТАЙ-ДЖУ

Атаман проговорился – назвал какого-то генерала в Куре, который разделял наши общие убеждения. Можно было понять, что лицо это влиятельное и даже могущественное. Во всяком случае, оно пользуется поддержкой Синьцзянского правительства и способно оказать помощь.

Фамилию генерала полковник не назвал или произнес так невнятно, что разобрать не удалось, переспросить я не решился – любопытство могло насторожить атамана.

Пришлось самому выяснить, кто такой этот могущественный покровитель хозяина кузницы. Город Куре находился в 40 километрах от Кульджи, если ехать на юго-запад. Город считался военным, там стоял гарнизон. Порядки, естественно, здесь были строгие. По улицам ходили патрули, место расположения казарм ограждалось и приблизиться к ним гражданскому лицу не представлялось возможным. Однако в городе свободно разгуливали беляки в форме, и военная комендатура для них была открыта. Видели здесь как-то самого Анненкова. Правда, слух этот никто подтвердить не мог, официально атаман считался узником и передвигаться по провинции не имел права. Русские офицеры, между тем, присутствовали на обеде, устроенном в честь своего бывшего командира. Больше того, говорили, что атаман являлся гостем коменданта Куре генерала И Тай-Джу.

Теперь все стало ясно. Именно И Тай-Джу имел в виду Сидоров, когда намекал на влиятельного сообщника. Вряд ли кто другой из близких к правительству лиц мог открыто принимать Анненкова. В то время китайское правительство уже признало Советскую Россию и утвердило в Кульдже советское консульство. Было бы нелогично и даже бестактно в той же самой Кульдже или Куре демонстрировать свои симпатии к врагам Советов. Подобный вызов

способен был бросить лишь И Тай-Джу. Он не являлся ни членом правительства Синьцзяна, ни государственным деятелем. Его считали наемником.

И Тай-Джу во время гражданской войны в Семиречье примкнул со своей маньчжурской бригадой к Анненкову, стал одним из помощников атамана. Вместе они совершали налеты на станицы и города, и часто маньчжурская бригада выполняла роль ударной группы, разносила селения, поджигала дома, наводя ужас на крестьян. И Тай-Джу считал себя правой рукой атамана и гордился этим. Когда военное счастье перестало улыбаться Анненкову и Красная Армия развернула решающее наступление на белоказаков, И Тай-Джу первый предложил перейти в Западный Китай и сдаться синьцзянским властям. Тайно генерал уже вел переговоры и добился согласия правительства. И не только согласия, он выторговал себе должность коменданта приграничного городка и сохранение в полном составе маньчжурской бригады. Взамен китайское правительство получало все вооружение отряда Анненкова и Дутова, состоящее из восьми тысяч винтовок, восьмидесяти пулеметов и нескольких полевых орудий разного калибра. Бедная на вооружение китайская армия пополнилась неплохим оружием, глаза чиновников из военного ведомства разгорелись, и вопрос для И Тай-Джу был решен положительно. Так за спиной своих господ и союзников генерал совершил сделку.

Существовало мнение, что Анненков и Дутов знали о переговорах командира маньчжурской бригады и даже поощряли их. Возможно, последнее соответствует истине. После перехода границы дружба трех главарей не нарушилась, а, наоборот, укрепилась. Видимо, план был общий и предусматривал дальнейшее сотрудничество. Став комендантом военного города, И Тай-Джу взял под свою защиту обоих атаманов, все оружие, принадлежавшее когда-то белоотрядам, спрятал в своих арсеналах. Синьцзянские власти не препятствовали генералу, так как побаивались его. В любую минуту он мог взбунтоваться и захватить не только город, но и весь Илийский округ.

При очередном моем визите в кузницу разговор снова коснулся помощи со стороны могущественных покровителей. Я сказал, что многие хотели бы снова взяться за оружие, но его нет. С теми пиками, которые ковали для нас в станицах, смешно выступать против Красной Армии – она сейчас лучше вооружена, лучше экипирована, пополнена опытными командирами. А где мы найдем щедрого хозяина? Тут, в Синьцзяне, к нам относятся с подозрением, Анненков под арестом. Дутов тоже. Китайские власти налаживают добрососедские отношения с Советами. На англичан тоже нет надежд.

Сидоров выслушал меня и ответил:

– Я рад, что вы так серьезно относитесь к предстоящей борьбе. Это хорошо. Мы действительно не имеем права повторять затею со старыми средствами. Они не оправдали себя. Доверьтесь своим атаманам, которые думают о будущем и готовят все необходимое для решающего шага.

Полковник ограничивался общими фразами, а мне нужны были конкретные фамилии и факты. Поэтому я пустился на хитрость.

– Атаман Анненков напрасно отдал все оружие этому хунхузу, – сказал я. – У нас теперь было бы чем вооружить сотни.

Сидоров вначале удивленно поднял брови, потом насупился.

– Вам известен факт, но не известны причины. Перед нами стояла дилемма: или бросить винтовки красным или..., – полковник запнулся, не решаясь, видно, открыть секрет, но после небольшого раздумья все же выдал его, – ...или передать на хранение.

Значит, оружие находится на хранении у генерала И Тай-Джу. В нужную минуту им воспользуются Анненков и Дутов. Я тогда еще не знал, как повернутся события и какую роль будет играть мой полковник. Мне и тем, кто изучал обстановку за кордоном, фигура Сидорова не казалась главной и тем более решающей. Первым в ряду стоял Дутов, вторым Анненков, остальные шли следом. Почему Дутов стоял первым? По своей активности этот атаман более привлекал к себе внимание, чем Анненков. На него делали ставку европейские правительства. Дутов был более популярен среди офицерства. Между собой два атамана не

ладили, боролись за первенство, каждый старался захватить трон диктатора в будущем белом правительстве России. Даже здесь, за пределами России, они продолжали эту борьбу, хотя она уже не была такой острой, как прежде. Общие неудачи и общие интересы несколько сблизили их. Оба были связаны единой тайной белогвардейской организацией и подчинялись ей.

Для меня оставалась неясной роль генерала И Тай-Джу. Кого он поддерживает: Анненкова, Дутова или обоих вместе? На это Сидоров не мог ответить. Да я и не стал бы спрашивать – слишком откровенным показался бы мой вопрос атаману.

– Могу я сослаться на сказанное вами при возможном разговоре с товарищами, – на всякий случай попытался уточнить я. – Всех интересует оружие.

Полковник встревожился:

– Ни в коем случае... И вообще, все, что мы говорим с вами, – святая тайна.

– Понимаю.

– Заверьте их, оружие будет в нужном количестве... И даже больше.

– Я для них маленький человек... Если ваше имя?

– Обо мне пока ни слова... Назовите атамана Анненкова...

– Хорошо, – согласился я.

ВЫСТРЕЛ В СУЙДУНЕ

Первое место, предназначенное для Дутова, определили сами события. Как тайно ни действовали заговорщики, планы их постепенно становились известными третьим лицам. Офицеры устраивали встречи в людных местах, на скотных базарах скупались в большом количестве лошади, причем выбирали их опытные в военном деле люди. Все это не могли не заметить любопытные. Зашевелился генерал И Тай-Джу. Он несколько раз оставлял свою резиденцию в Куре, навещался в Кульджу, Суйдун и даже Урумчи, где находились его подопечные. Проявил удивительный интерес военный комендант и к пограничным районам. В сопровождении переодетых белогвардейцев он посетил места переправ, проехал по уже заброшенным тропам, ведущим к перевалам. В горных селениях генерал беседовал со старыми проводниками.

Все это нельзя было не заметить. Особенно настораживали частые встречи генерала с атаманом Дутовым. И Тай-Джу держал постоянную связь с бывшим главарем и пользовался для этого целой группой доверенных лиц.

В самый разгар лихорадочной деятельности заговорщиков раздался неожиданный выстрел в Суйдуне.

Выстрелы вообще в то тревожное время не были редкостью. Часть оружия из переставших существовать отрядов растеклась по селам, аулам, станицам, городам. Каждый, кто уходил в так называемую мирную жизнь, уносил с собой винтовку, наган или браунинг. Ими пользовались и для собственной защиты, и для устрашения других. Стрельба шла при дележе земли или наследства, во время свадеб и поминок, на общественных сходах. При этом не только стреляли, но и убивали. И вот при такой обыденности применения оружия выстрел в Суйдуне произвел огромное впечатление. О нем стало известно во всех городах Илийского округа. В среде эмигрантов начался переполох. Кто возмущался, кто впадал в панику и торопливо снимал с себя мундир, которым недавно гордился. Многие скрылись.

Я узнал о происшествии в Суйдуне в тот же день и сразу бросился в кузницу к Сидорову.

– Убит Дутов!

Полковник схватил меня за руку и потащил в комнату. В кузнице он не хотел говорить о таких страшных вещах, хотя рабочие и являлись его сообщниками. Видимо, Сидоров боялся появления кого-либо из заказчиков.

– Я все знаю, – сказал он, плотно прикрывая за собой дверь.

Произнес это атаман с горечью и даже с какой-то тоской в голосе. Раньше мне казалось,

что полковник враждебно настроен к Дутову, как к давнему конкуренту и сопернику своего шефа Анненкова, но, должно быть, такое мнение создалось из чисто внешних представлений о симпатиях и антипатиях в эмигрантской среде.

– Что же будет? – с тревогой спросил я.

– То, что должно быть, – ответил атаман. – Конечно, жаль Дутова. Не вовремя он выбыл из игры, у атамана были подготовлены крупные силы и оставалось лишь начать дело... Я вам говорю это, прапорщик, как близкому человеку. От выступления Дутова зависела вся кампания на той стороне. Атаман умел начинать и умел выигрывать первую ставку.

– Значит все?! – с преувеличенным отчаянием воскликнул я.

Атаман скривил губы. Видимо, моя растерянность раздражала его. И не только раздражала, но и тревожила: выстрел в Суйдуне мог породить недоверие у многих сообщников. И Сидоров сказал:

– Вы очень мрачно представляете себе будущее. Оно более радужно. Потеря Дутова несколько расстроила наши планы, но не отбросила их. Сегодня я послал Анненкову письмо с сообщением и своими соображениями по поводу гибели атамана. Его убрали большевики, это совершенно ясно. Мы оказались беспечными, нас подкупила мнимая тишина Синьцзяна, а здесь тоже фронт, хотя и невидимый. Противник ходит по тем же улицам, что и мы. И иногда сидит рядом с нами, ест из одной чашки. Об этом должны знать Анненков и генерал И Тай-Джу. Пусть внимательнее смотрят на своих подчиненных.

– Но ведь неизвестно, кто убил Дутова. У него, говорят, были личные враги, – попытался возразить я. – Мало ли причин для ссоры или мести.

– Чепуха, – махнул рукой Сидоров. – Таких людей, как Дутов, не убивают из-за мелочности. Их убивают, прапорщик, и убивают в самый острый момент. Большевики боялись атамана, он мог доставить им массу неприятностей. В России голод, разруха, эпидемии. Появись Дутов со своими сотнями в Семиречье в это горячее время, и он прибавил бы огня. Уж теперь Туркестан запылал бы по-настоящему...

Сидоров сбавил тон и сказал почти шепотом:

– Басмачи снова шумят в Фергане. Им нужна помощь, нужны сабли и винтовки Дутова и Анненкова.

– Фергана слишком далеко, – усомнился я.

– Не скажите, это как считать, – совсем уже тихо полковник добавил. – Мы ждем связного от Курширмата...

Я сделал вид, что мало верю в союз с басмачами, к тому же опыт прошлого показал неспособность курбашей действовать объединенными силами. Под Андижаном союз Мадамин-бека и крестьянской армии Монстрова потерпел крах.

Полковник решительно возразил:

– Прошлое было уроком. Теперь и мы, и басмачи стали умнее.

Во время нашего разговора кто-то постучал в дверь. Атаман прислушался и приложил пальцы к губам. Несколько секунд мы молчали. Стук повторился. Своеобразный стук, с интервалами.

– Посидите, – бросил мне Сидоров и вышел.

Сколько он отсутствовал, не помню, по крайней мере не так уж мало. В комнату донеслись приглушенные голоса, за дверью кто-то говорил, причем не только с Сидоровым, но и еще с кем-то, однако разобрать слов я не мог. Приблизиться к дверной створке не решался, так как каждую секунду хозяин мог распахнуть дверь и войти. Наконец, голоса стихли и появился полковник. Он был заметно взволнован и даже обрадован. Кажется улыбался.

– Ну вот, – сказал Сидоров, отвечая на мой немой вопрос. – Дело обстоит не так уж плохо. Приходили делегаты от Дутова.

– Что?! – поразился я. – Он же убит.

– Да, конечно, не от него лично, а от штаба Дутова. Никакой паники, все остаются на своих местах, решается вопрос о назначении нового атамана... Так-то, дорогой прапорщик.

Да, кстати, насколько я помню, вам присвоен чин хорунжего. Не плохо, как вы считаете?

Я утвердительно кивнул.

– На этом, надеюсь, не задержитесь. Впереди борьба, а в ней и подвиги.

Пользуясь случаем, я решил напомнить атаману о приказе Анненкова по поводу моего исчезновения из отряда. Пора было уточнить эту деталь моей биографии и выяснить отношение к ней Сидорова. Мне казалось, что полковник таит в себе недоверие и рано или поздно проявит его.

– Забудьте! – махнул он рукой. – Тогда сотни уходили и по понятной причине, не все понимали необходимость перехода границы, патриотические чувства мешали совершить такой шаг. Это дело прошлое. Нас объединяет будущее.

Ответ успокоил меня.

«КОНТРАБАНДИСТ» АХМЕД-ВАЛИ

Важные сведения, добытые от Сидорова, я должен был передавать своему связному, а он отсылал их в разведцентр. Как ему это удавалось, не знаю. Во всяком случае в назначенное время он появлялся словно по мановению волшебной палочки и молча ждал донесение. От него я получал дальнейшие указания.

Последний мой отчет вызвал тревогу, так мне показалось, потому что назначил свидание связной до срока.

– Нужно во что бы то ни стало выяснить, кто возглавит отряд Дутова и сколько в нем человек? Это приказ, – сказал он.

– Здесь кое-что есть об этом, – пояснил я и передал новое донесение. Мне удалось узнать от Сидорова о тайном собрании командиров дутовских сотен, на котором решался вопрос о новом атамане. Назывались фамилии офицеров штаба.

– Очень важно, – одобрил связной. – В центре должны знать немедленно... Я исчезну на некоторое время... Не спрашивайте ничего. Новое донесение примет от вас другой человек, который найдет вас во вторник в караван-сарая у дунганской харчевни.

Я пожал плечами, выражая сомнение в надежности такой связи.

– Этот человек – контрабандист, – ошарашил меня связной. – Кстати, моего прежнего связного звали Мухамед Агидулин. – Так и спросите в случае чего у хозяина караван-сарая: «Не появился ли у вас Ахмед-Вали?» «Контрабандист?» – уточнит хозяин. Ответите: «Он кое-что хотел продать мне».

Ясно, что это не настоящий контрабандист, так я решил, но когда во вторник пришел в караван-сарай у дунганской харчевни, моя уверенность несколько поколебалась. Меня встретил типичный для тех мест рыцарь тайных троп. Продубленное солнцем и ветром лицо, суровый взгляд, настороженная походка, словно у барса. Одет он был в халат, перепоясанный ярким платком, на голове войлочная шапка, в голенище сапога – нож.

Я должен был передать Ахмеду-Вали сведения, которые с нетерпением ждали в центре. Они были невелики по объему, но содержали самое главное – имя нового атамана.

Маленькая записка. Скольких усилий стоила она мне! К тому же срок был короткий – всего неделя. За это время надо было навестить Сидорова, застать его в кузнице, вытянуть из него тайну. Самое неудобное заключалось в том, что атаман после покушения на Дутова перестал свободно появляться в городе, а если и появлялся, то с личной охраной. Меня никак не хотели впускать в кузницу, вернее, в комнату, примыкающую к ней. Только когда телохранитель атамана доложил обо мне, Сидоров приказал впустить.

– Не удивляйтесь, – объяснил он. – Накануне большого дела всегда так.

Сидоров был не один в комнате, поэтому разговор вначале не клеился. Говорили обо всем и в то же время ни о чем. Наконец, мы остались одни, и я спросил атамана:

– Можно готовиться?

Он понял меня, но уточнил:

– К чему?

– К выступлению, – рискнул сказать я прямо.

Полковник рассмеялся.

– Больно скоры, но вообще-то пора принимать соответствующий облик. – Сидоров осмотрел меня критически и сказал: – Зайдите завтра утром. Решим этот вопрос.

Внутри у меня все заныло от досады. Опять не сегодня.

– Утром, пораньше, – напомнил Сидоров и простился со мной.

Да, коротенькое донесение, кроме упорства, требовало еще и терпения. Ночь я провел в обдумывании вопросов, которые собирался задать атаману. Строил план беседы. Все оказалось напрасным. Сидоров вызвал меня, чтобы снять мерку для обмундирования. Мне должны были сшить офицерский мундир казачьего образца. Два солдата, видимо, из бывших портных окрутили меня аршином, смерили длину и ширину, записали и велели через восемь дней прийти на примерку.

– Но, но, – предостерег их атаман. – Многовато, мы так за год не оденем офицеров. Пяти дней достаточно.

После завершения процедуры Сидоров, как всегда, плотно затворил дверь и предложил мне сесть.

– Вы не поражены, что вам заказан мундир? – начал он с вопроса.

– Да нет. Если вступили в канун большого дела, так и одеться надо.

– Абсолютно верно. На той стороне должны увидеть не сброд, а настоящую армию и в знакомой форме.

Полковник сделал паузу, будто раздумывая, продолжать мысль или ограничиться сказанным. Что-то все-таки заставило его сегодня быть многословным. Может быть, мое любопытство, с которым я постоянно приходил к нему, может быть, необходимость ввести своего подчиненного в курс дела.

– Форма будет единой для всех отрядов, под чьим бы командованием они ни находились. Впрочем, и руководство концентрируется. Отряд Дутова отказался от прежней самостоятельности и присоединился к нам.

– К Анненкову? – заторопился я с вопросом.

– Не совсем... Вы помните, прошлый раз приходили делегаты дутовского отряда... Мне предложено возглавить его. Таково единодушное мнение офицеров. Не скрою, для меня это большая честь заменить атамана Дутова, известного в России и в Европе человека. Я присягнул знамени отряда.

– Поздравляю, полковник!

Можно было радоваться, конечно, не назначению Сидорова атаманом дутовского отряда, а установлению самого факта – стал известен новый вдохновитель белогвардейской авантюры. На очереди вторая задача – узнать число бойцов, оказавшихся под командой Сидорова. Но как это сделать?

– Рад снова служить вам, – сделал я комплимент атаману. – Если, разумеется, доверите...

– Что за сомнения, прапорщик! – ответил Сидоров. – Сотня вам обеспечена.

– В чьем отряде? У дутовцев, простите за напоминание, наверно, все сотни разобраны. – Я сделал заход, чтобы вырвать хотя бы имена офицеров, если не их число и число сотен.

– Да, пока, – разочаровал меня атаман. – Но сколачиваются новые.

Полковник не давал прямых ответов или по соображениям конспирации, или по привычке не отвечать конкретно.

– С новыми людьми вам будет легче, – стал объяснять полковник. – Займетесь обучением, а это вы умеете делать хорошо.

– Без оружия?

– Да, первое время без него. Вернее, с учебными образцами. Остальное придет в походе.

Туман сплошной. Срок, по всей вероятности, еще не подошел для практического

знакомства офицеров с планом похода, а лично для меня атаман не собирался делать исключение.

– Когда мне явиться в отряд? – поинтересовался я. – Лучше бы пораньше взяться за учебу.

Сидоров помедлил с ответом. Опять что-то решал, взвешивал.

– Вас известят, прапорщик. Дайте адрес!

Это было самое неожиданное в операции. Сидоров отказывал мне в дружеском общении, закрывал доступ в кузницу, где можно было свободно беседовать. До этого дня я находил атамана по собственному желанию и, следовательно, держал инициативу в собственных руках, теперь она перешла к полковнику. От него будет зависеть мое продвижение к цели. Захочет – вызовет меня, не захочет – выбросит адрес. В лучшем случае передаст приказ через одного из своих телохранителей. Иначе говоря, атаман привязывал меня к дому, вынуждал сидеть там и ждать событий. Это был удар. Схема действий, продуманная ночью и казавшаяся мне удачной, летела к черту.

– Не расстраивайтесь, прапорщик, – заметив мою растерянность, произнес Сидоров. – Ждать придется не так уж долго...

Пришлось уйти. Чувствовал я себя прескверно. Возможно, допущена какая-то тактическая ошибка, исправить которую уже нельзя.

Донесение, правда, есть и почти соответствует заданию. Но что дальше? Как оправдаю перед Центром свою бездеятельность. Решил поставить товарищей в известность о случившемся. В таком виде я и передал доклад контрабандисту. Он принял от меня свернутый вчетверо листок и вложенные в пачку деньги. Обесцененные николаевские пятидесятирублевые купюры, хотя и потеряли значение, но еще ходили за границей и в данном случае выполняли довольно убедительно роль маскировки. Деньги контрабандист получал вроде бы за проданный мне опиум. Он долго считал, торговался со мной, наконец, потребовал обратно товар и вернул пачку пятидесятирублевок, но уже без записки. Ахмед-Вали успел вынуть ее и спрятать за поясной платок.

– Хочешь подешевле, – сказал контрабандист, – приходи другой раз. Мы остановимся здесь через неделю.

Я понял, Ахмед-Вали придет в следующий вторник. Сумею ли за несколько дней разузнать что-нибудь важное?

СЕКРЕТНЫЙ ПРИКАЗ АННЕНКОВА

Шли дни, я сидел дома и ждал посыльных полковника Сидорова. Мое дежурство начиналось после обеда, когда работа в «Шанхае» заканчивалась и все возвращались к семьям. Именно в такое время должен был явиться человек с приказом. Мне так казалось. Вечером, в темноте, вряд ли кто-нибудь отважится искать мою квартиру, затерявшуюся среди множества узеньких и кривых улочек. Да и вообще с наступлением темноты жизнь в этом районе Кульджи замирала, расспрашивать обо мне не у кого, да и рискованно. Правда, был ориентир – баня, которую содержали казаки, но она находилась с задней стороны дома и прежде чем пройти ко мне, надо было петлять по переулкам.

Я ждал, но никто не пришел. От случайных людей мне удалось узнать, что генерал И Тай-Джу снова навещал Урумчи и встретался с атаманом Анненковым. Генерала, кажется, видели и в Кульдже. Естественно, моя тревога усилилась. Ожидание стало просто невыносимым. События разворачивались и, возможно, быстрыми темпами, но в них я не участвовал. Больше того, был в неведении относительно ближайших намерений заговорщиков. О нарушении приказа не могло быть и речи. Как объясню я свое появление в кузнице? И все-таки меня подмывало нарушить его, пойти к атаману.

Решение уже созрело – иду. И вдруг отворяется дверь, на пороге сам атаман.

– Не ждали? – спрашивает он, оглядывая настороженным взглядом комнату.

– Ждал, – откровенно признался я и, кажется, даже вздохнул облегченно.

– Хорошо, если ждали. Время приступать к делу.

Честно говоря, я обомлел. Пробил роковой час, а никто не знает, никто не готов к отпору. Что делать?!

– Уже сегодня? – с испугом спросил я полковника.

– А вы не готовы?

– Никто не готов. Где мои люди? Где оружие, лошади? Вы же обещали дать срок на выучку.

Полковник сел к столу у окна, снял фуражку и положил на подоконник. Я заторопился, чтобы задернуть занавеску, скрыть атамана от посторонних глаз, но он остановил меня:

– Не беспокойтесь. На улице мои люди.

Значит, Сидоров пришел с личной охраной. Это ново для меня и не совсем удобно. Разговор откровенный не получится. Когда подслушивают, а я не сомневался, что телохранители воспользуются такой возможностью, надо взвешивать каждое слово, следить за интонацией. Что ж, примем к сведению. Главное, полковник здесь и беседа состоится.

– Вы требуете бойцов? – спросил с интересом атаман.

– Это была ваша воля назначить меня командиром сотни. Если, конечно, приказ не отменен.

– Не отменен, – улыбнулся гость. – Наоборот, утвержден. Кроме того, вам присвоен очередной чин подьесаула. Поздравляю и надеюсь...

По казачьей традиции я должен был поцеловать атамана и поблагодарить за доверие. Пришлось выполнить эту обязанность.

– Когда выступаем? – поставил я вопрос, который больше всего интересовал меня.

– Вот этого я вам не скажу, – шутливо ответил полковник.

Знакомая тактика: ничего конкретного, никаких дат, никаких цифр. Чтоб он провалился, этот атаман! Сколько можно играть в прятки.

– Понимаю, тайна, но мне надо распорядиться насчет квартиры и вещей, как-то подготовить свое исчезновение из канцелярии «шанхая».

– Учityваю, голубчик. Рад бы сказать, да сам не знаю. Обстановка подскажет час. Сигнал тревоги прозвучит, как в военное время, – внезапно. А готовым надо быть каждую минуту. Но чтобы вы знали свою задачу и могли действовать, я ознакомлю вас с планом выступления, естественно, в том объеме и тех границах, которые предусматривают участие вашей сотни. Для этого я и пришел...

Наконец-то! Я забыл все свои огорчения, все сомнения и, взволнованный, приготовился слушать. Момент овладения тайной чем-то напоминает прыжок к трудной цели, он требует мобилизации всех сил, физических и духовных. Такова природа всякого узнания.

– Прежде всего, – начал атаман, – вы должны быть готовы к действиям здесь, в Синьцзяне. В чем они будут заключаться? Во-первых, в стремительном броске на юго-запад к городу Куре. Туда ведут несколько дорог. Одна из них ваша – самая короткая, караванная, но самая опасная. Однако навязывать бой ни в коем случае не следует, преждевременный шум не входит в программу первого дня. К моменту вашего подхода к городу там уже будут находиться остальные сотни. Дальнейшие действия предпринимаются сообща всем отрядом в контакте с гарнизоном...

– А оружие? – невольно вырвалось у меня. – Сотня выйдет из Кульджи с оружием?

– Кое-что будет, – пояснил полковник. – Штук двадцать карабинов. Вооружимся в Куре. Арсенал перейдет в полное наше распоряжение.

– Но его охраняет правительственный батальон?

– Совершенно верно. И командует батальоном генерал И Тай-Джу. Коль скоро вы уже знаете главную задачу, могу сообщить некоторые подробности, необходимые для ориентировки. Никакого столкновения с правительственными войсками не будет. Секретным приказом Анненкова маньчжурская бригада генерала И Тай-Джу передана моему отряду и по первому сигналу она восстанет и разоружит гарнизон. Мы получим не только запасы арсенала, но и винтовки и пулеметы охранного батальона. Генерал ждет сигнала. Поэтому,

если вы, подойдя с сотней к городу, услышите стрельбу, не ввязывайтесь. Ждите мою команду. В любом случае руководствуйтесь тем, что маньчжурская бригада не только наш союзник, но и равноправный участник похода. На первом этапе командование всеми отрядами, в том числе и маньчжурской бригадой, возлагается на меня. Вас, подьесаул, я назначаю командиром особого полка. Будете подчиняться непосредственно мне.

Чины и должности сыпались как из рога изобилия, я едва успевал их принимать. Стало ясно, что атаман оказывал мне самое глубокое доверие. Ближайшему своему помощнику он должен был сообщить стратегический план, иначе пришлось бы действовать в потемках, не проявляя инициативы. В то же время главное продолжало оставаться скрытым. С какими силами выступаем мы в Куре и насколько они возрастут после присоединения маньчжурской бригады? Какую роль будет играть генерал И Тай-Джу? На каких условиях он согласился участвовать в походе? Все это полковник обошел. Видимо, тайная организация, готовившая авантюру, держала в руках нити заговора и даже начало похода было засекречено. Сидоров не имел права разглашать план, так как сам являлся только исполнителем. Его ограничивали сферой военных действий, политикой занимались другие. Вместе с тем полковник Сидоров был единственной после Дутова фигурой, способной возглавить поход против Советского Туркестана. Насколько мне удалось понять, для первого удара атаман Анненков не годился. Многие старшие офицеры его недолго любили и отказывались служить в его полках. Сидорова принимали все, и это как бы объединяло силы эмиграции, гарантировало успех. А успех был необходим, иначе рушились надежды на возвращение в Россию и установление старой власти.

Итак, Сидоров – главнокомандующий белой армией, идущей в Туркестан, завтрашний диктатор. Я – командир особого полка при нем. Мне остается только поблагодарить атамана и заверить его в преданности и готовности выполнить любой приказ.

– Все должно закончиться в одну ночь, – сказал на прощание полковник. – На рассвете перейдем границу.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Все должно кончиться в одну ночь! На какую ночь падет жребий? Возможно, он уже пал. Где-то в секретном приказе Анненкова стоит дата, стоит лишь календарю обнажить ее, и машина закрутится.

Узнать, во что бы то ни стало узнать!

Едва атаман покинул мою каморку, я начал лихорадочно решать задачу. Всевозможные проекты рождались в моей голове, и простые, и хитроумные, но ни один из них при критическом рассмотрении меня не удовлетворял. Все они были нереальны. Ни выудить путем бесед, ни выкрасть у полковника секретный приказ я не мог. Во-первых, Сидоров сказал все, что необходимо для подчиненного перед выступлением, во-вторых, неизвестно, где хранится приказ. Да и существует ли он в виде документа. Словесное распоряжение? Этого вполне достаточно при такой конспирации. Наконец, допустим вариант, что полковник сам не знает точного срока. Не сказали. Анненков держит тайну при себе, а его резиденция – Урумчи, куда мне нет доступа.

Да, задача не решается, сколько ни ломай голову. Остается одно – сообщить в Центр о предстоящем восстании и захвате арсенала в Куре и просить подготовиться к приему отрядов Сидорова на границе.

У меня было желание немедленно побежать в караван-сарай и разыскать там моего контрабандиста. Только чувство осторожности помешало сделать этот шаг. Я не был уверен, что телохранители атамана покинули мою улицу.

Пришлось ждать до утра. По пути в «шанхай» я заглянул во двор караван-сарая. Ахмеда-Вали там не оказалось. Купцы и крестьяне грузили мешки на верблюдов и лошадей, стоял обычный для такого времени шум и гам. Крики погонщиков смешались с ревом и ржанием животных. Среди этой утренней суеты важно расхаживал хозяин, к нему я и

обратился с вопросом, не заезжал ли Ахмед-Вали? Хозяин отрицательно покачал головой.

– В такой день с той стороны не приходят, – объяснил он, давая мне понять, что контрабандисты имеют свои маршруты и свое время.

Пришлось ждать вторника. Непростое и необычное было это ожидание. В канцелярии я сидел, как на углях. Некоторые эмигранты приходили оформлять продажу имущества в связи со срочным выездом из Кульджи. Нетрудно догадаться, почему они выезжают. Безусловно, в большинстве своем это бойцы Сидорова. Их торопят командиры сотен.

Что, если начнут торопить меня, заглянет какой-нибудь казак и сунет записку – явиться сегодня ночью во столько-то часов для исполнения долга. Или еще короче – выступаем!

Вот и вторник. Лечу в караван-сарай. Ахмед-Вали там, но окружен множеством людей. Идет торг. Мне он делает знак, чтобы подождать. А как ждать, если дело не терпит, если дорога каждая минута. Кручусь около подвод, показываю свое нетерпение. Ахмед-Вали быстро разделяется с купцами, подходит ко мне. Передает записку. До нее ли! Сейчас главное поставить в известность Центр. Поэтому спрашиваю своего связного.

– Можешь сегодня вернуться назад?

– Вообще-то не по расписанию, но если очень надо, попробую.

– Надо.

– Хорошо. В четыре часа приходите в дунганскую харчевню.

Мы расстаемся, и я тут же за воротами читаю послание Центра. В нем повторяется просьба уточнить сроки выступления отряда Сидорова. Предлагается держать с атаманом самую тесную связь, проверить, насколько окончательно кандидатура его в качестве командующего походом и нет ли заместителя.

К четырем часам я подготавливаю полный ответ на вопросы и излагаю план выступления белых на Куре. В нем подробно перечисляются слагаемые действия казачьих сотен и бригады маньчжуров, начиная от похода к городу, восстания гарнизона, захвата арсенала и движения до границы. Атаман Сидоров характеризуется мною как единственный и самый подходящий исполнитель плана заговорщиков. В конце донесения я просил принять самые срочные меры к предотвращению перехода границы, так как все готово для осуществления секретного приказа Анненкова. Судя по запасам арсенала, я назвал возможную цифру – около десяти тысяч винтовок, которые попадут на вооружение отряда полковника Сидорова. Возможно, столько же будет бойцов, если присоединится бригада генерала И Тай-Джу.

Я не сомневался, что донесение вызовет немедленный ответ действием. Моя тревога передалась связному, и Ахмед-Вали пообещал в самый короткий срок доставить отчет по назначению. Я не знал тогда, что это последнее мое донесение из Кульджи.

При мне Ахмед-Вали сел на лошадь, нагруженную хурджунами, кивнул мне и поехал.

Снова ожидание. Мысленно я торопил своего контрабандиста, снимал все препятствия, что стояли на трудном пути в горах, гнал его лошадь по каменистым тропам.

Пока Ахмед-Вали лазил по кручам и переходил вброд бурные горные потоки, я занимался своими делами, готовился к походу на Куре. Меня навестил полковник. Предупредил, что в ближайшие дни представит младшим командирам нового подьесаула. Как и в прошлый раз, атамана сопровождали телохранители. Они следили за двором и улицей.

– Как личные дела? – поинтересовался полковник.

– Завершаю.

– Правильно делаете. Выступить можем внезапно.

– Учityваю, готов в любое время.

– Есть слухи, – доверительно сказал атаман, – что послы от Курширмата в дороге. Вероятно, где-то на той неделе придут в Кульджу. Хочу привлечь вас к переговорам в качестве переводчика и советника.

– К вашим услугам, атаман.

– И еще одно задание. Вокруг вас много людей, особенно в канцелярии «шанхая», они

бывают на базарах, в караван-сараях, связаны с купцами. Им первым станет известно о появлении в городе басмаческих послов, тем более, что представители Курширмата придут в Кульджу как торговцы из Коканда. Постарайтесь быть в курсе дела и сразу же известите меня.

Просьба была вполне выполнимой, и я пообещал полковнику все разузнать. Забегая вперед, скажу, что задание Сидорова облегчило мне решение другой задачи, более важной, но поставленной уже не атаманом.

Представить мне младших командиров Сидоров не успел. Ахмед-Вали вернулся до срока, им же обещанного, и через какого-то парнягу вызвал меня из канцелярии. Сам по себе вызов, да еще среди дня, свидетельствовал о чрезвычайной важности послания, которое доставил контрабандист. Ахмед-Вали выглядел усталым и озабоченным. Трудно, должно быть, пришлось ему в пути.

В мешочке, где обычно контрабандисты везут драгоценности и опиум, находилось письмо. Он передал его мне и сказал:

– Я знаю, что там написано.

Осведомленность человека, которому доверена доставка секретной почты, не вызывала ни удивления, ни осуждения. В тех условиях связной должен знать содержание письма, так как постоянно подвергался опасности быть задержанным или ограбленным. Уничтожение текста предусматривалось правилами конспирации. Вырвавшись из рук грабителей или таможенников, связной должен был устно передать содержание приказа или донесения тому, кому они предназначались.

– Там кое-что касается и меня, – добавил он. – Прочтите где-нибудь поблизости, я подожду.

– Не уходи никуда, – предупредил я и вышел за ворота. Послание оказалось коротким, лично мне предназначалось всего несколько слов. Я их прочел сразу. Прочел и ничего не понял. То есть понял, но смысл не дошел до меня, настолько все было неожиданным и необычным. Центр кратко излагал положение в пограничных районах Семиречья, где кулаки и баи вели тайную войну с Советами и собирали оружие, готовясь присоединиться к отряду Сидорова. Гарнизон Джаркента малочислен и в настоящее время нельзя перебросить ему в помощь крупные силы с других фронтов. Поэтому изложенный в письме приказ подлежит выполнению как всякий приказ военного времени.

Об исполнении предлагалось доложить лично начальнику Семиреченского отдела ГПУ. Помогать мне будет человек из Джаркента, хорошо знающий дорогу через горы. С человеком этим познакомит меня связной Ахмед-Вали.

Вот что имел в виду контрабандист, сообщая о своей осведомленности. Я вернулся в караван-сарай.

– Где проводник?

Ахмед-Вали с любопытством посмотрел на меня и ответил:

– У родственников. Завтра пойдем покупать лошадь и завтра же познакомлю с проводником.

Я условился с Ахмедом-Вали о встрече и ушел.

В течение всего последующего дня я ломал голову над решением задачи – чем оправдать свое появление в кузнице. Когда-то я уже искал такой повод, ожидая вызова атамана. Теперь пришлось вернуться к прежней теме. Сидоров последний раз просил меня известить о появлении в Кульдже представителей Ферганского басмачества. Я обещал сделать все, что смогу. Если бы действительно кто-нибудь приехал сейчас, был бы найден великолепный выход.

Я принялся расспрашивать посетителей харчевни и заезжих купцов. Никто ничего не знал о гостях из Коканда. Как назло басмаческие посланники задерживались.

И я решился на опасный шаг.

КОНЕЦ БЕЛОГО АТАМАНА

- Проводите меня к полковнику.
- Его нет здесь.
- Где он?
- Об этом не спрашивают.
- Скажите адрес, мне необходимо передать ему очень важное сообщение.
- О чем?
- Не имею права разглашать.
- Хорошо, подождите на улице.

Такой разговор произошел у входа в кузницу между мной и солидного вида казаком, сидевшим на пороге. Я остался на улице: казак вошел в комнату, что находилась за мастерской. Вернулся он через минуту, уже более приветливым.

– Идите, хозяин ждет.

Встречи с полковником становились все недоступнее. Видимо, военная организация, руководившая заговором, усилила конспирацию, изолировала главарей. Случай с генералом Дутовым насторожил белогвардейцев, заставил беречь свои кадры.

- Что-нибудь интересное? – сразу спросил меня Сидоров.
- Да, – ответил я.
- Рассказывайте скорее!

Я изложил составленную мною версию относительно приезда в Кульджу басмаческих представителей.

– Они хотели бы с вами увидеться, атаман.

– Где и когда? – с интересом откликнулся Сидоров. Он ждал делегатов, и мое сообщение оказалось как нельзя кстати.

– Вы поручили мне все выяснять, я воспользовался этим правом и пригласил к себе гостей. Появление кокандцев в кузнице, на мой взгляд, было бы нежелательным. Да и условий здесь нет. У меня тихо и неприметно для посторонних глаз.

– Правильно, подьесаул, – одобрил полковник. – Когда же?

О дне я не подумал. Не уверен был, что полковник одобрит инициативу, пришлось на ходу выдумать дату.

– Четырнадцатого, в двенадцать часов дня. Если, конечно, вы сможете, атаман.

– Время подходящее, – не задумываясь согласился полковник. Ни о чем другом говорить надобности не было. Я поклонился и вышел.

Уже на улице меня охватило беспокойство: а вдруг Ахмед-Вали и проводник еще не купили лошадь и не подготовились к отъезду. Прямым ходом направился в караван-сарай, чтобы встретить связного и поторопить его.

К счастью, все было сделано, и мы вместе с контрабандистом пошли смотреть коня. Меня конь, конечно, мало интересовал. Я хотел увидеть проводника и договориться о времени и месте встречи.

Проводником оказался уже немолодой дунганин Эrsa Юсуфходжаев. Крепкий, подвижный человек с быстрыми, цепкими глазами, он производил впечатление охотника или пастуха. Эrsa отлично знал свою задачу и все заранее предусмотрел. Только спросил, с какого часа необходимо ждать меня. Местом встречи я избрал дом его родственника, куда мог прийти в любую минуту.

Коня осмотрели.

Итак, все оговорено, все готово.

Четырнадцатое августа приближалось медленно. Так всегда бывает, когда время отсчитывается минутами. Снова и снова всплывали в памяти детали моего плана со всеми закономерностями и неожиданностями. Больше всего меня беспокоило возможное появление настоящих делегатов от Курширмата. Окажись они в Кульдже накануне операции, все полетит к черту. Ведь, кроме меня, у Сидорова могли быть и другие помощники, которые

должны узнать о приезде басмаческих послов и доложить полковнику.

И они появились. Знакомый эмигрант зашел ко мне в канцелярию и сказал, что к купцу Шаларходжаеву приехал узбек из Ферганской долины с какими-то полномочиями от басмачей. Кажется, он намерен собирать средства для Курширмата среди богатых торговцев.

Самое удивительное, что он приехал десятого августа, то есть в тот день, когда я навестил полковника в кузнице. Совпадение как нельзя удачное, но оно таило в себе опасность. Гость Шаларходжаева мог за эти дни связаться с белогвардейцами и навесить одного из атаманов, ну хотя бы Сидорова. Ждать или не ждать мне полковника четырнадцатого августа?

Настало роковое число. Я сидел в комнате у накрытого стола и смотрел на дверь.

Ровно в двенадцать постучали. Вошел полковник. Но не один. Вместе с ним пришли телохранители. У обоих в кармане торчали наганы.

Не все, оказывается, я предусмотрел. Забыл о личной охране атамана. Она абсолютно исключала возможность выполнения операции.

Гости расселись вокруг стола, я подал чай, кое-какие сладости, чтобы веселее было коротать время. Занавеска, как и в прошлый раз, была отдернута, и нам открывалась улица, по которой двигались прохожие. Болтая, полковник бросал мимолетные взгляды, выискивая фигуры в халатах. Специального разговора не было, касались всякой всячины, иногда, правда, атаман вспоминал прошлые походы, особенно на Джаркент. Минул час, потом второй. Сидоров ждал. Я терпел – мне-то было известно, что никто не придет.

– Запаздывает купец, – огорченно заметил полковник.

– Видно что-то помешало ему, – попытался объяснить я. – Он ведь тоже приехал под вымышленным именем.

– Вот как? – покачал головой атаман. – Жаль, что не встретились. Ну, спасибо за чай.

Гости, несколько расстроенные, покинули мою комнату.

Снова я один, снова ломаю голову над уже не имеющей решения задачей. Ночь провожу почти без сна. Утро еще более усиливает волнение: вдруг прозвучит приказ о выступлении отряда или появится на горизонте посланник Курширмата. Приближающаяся опасность заставляет меня снова пуститься на риск.

Бегу в кузницу. На этот раз меня никто не задерживает. У входа дежурит знакомый казак из личной охраны атамана.

– Все выяснил, – торопливо докладываю Сидорову. – Представитель не решился войти, так как увидел в комнате посторонних людей. Я объяснил ему – это охрана. Он поставил условие: встречаться и решать дела только с глазу на глаз. У него секретное поручение. Он не хочет, чтобы и я присутствовал.

– Пугливый купец, – улыбнулся Сидоров. – Через Семиречье идти не боялся, а здесь, у своих, струсил.

– Такое время, атаман.

– Время, верно, трудное. Значит, сегодня. В то же время?

– Да, в двенадцать.

– Приготовьте что-нибудь на стол солидное, но без выпивки. Такие дела за рюмкой не решаются. Буду без пятнадцати двенадцать...

На этот раз я был уверен, что план удастся выполнить. Кажется все предусмотрено. Только бы атаман не прихватил с собой казака и не поставил его за углом на всякий случай.

Полковник оказался точным, как всегда. Вошел в комнату ровно без пятнадцати двенадцать.

Я попросил его сесть против окна, чтобы первым увидеть человека в полосатом халате. В руки ему дал книгу, не помню уже какую.

Сам продолжал подносить к столу сладости.

– Как только увидите гостя, – предупредил я, – дадите мне сигнал. Оставлю вас одних.

Полковник кивнул и стал пристально смотреть в окно...

...На этом закончился последний визит атамана в мой дом.

Через полчаса я запер дверь на замок, закрыл ставни и тихими улицами выбрался к пригороду Кульджи. Еще через полчаса вместе с Эрса Юсуфходжаевым мы оседлали коней и покинули город.

* * *

Шестнадцатого августа 1922 г. я благополучно прибыл в Джаркент и лично доложил о проведенной операции. Мой доклад подтвердили синьцзянские власти: через несколько дней на улицах Кульджи и других городов провинции появились объявления на китайском, русском и уйгурском языках, обещающие 5000 китайских ланов за поимку Касымхана Мухамедова. Семь человек из отряда Сидорова были посланы в Джаркент с приказом выследить и уничтожить меня. Белогвардейские агенты опоздали. Я был уже далеко от границы.

Литературная обработка Эд. Арбенова

М. Морозов, Г. Ропский, О. Сидельников
ФРАНЦУЗСКИЙ ЮВЕЛИР
Из дневника следователя

Боевое содружество первых чекистов с работниками уголовного розыска и милиции в борьбе с антисоветским подпольем, происками иностранных разведок и разгулом уголовной преступности, сомкнувшейся с контрреволюцией, дало серьезные положительные результаты, в борьбе за становление и укрепление Советской власти в молодой Туркестанской республике.

Некоторые эпизоды, характеризующие это содружество, излагаются в форме дневника А. А. Крошкова – консультанта Ташкентского уголовного розыска.

...Через неделю начинается новый, 1925 г. Только что ушли побывавшие у меня в гостях Михаил Максимович Зинкин, нынешний начальник уголовного розыска города, и возмужавший, еще более раздавшийся в плечах Сережа Ескин, которого мы еще недавно называли, шутки ради и уважая его силу и отвагу, Сергеем Гавриловичем. Навестили своего учителя... Ескин, вернувшийся из командировки со станции Зима (там был задержан уголовник, совершивший преступление в Ташкенте), решил сделать мне приятное, привез небольшую елочку.

За самоваром вспоминали о многом. Да, после подавления осиповского мятежа, к концу девятнадцатого года, было ликвидировано множество банд. Розыскники к тому же помогали чекистам вылавливать наиболее активных участников мятежа.

Вспомнилось, как брали банду Мерехина. Он много раз мне в ночных кошмарах снился. Чудовище! С девятьсот девятого года по девятнадцатый его банда совершила шестьдесят убийств!

Сейчас и вспомнить о том времени страшно. Да разве только в Ташкенте царил разбойный разгул? А в Москве? Даже Ильич, ехавший в автомобиле, однажды подвергся нападению шайки отпетого бандита Кошелькова⁵. Кстати, этот факт В. И. Ленин использовал в своей блистательной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Я читал брошюру и горевал: ну почему я так поздно приобщился к политике? Отчего только на склоне лет открыл для себя философию и практику строительства будущего?

...Прощаясь, Ескин сказал:

– А помните, Сансаных, как вы ловко изобразили французского ювелира? Это когда мы банду Битюгова ликвидировали!

Зинкин и Ескин ушли, а я сел за свой дневник.

Да, дорогие читатели, это была отлично проведенная операция. И скажу без ложной скромности, я принимал в ней самое активное участие, причем малейшая ошибка могла стать роковой.

А было это так.

Угрозыску стало известно, что бандит Битюгов (кличка «Битюг») предложил официанту ресторана «Европа» купить слиток золота весом в двенадцать фунтов. Официант объяснил, что у него таких денег нет, но он знает одного маклера, недавно прибывшего с Кавказа. На другой день Битюгов и маклер встретились. Роль кавказского спекулянта с блеском сыграл... Самсон Артемьевич Аракелов. При виде огромного золотого слитка он пришел в экстаз, чмокал губами, цокал языком, восклицал «Вах-вах-вах!», вообще словно обезумел. А под конец заломил такие огромные проценты за «комиссию», что бандюга не выдержал, сунул «спикулю» наган под нос и прохрипел: «Бимбера хочешь схавать? Тоже мне эксплуататор нашелся. Дело говори, гад!»

«Маклер» мигом смекнул, к чему может привести неумная жадность. Согласились на три процента. И тут же «маклер» повел Битюгова к французскому ювелиру, проживающему в гостинице «Новая Россия». По дороге он рассказывал о французском богаче-ювелире (вроде знаменитого Картье), который, используя благоприятную конъюнктуру якобы еще в 1917 г., приехал прямо из Парижа в Ташкент скупать золото. Поскольку француз не говорит по-русски, он нанял переводчика из бывших дворян, платит ему большие деньги. Поэтому с французом можно не церемониться, содрать побольше деньжищ.

«А может, французского этого... Понимаешь?.. К ногтю его, а? – предложил бандит.

Аракелов потом рассказывал, что, услышав такое, он по-настоящему испугался. Чего доброго, кокнут ювелира! Еле-еле отговорил Битюгова от «мокрого» дела, объяснив, что француз фигура важная, да и где он держит свои капиталы – неизвестно.

Между прочим, этим самым французским ювелиром был ваш покорный слуга, уважаемый читатель, автор этих записок. Переводчиком при мне состоял товарищ Пюрик, юридический консультант Самаркандского уголовного розыска, старый опытный правовед, блестяще владеющий французским языком.

Приодели нас с Пюриком на французский манер. Достали даже перстни и галстучные булавки с огромными бриллиантами, надушили хорошими духами. Номер гостиничный обставили с парижским шиком. Бандюга, как увидел нас, пижонов французских, так и растаял от предвкушения наживы. Золотого слитка он, правда, с собой из предосторожности не принес, но дал точное описание: вес ровно двенадцать фунтов, девятношестой пробы. И заломил немислимую цену. Я через «переводчика» стал торговаться. Наконец,

⁵ Банда Кошелькова была ликвидирована МУРом в июне 1919 г.

сговорились. Но мсье Ориоль (то есть я, новоявленный «Картье») через переводчика сказал Битюгову:

– Мсье Битюгов, или как вас там... При первом же взгляде на вас я проникся глубочайшим к вам доверием. У вас такое симпатичное лицо, полное шарма (лицо у Битюгова было преотвратительное!). Но, к сожалению, в наше время развелось много мошенников. О! Я вовсе не подозреваю вас, мсье! Но ведь вас могли обмануть, подсунуть кусок меди!

Бандюга расхохотался.

– Передай этому лягушатнику, – приказал он переводчику, – что у меня самое настоящее золото. Лично в банке получил... Ха-ха-ха! Завтра принесу, пусть полюбуется.

Вот тут мы с Аракеловым едва не сплеховали. Пылкий Самсон Артемьевич воскликнул:

– Уж не из Русско-Азиатского банка, который был ограблен еще при Керенском?

Я тоже выказал себя нелучшим образом, издал возглас удивления. А ведь я, по сценарию, ни слова не понимаю, по-русски.

Бандит мигом выхватил наган. Еще секунда и пришлось бы нам худо. Но выручил коллега из Самарканда, «переводчик» Пюрик.

– Спрячьте, мсье, этот смертоубийственный предмет. Кто же не помнит знаменитого ограбления Русско-Азиатского банка на улице Ирджарской? Мой клиент – коммерсант, он имеет право быть в курсе дел, хотя ему совершенно безразлично, где продавец получил товар. И если слиток действительно с Ирджарской, то я поздравляю вас, мсье. Это была артистическая работа! В тот день как раз в меньшевистском совете милицейский деятель Арсеньев распространялся о своих делах на ниве... хм... криминалистики.

В этот момент ему и сообщили о... хм... экспроприации банка! Ха-ха-ха! Вы бы только посмотрели в тот момент на физиономию господина Арсеньева! Помереть со смеху можно было.

Бандит немного успокоился, спрятал наган. И все же спросил:

– А чего этот лягушатник zenки вытарашил? Он же ни бельмеса по-русски не мекает?

Пюрик «перевел» мне его вопрос.

Я тут же с жаром стал объяснять «переводчику» по-французски, что, услышав слово «банк», понял это слово и заинтересовался. Ибо банк он почти на всех языках будет – банк. А если слиток, как мне только что пояснил переводчик, банковский, то это и вовсе хорошо, больше гарантии.

– А ежели так, – ухмыльнулся бандит, – тогда и цена ему будет пожирнее. – И он взвинтил цену.

– Все же надо посмотреть, – уклончиво ответил «Картье».

Бандит вдруг вновь выхватил наган. Говорит «переводчику»:

– А ну, пусть твой лягушатник покажет свой французский документ. Я тоже хочу работать с гарантией.

Вот когда я с особой любовью вспомнил Фрица Яновича Цируля. Он настоял, чтобы мне «на всякий пожарный случай», как он выразился, изготовили «французский» паспорт.

Я вытащил его из кармана, но при этом сделал оскорбленное лицо и передал через «переводчика», что отказываюсь вести дальнейшие переговоры. Среди коммерсантов не принято совать под нос пистолеты и вообще подозревать в жульничестве.

– Пусть заткнется твой французиска, – окончательно успокоился Битюгов. – Он же не верит мне на слово? Хочет лично позырить на золотишко, хоть мое слово – Сеньки Битюга – дороже золота. Завтра утречком приволоку слиток.

Специальная опергруппа не спускала глаз с бандита – преступника опытного, хитрого, жестокого. Надо было проследить, где он прячет золотой слиток. Малейшая ошибка, неосторожность – и провал. И это опять-таки грозило мне с Аракеловым неприятностью. Мы были безоружны. Встретиться с бандитом невооруженными нам опять посоветовал Цируль. Удивительный человек! Как быстро он освоился в нашем деле. Ведь даже я, опытный криминалист, на всякий случай положил в задний карман брюк никелированный браунинг

фон Франка, который, как выяснилось после подавления мятежа, и покушался на Цируля, но во время обстрела сквера из крепости шрапнелью был убит наповал. Железный человек Фриц Янович. На него и в двадцатом году неизвестный совершил покушение, однако Цируль вместо дичи мгновенно превратился в охотника и уложил террориста. Опознать его не удалось: без документов, без особых примет. Наверное, какой-нибудь фанатик из осиповского отребья.

Однако я, кажется, отвлекся. Фриц Янович, превращая меня во «француза», вытащил у меня из кармана браунинг, а у Аракелова отобрал кольт.

– Вы же, господа, – смеется, – мирные спекулянты. Битюгов – бандит отчаянный.

Он глядел как в воду. Бандит, едва пожав руку «французскому ювелиру», бесцеремонно прошелся лапищами по пиджаку, брюкам, затем обыскал «маклера» Аракелова и даже «переводчика».

– На всякий случай, – пояснил он, ухмыляясь.

Итак, мы с Аракеловым и Пюриком сидели в шикарном номере гостиницы и ждали, что же произойдет дальше. Если бандит засек за собой «хвост», он, чего доброго, может ворваться к нам в номер и перестрелять нас, как куропаток. Ему все равно нечего терять!

Однако агенты провели операцию без сучка и задоринки. И было установлено: ночью Битюгов прокрался на кладбище и принялся копать землю возле склепа, в котором с 1916 г. покоился прах известного военного топографа полковника Петра Карловича Залесского.

Вскоре преступник отправился назад со свертком. Сверток не очень большой, но, по-видимому, тяжелый.

Рано утром, как было условлено, он показал «ювелиру» слиток золота высочайшей пробы. Тут мне пришлось разыграть французские восторги, восклицая: «Ой-ля-ля! Мон дье!» и прочие банальности.

Битюгова интересовала валюта: франки, доллары, фунты. Пришлось рассчитаться, как договорились. Тут же «французский ювелир» через «переводчика» предложил:

– Мсье Битюгов, будем откровенны. Вам нужна валюта, мне – золото. Если «переводчик» меня правильно информировал, вы позаимствовали этот слиток из банка. Я – оптовый покупатель и полагаю, что вы, мсье, не ограничились одним-разъединственным слитком. Не так ли? Не сэ па? Уступите мне и остальные. С одним условием: оптовая цена слиткам снижается на десять процентов.

– Ханыга! – прохрипел грабитель, довольно улыбаясь. Семь процентов скидки – и амба.

Короче говоря, сделка состоялась. Битюгов ночью отправился на кладбище, увлекся раскопкой клада. В это время из засады и выскочила оперативная группа. Бандит и ахнуть не успел, как оказался связанным, с кляпом во рту. На допросе он признался, что ограбил в семнадцатом году в Ташкенте Русско-Азиатский банк, во время налета убил кассира Кирсанова. Открыл он и своих сообщников, которые вскоре тоже были арестованы.

Удивительная загадка. Матерый преступник, наводивший ужас на жителей, угодив за решетку, превратился в презренного труса. Он добровольно признался, что еще в шестнадцатом году ограбил также Азово-Донской банк. Сознался во многих других преступлениях, стремясь во что бы то ни стало сохранить себе жизнь. Однако это его не спасло. Суд вынес суровый и справедливый приговор главарю и его банде.

А государственный банк пополнил свои сейфы двенадцатью золотыми слитками по двенадцать фунтов каждый!

Вспоминая эту операцию, всячески расхваливают мои воображаемые заслуги. Но если честно признаться, изображая «французского ювелира», трусил я отчаянно.

Выше я говорил, что работники уголовного розыска помогали чекистам вылавливать активных участников осиповского мятежа. Однако боевое содружество уголовного розыска с ТуркЧК началось значительно раньше, летом 1918 г., когда председателем ЧК стал большевик-ленинец Игнат Порфирьевич Фоменко, установивший тесный контакт с начальником Управления охраны Ташкента, старым большевиком, активным участником революции 1905 г. Фрицем Яновичем Цирулем.

Их тесный контакт помог пресечь подрывные действия американского и английского «дипломатов» Трэдуэлла и Маккартнея, майора британской «Секрет Интеллидженс Сервис» Бейли и других новоявленных «послов» и «представителей» иностранных государств, проводивших далеко не дипломатическую работу. Хорошо известно, что только посол Афганистана Аслам-хан прибыл в Ташкент без каких-либо тайных замыслов. Посещая ТуркЦИК, Совнарком, исполком Ташсовета, он стремился к установлению дружеских отношений с молодой Туркестанской республикой.

Работники уголовного розыска помогли противодействовать снабжению оружием и боеприпасами Туркестанской военной организации, на которую Маккартней и Бейли возлагали огромные надежды. Розыскники активно участвовали в операции по ликвидации этой контрреволюционной организации, аресте ее членов в Ташкенте и других городах.

Ликвидация кровавой банды Абрека, арест контрреволюционерки и уголовницы Муфельдт, операции по задержанию других преступников и бандитов, в ходе которых было пролито немало крови чекистов и розыскников, навсегда остались примером для работы будущих молодых чекистов.

Прибывший в командировку в Ташкент ленинградский чекист рассказал нам на совместном совещании с ТуркЧК, что еще 22 ноября 1917 г. по предложению товарища Держинского Советом Народных Комиссаров был назначен на должность начальника Управления охраны Петрограда Климент Ефремович Ворошилов. Эта должность тогда называлась «Комиссар Петрограда».

Феликсу Эдмундовичу Держинскому нравился этот луганский слесарь своим открытым характером, чистосердечностью, неизменной жизнерадостностью и удалью. Ф. Э. Держинский считал, что никто лучше него не справится с задачей по поддержанию спокойствия и порядка в городе. А после создания ВЧК 7(20) декабря 1917 г., когда ее штат не превышал двадцати человек и членам коллегии, в том числе и самому Феликсу Эдмундовичу, приходилось самим ходить на обыски и аресты, а также допрашивать арестованных, жизнь подсказала целесообразность использования сил и возможностей Управления охраны города.

Договорившись с К. Е. Ворошиловым о совместном размещении в доме, занимавшемся ранее петроградским градоначальником, Ф. Э. Держинский сказал ему:

– Вот и отлично. А я поставлю вопрос перед ЦК о вводе вас в состав ВЧК. Тогда контакт в работе ВЧК и органов охраны порядка будет закреплён и организационно.

«На следующий день, – заключил питерский чекист, – в кармане у Ворошилова лежало подписанное Держинским удостоверение ВЧК».

Фоменко и Цируль сами не знали тогда, в 1919 г., что они повторили действия Держинского и Ворошилова. Жизнь подтвердила правильность их решений о контакте и взаимодействии органов ВЧК и охраны порядка. Это было важно для революции.

История будет помнить, что работники уголовного розыска не жалели ни сил, ни жизни в ходе разгрома кровавого осиповского мятежа в январе 1919 г. А здание уголовного розыска на Шахрисабзской после военной крепости и, как тогда называли железнодорожные мастерские, рабочей крепости стало третьим бастионом, не сдавшимся мятежникам...

М. Адамович
ГДЕ-ТО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вскоре после захвата Польши глава польского эмигрантского правительства, эмигрировавшего в Лондон, генерал Сикорский огласил декларацию, содержащую требования против территориальной целостности Советского Союза. События развивались так, что стало ясно: государственные деятели США и Англии ведут двойную игру, стараясь использовать эмигрантское правительство в целях шантажа СССР.

Изменившаяся международная обстановка вынудила США и Великобританию заключить с СССР союз о совместной борьбе с фашистской Германией, а затем оказать давление на польское эмигрантское правительство Сикорского, чтобы оно предприняло шаги по урегулированию своих отношений с СССР.

В результате 30 июля 1941 г. в Лондоне состоялось подписание советско-польского соглашения, предусматривающего взаимную помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. Правительства СССР и Польши выражали согласие на создание воинских подразделений из числа солдат и офицеров польской армии, оказавшихся на территории нашей страны после разгрома Польши фашистской Германией.

Соглашение между Верховным главнокомандованием СССР и Верховным командованием Польши было заключено в Москве 14 августа 1941 г., по которому общая численность польской армии в СССР должна составить 30 тысяч человек, причем в соответствии с пожеланиями польской стороны, было признано целесообразным по мере подготовки ту или иную дивизию направлять на советско-германский фронт. С этой целью польским властям были предоставлены военные лагеря, дан беспроцентный заем.

В декабре 1941 г. генерал Сикорский посетил Советский Союз. В результате переговоров была подписана советско-польская декларация. Она намечала программу боевого сотрудничества СССР и Польши в борьбе с гитлеровской Германией. Советское правительство согласилось на увеличение контингента польской армии в СССР до 96 тысяч человек.

Польское эмигрантское правительство и генерал Андерс для ускорения подготовки просили перебросить войска на юг, в теплые края, и выбрали Среднюю Азию.

Армия генерала Андерса обосновалась «где-то в Средней Азии», как сообщалось тогда в газетах. Теперь можно назвать это «где-то». Войска Андерса были расквартированы под Ташкентом. Рядовой состав содержался на казарменном положении. Привилегированная верхушка войска, офицеры, близко стоящие к Андерсу, жили свободно, часто бывали в Ташкенте. Местом сбора стала гостиница «Националь», в которой жили некоторые гражданские лица польской национальности.

Советские среднеазиатские республики гостеприимно приняли миллионы эвакуированных советских людей и граждан других оккупированных стран.

В Ташкент эвакуировались многие заводы и фабрики. Здесь они снова входили в строй и работали для фронта, для победы.

Неудивительно, что столица социалистического Узбекистана привлекла к себе внимание вражеских разведок. В органы государственной безопасности все чаще стали поступать заявления от советских граждан, сообщавших о том, что некоторые военнослужащие армии Андерса ищут тех, кто может продать им золото, драгоценности, иностранную валюту. Поступали заявления от рабочих промышленных предприятий, что какие-то люди, судя по всему иностранцы, интересуются, что производят заводы, откуда поступает сырье и т. д. В итоге проверки было установлено, что излишнее любопытство проявляют военнослужащие армии Андерса, а также гражданские лица, связанные с офицерами штаба Польской армии.

В армии Андерса осело много небоеспособных элементов: бывшие полицейские, чиновники разных ведомств, дельцы, коммерсанты и даже артисты театров и ночных баров. Самого генерала окружала шляхетская аристократия вроде князя Сапеги, графа Тышкевича, графа Потоцкого и других. Здесь же находились и офицеры, враждебно настроенные против Советского Союза. В их среде были и офицеры 2-го отдела Польского генерального штаба, специализировавшиеся на подрывной разведывательной работе против нашей страны. Сам генерал, Владислав Андерс, также хорошо известен как ярый враг первого в мире социалистического государства. Это был помещик, ближайший друг и соратник Пилсудского, когда-то служивший в русской гвардии. В польскую армию он вступил, бежав из России после Великой Октябрьской социалистической революции. Верный сподвижник Пилсудского, маршала Рыдз-Смиглы и полковника Бека, Андерс в 1919 г. был прикомандирован к особой англо-французской миссии. Большую дружбу он завел с возглавляющим миссию французским генералом Вейганом, которому была поручена защита Варшавы в момент прихода Красной Армии после разгрома белополяков Пилсудского. В 1919–1920 гг. Андерс играл роль подстрекателя в организации военных авантюр Пилсудского против молодой Советской республики.

Итак, в тяжелый для нашей Родины момент многотысячная, разноликая армия, возглавляемая этим оголтелым врагом, оказалась на территории Советского Узбекистана. Было бы наивно полагать, что сотрудники 2-го отдела штаба не воспользуются благоприятной обстановкой для сбора различных конфиденциальных сведений, не попытаются использовать свое пребывание в Средней Азии для шпионажа. Необходимо также знать истинные цели генерала Андерса, тем более, что, несмотря на просьбы Советского правительства, воинские подразделения все еще «не были готовы» к сражению против гитлеровцев.

Перед органами государственной безопасности стояла задача парализовать действия польской разведки, выявить агентуру и постараться выяснить истинные намерения генерала Андерса.

Однажды на черном рынке в Ташкенте задержали польского гражданина Зигмунда Корецкого в момент, когда он покупал на большую сумму золотые монеты царской чеканки. Он – один из дельцов-валютчиков, которых в те годы в Ташкенте было немало. Они скупали золото, дорогие ковры, антикварные ценности. Были в этой разношерстной толпе и маклеры, и простые шулеры, занимавшиеся промыслом еще в Варшаве. Попадались среди спекулянтов солдаты и офицеры польской армии.

Корецкий числился музыкантом струнного оркестра. В Советский Союз он попал в сентябре 1939 г. в составе батальона, разгромленного гитлеровцами после начала военных действий на территории Польши. На следствии показал, что золотые монеты скупал не для себя, а по поручению полковника Михася Тронбицкого – офицера для поручений при штабе Андерса. За приобретение валюты Тронбицкий обещал Корецкому комиссионные.

Для советских органов безопасности представляли интерес показания Корецкого о том, что армия Андерса не намерена сражаться против гитлеровцев.

В кругах, близких к генералу Андерсу, распространилась версия, что армия будет выведена из пределов Советского Союза на Ближний Восток. Все, кто в какой-то мере знали об этом, старались запастись иностранной валютой, золотом, драгоценностями. Особенно

активно действовали люди, формально числившиеся в армии, – полицейские, аристократы, помещики.

Показания Корецкого подтвердили уже имевшиеся сведения об измене.

Среди польской интеллигенции, находившейся в то время в Ташкенте, обращала на себя внимание варшавская певица Нина Кульчицкая, проживавшая в гостинице «Националь».

Выступления известной польской артистки, исполнявшей арии из оперетт Кальмана, Легара, Штрауса, пользовались неизменным успехом у публики.

Кульчицкая всегда была окружена поклонниками, главным образом из числа офицеров Польской армии. Она гостеприимно встречала своих многочисленных ухажеров, веселилась, как будто кровопролитная война ее не касалась. На политические темы разговоров никогда не заводила.

Однажды гости засиделись допоздна и, несмотря на намеки хозяйки, что пора отправляться по домам, продолжали веселиться. После того, как многие захмелели, видимо, не желая поднимать шум, артистка постучалась в соседний номер, где, как она знала, проживала молодая вдова Софья Дальская, полька по происхождению, из Риги. До этого вечера соседки были мало знакомы и только вежливо раскланивались.

Кульчицкая рассказала Софье о сложившихся обстоятельствах и попросила разрешения отдохнуть у нее. С этого времени отношения между двумя женщинами стали приятельскими, хотя Софья была человеком другого склада. Она рассказала Нине, что из Риги эвакуировалась вместе с братом Тадеком, который живет в старом городе, снимает угол в частном доме. В Риге осталась мать с ее четырехлетней дочерью, а у Тадека – жена и двое детей.

Вскоре Софья познакомилась Кульчицкую со своим братом. Это был шатен среднего роста, немного располневший. Артистка обратила внимание, что он всегда безукоризненно одет, костюмы сшиты из английской шерсти, вещи, которые он носил, исключительно добротны и изящны. Как-то актриса сказала Тадеку, что, вероятно, ему приходилось бывать за границей. Он не отрицал этого. Тадек стал чаще заходить к сестре. Они посещали концерты, потом возвращались в гостиницу и проводили вечера вместе с гостями Кульчицкой. Постепенно брат и сестра вошли в круг обширных знакомых артистки. Кульчицкая сердилась, когда Тадек и Софья покидали ее до окончания пирушки, но они уходили, как только начинался разгул.

Как-то после очередного концерта в парке Дома Красной Армии за Кульчицкой увязался офицер Польской армии Франтишек Збавицкий. Это был варшавянин лет 27–28, довольно развязный, но элегантно одетый молодой человек. Шел с ними еще один поклонник таланта певицы – врач, некогда известный в Варшаве. Руки его украшали массивные золотые перстни с бриллиантами. Он уверенно подхватил под руку Кульчицкую, и второму поклоннику, Франтишеку, не оставалось ничего, как вести разговор с Тадеком и его сестрой. Они шли втроем и разговаривали. Тадек рассказал, что до Советской власти в Латвии он был приемщиком бекона от крупной английской фирмы. С приходом Советской власти и до эвакуации в Ташкент работал на Рижской скотобойне.

Так, беседуя, они дошли до гостиницы. Збавицкий попрощался с Тадеком и его сестрой как с хорошими, давними знакомыми.

Прошла неделя. Как-то вечером Тадек, зайдя к Софье, застал там Збавицкого. Тот смутился.

– Тадек, – обращаясь к брату, сказала Софья, – господин Збавицкий думал, что и ты здесь живешь. Он пришел к тебе.

– Спасибо, что зашли. У нас с сестрой мало знакомых в Ташкенте, и мы рады знакомству с вами. Не так ли, Софья?

– Конечно, конечно, – сказала сестра.

– Ну, раз так, закрепим нашу дружбу в ресторане. Я приглашаю вас в парк Дома Красной Армии. Поужинаем там и подождем нашу несравненную актрису.

Этот вечер еще больше сблизил Збавицкого и Тадека. Во время ужина новые знакомые рассказывали друг другу о своей жизни. Дальские вспоминали Ригу, Латвию, близких.

Збавицкий интересовался, чем они заняты теперь. Он рассказывал и о себе.

Отец Збавицкого служил в царской армии, а после Октября вернулся в Варшаву. Там его мобилизовали в Польскую армию. После демобилизации служил у генерала Рыдз-Смиглы оружейным мастером. Генерал часто выезжал с многочисленными друзьями на охоту. В ней участвовали дипломаты, сановники, иностранные гости. Збавицкий всегда сопровождал своего патрона. Во время одной из охот Рыдз-Смиглы, взбешенный двумя осечками, кинул в него ружье и перебил левую руку. Через несколько дней, когда генерал «поостыл», он пожалел о своем поступке, но рука была перебита. С тех пор генерал протезировал сыну оружейника. Когда Франтишека призвали в армию, он стал рядовым в одном из пехотных полков. Рыдз-Смиглы на кого-то нажал, и молодого Збавицкого направили в школу армейских писарей. После нападения гитлеровской армии на Польшу Збавицкий вместе с другими солдатами попал на территорию Советского Союза, где и был интернирован. При формировании армии Андерса один из близких адъютантов Рыдз-Смиглы, хорошо знавший старшего Збавицкого, пристроил его сына в канцелярию генерала.

– Теперь я работаю по законвертованию исходящей почты и передаче ее фельдъегерям, – самодовольно сказал Франтишек.

Каждая очередная встреча сближала Франтишека и Тадека, да и сестра его стала более внимательна и приветлива к новому знакомому. Встречи проходили иногда за бокалом вина, но чаще всего то были просто беседы на различные темы. Вспоминали прошлое, говорили о положении на фронтах, строили прогнозы. Франтишек много рассказывал о жизни армии Андерса, штабных новостях, сплетнях. Для него не было секретом, что многие сослуживцы, особенно занимающие высокие посты, стремятся запастись иностранной валютой, золотом, драгоценностями.

Как-то вечером Франтишек пришел в «Националь» к Софье. Там был Тадек, принесший ей часть своего продовольственного пайка. Мужчины были рады встрече.

Збавицкий откупорил принесенную бутылку портвейна, наполнил бокалы и несколько торжественно обратился к Тадеку.

– Господин Дальский! Сегодня я хочу с вами очень откровенно поговорить. На это я имею право, ибо считаю, что мы стали душевными друзьями. Вы, господин Дальский, поляк, хотя и очень плохо говорите на родном языке. Но в вас течет польская кровь. И это главное. Мы подружились, дружба наша стала прочной. Но мы ничего как поляки не сделали ради интересов Польши, поэтому сегодня я позволю себе попросить вас, чтобы вы не только как друг, но и как поляк помогли нам.

Франтишек достал пачку папирос и чиркнул спичку.

– Пожалуйста, пожалуйста, я слушаю вас, продолжайте, господин Збавицкий.

Франтишек глубоко затянулся и продолжал:

– Так вот, дело в том, господин Дальский, что мне нужна ваша помощь. В наших патриотических интересах мне в штабе генерала Андерса поручено собрать сведения о проживающих в Ташкенте гражданах польского происхождения. Вначале надо узнать фамилию, возраст, действительно ли поляк, кто он – рабочий или интеллигент. Главное – уточнить, где работает, какова специальность. Имея такие данные, надо с каждым познакомиться, выяснить его политические настроения, узнать, каково материальное положение. В дальнейшем я подскажу вам, что делать. Такие люди могут для нас представлять интерес.

– Для кого для вас? – непонимающе спросил Тадек.

На лице Франтишека появилось удивление.

– О, господин Дальский, как же вы не можете понять? Наш штаб, штаб генерала Андерса, очень интересуется таким контингентом. Ведь о нашем знакомстве я доложил шефу. Он будет рад познакомиться с вами лично.

Тадек не дал возможности продолжить разговор. Он извинился, что прерывает, встал из-за стола и заговорил:

– Такого разговора я никак не ожидал. Воздержимся пока обсуждать, какого сорта люди

вас интересуют. Я понял ваше предложение, ко прежде чем сказать да или нет, прошу ответить на мои вопросы. Из ваших же слов, господин Збавицкий, известно, что на спекулятивных сделках вы зарабатываете кое-какую мелочь. За то, что для своего начальства на советские деньги скупаете ценности, рискуя оказаться в советской тюрьме, получаете грошовые комиссионные. Я уверен, что вы немного получаете от вашего начальства за участие в той миссии, в которую намерены втянуть и меня. Из всего, что мне известно с ваших же слов, главное вам нужны деньги. Так вот, давайте разговаривать как деловые люди, а патриотизм, о котором вы мне сегодня говорили, тут ни при чем. Вам нужны деньги – это и может привести нас к реальному разговору и реальному решению.

– Мы, люди Запада, деловые люди и реальные политики, – продолжал Дальский. – Мы стоим близко друг к другу, хотя у нас с вами и разные шефы. Я тоже уполномочен переговорить с вами. Мои высокие инстанции интересуют состояние армии генерала Андерса. Они не удовлетворяются докладами из кабинетов Польского правительства в Лондоне и штаба генерала Андерса. Вам известно, что Польская армия скоро выедет из пределов Советского Союза на Ближний Восток. Я должен знать, кого больше в армии – левого элемента или сторонников политики Лондонского правительства. Нам надо знать, кто бунтует в армии Андерса. Таких вывозить не следует.

Збавицкий глубоко вздохнул. На лбу выступили капли пота. Он выглядел как побитый боксер.

– Я все понял, господин Дальский, – с ноткой покорности сказал Франтишек. – Но ваше предложение так неожиданно. Мне даже трудно собраться с мыслями. Дайте подумать.

– Думайте, думайте. Торопиться некуда. Ваше здоровье! – Тадек уже поднял бокал, в котором искрилось вино, но опустил его и снова заговорил:

– Я хочу сказать вам еще два слова. Скоро армия генерала Андерса уйдет на Ближний Восток. Я берусь обеспечить ваше личное благополучие, но при одном условии – если в наших делах вы будете благоразумны и правдивы. Вы должны прекратить операции на черном рынке в Ташкенте. Иначе можете угодить в руки советской прокуратуры. Если скажете «да», с сегодняшнего дня берем вас на пенсию.

Тадек жестом приветствовал Збавицкого, поднял свой бокал и залпом осушил его.

Збавицкий к вину не прикоснулся. Закусив, он взволнованно заговорил:

– Этот вечер для меня оказался весьма сложным. Вы, господин Дальский, очень убедительно доказали, что я действительно могу быть полезен и это не пойдет во вред польским интересам. Но дайте мне все же подумать.

– Ну, что ж, думайте, решайте. Надо все взвесить, а потом сказать «да» или «нет», – решительным тоном заявил Тадек.

Збавицкий задумался.

– Хочу еще вас предупредить. Вы сегодня начали мне рассказывать, что штаб генерала Андерса интересуется военной промышленностью Советского Союза. Этот участок деятельности моих патронов не интересует и в мою компетенцию не входит. Другое дело, если это будет частью вашей информации.

Тадек налил еще один бокал вина:

– Итак, дело за вами, господин Збавицкий.

Минуты две царил молчание. Затем Збавицкий поднял свой бокал и, обращаясь к Тадеку, сказал:

– Ваше доверие меня обязывает. Думаю, что и вы, господин Дальский, будете довольны, и я не буду в обиде. Я поднимаю бокал в знак принятия вашего предложения. За наши общие цели.

Они выпили. В этот вечер говорили еще о многом. Збавицкий подробно рассказывал о жизни в штабе армии Андерса. Прощаясь, Тадек просил Франтишека подготовить подробную информацию о чинах и рядовых, кто не хочет выезжать из Советского Союза или кого сам Андерс не захотел брать на Ближний Восток.

Они снова встретились через неделю. В номере опять никого не было. Софья вместе с

Кульчицкой ушла в цирк. У Тадека и Франтишека оказалось достаточно времени для разговоров. Франтишек успел подготовить подробную информацию о деятельности тех частей армии Андерса, которые были дислоцированы в Узбекистане. Страницы его конспекта были строго выдержаны в рамках требований Дальского.

На столе опять появилось вино. Тадек внимательно слушал Франтишека, который после двух бокалов стал развязнее и принялся потчевать своего друга рассказами из жизни штабных.

– Вы, конечно, не слышали о сенсационном происшествии с Казимиром Матуйским. Весь штаб переполошился. Дня три назад он пошел в баню. Да, да, в обыкновенную баню. Номер достать было невозможно, но Казимиру повезло. Один любезный господин пригласил его в свой номер. Однако минут через десять незнакомец покинул Матуйского, сказав банщику, что забыл выключить в квартире электроплитку и только сейчас вспомнил об этом. Через несколько минут Матуйский начал стучать в дверь – оказалось, исчезла вода. Банщик ответил: «Сейчас позову водопроводчика».

Через минуту он постучал, и Матуйский открыл дверь. К нему в номер зашли двое мужчин, как оказалось, сотрудники органов госбезопасности. Вода появилась, он смыл мыло, оделся и в их сопровождении уехал на автомобиле. Все это видел подпоручик Шипский, который специально был взят Матуйским для наблюдения на время встречи с агентами. Он-то думал, что, назначая встречу в бане, перехитрил советскую контрразведку, а оказывается, сам попал в ловушку. Немногие его у нас любили. Пить не умел, заносчив, хвастлив. Вот и нахвастался.

Збавицкий задумался. Видимо, история с Матуйским его не на шутку встревожила.

У Тадека скапливалось все больше и больше материалов об офицерах и рядовых, которые должны были остаться на территории Советского Союза после ухода армии Андерса. Как использовал эти материалы господин Дальский, Збавицкий не знал. Но ему это было безразлично. Кроме деловых отношений, которые установились теперь между ними, Франтишек нашел в Тадеке приятного собеседника, умеющего слушать. А поговорить он любил.

В один из вечеров Збавицкий пришел немного взволнованный. Тадек ни о чем его не расспрашивал. Он знал – о всех интересных событиях Франтишек расскажет сам. И действительно, после первого бокала Збавицкий с таинственным видом спросил:

– Вы, господин Дальский, конечно слышали фамилию Радзивиллов.

– О, конечно, древнейший род князей литовских. Какой поляк не знает!

– Мало того, господин Дальский. Старейший в этом княжеском роде Константин Карлович, аристократ до мозга костей, своими родственными связями близок к Савойскому дому и сановным кругам Великобритании. Вильгельм второй во время первой мировой войны прочил его короновать королем Литвы. Так вот, где вы думаете сейчас старейший Радзивилл?

– Не знаю. Вероятно в Англии или Франции.

– В Ташкенте! – выпалил Збавицкий.

– В Ташкенте? – с недоверием переспросил Дальский.

– Именно в Ташкенте. И где он служит? В зоопарке. – Франтишек самодовольно наблюдал, какое впечатление произвел на Дальского его рассказ.

Он выпил еще бокал и продолжал:

– Представьте, идет солдат по улице. И встречает на Пушкинской самого князя Радзивилла. Узнали друг друга. Солдат этот до войны служил у князя объездчиком в имении под Вильно. Солдат обрадовался, князь тоже. И пригласил солдата в какую-то каморку, где за стаканом чая поведал ему о своих злоключениях. В общем потоке эвакуированных из Литвы князь на открытой платформе доехал до Полоцка, а затем в эшелоне приехал в Ташкент. Когда он узнал от своего бывшего объездчика, что недалеко от Ташкента находится Польская армия, то написал генералу Андерсу короткую записку и просил передать, что переезжает на новую квартиру, более благоустроенную.

По возвращении в лагерь солдат доложил о встрече с князем дежурному офицеру штаба. Через несколько минут его вызвал к себе Андерс. В его роскошном кабинете собралось несколько старших офицеров. Солдат подробно доложил о встрече с Радзивиллом. Что было потом! После ухода солдата Андерс был вне себя – подумать только, его друг, старейший представитель аристократии – сторож в зоопарке! Было решено вывезти его в одном из эшелонов, который в ближайшее время отправлялся из Ташкента в Иран. Генерал вызвал к себе князя Сапегу, старого друга Радзивилла, и приказал ему вместе с офицерами второго отдела штаба разработать план вывоза князя. Сапега должен украсть Радзивилла у русских!

– Ну и бог с ним, – сказал Тадек. – Видимо, князь в записке Андерсу «расплакался» и попросился в Европу. Надо полагать, что у него в Европе родственников больше, чем у вас долларов.

Дней за десять до отправки эшелона, в котором Збавицкий должен был покинуть Советский Союз, он снова встретился с Дальским. Тадек получил очень важную информацию – копии списков рядового и начальствующего состава, которые под разными предложениями будут оставлены в Советском Союзе. В числе их был полковник артиллерии Берлинг, осужденный военным судом армии Андерса якобы за растрату казенных средств, а на самом деле – за либеральные убеждения. Берлинг открыто высказывал несогласие с политической линией польского правительства в Лондоне и действиями генерала Андерса. Он ратовал за участие Польской армии в борьбе с фашизмом на советско-германском фронте.

В конце встречи Тадек ради любопытства поинтересовался дальнейшей судьбой князя Радзивилла.

– О, это интересно, – воскликнул Франтишек. – Мне рассказывал поручик Розинский. Два дня он ходил в зоопарк, но никак не мог встретиться с князем. Тогда было решено, что к нему на квартиру под видом ташкентского знакомого отправится сам князь Сапега. Так и сделали. Сапега постучал в калитку. Открыла ему хозяйка-узбечка. Старый князь, узнав своего давнего друга, расстроился и прослезился. Он запер дверь, и часа два они беседовали. Видимо, тогда они и разработали план отправки Радзивилла в ближайшем эшелоне.

– Да, любопытно все это. Конечно, Радзивилл представляет для Андерса и не только для него большую ценность.

Збавицкий и Дальский тепло попрощались. Тадек сказал, что после выезда из пределов Советского Союза к Франтишеку придут его друзья, скажут пароль, и он сможет продолжать работу, которую начал здесь, в Ташкенте.

Через несколько дней Франтишек Збавицкий покинул Советский Союз. Что же касается князя Радзивилла, то, несмотря на хорошо разработанный сценарий, выехать он не сумел. А произошло вот что.

Именины удались на славу. Князь задумал spoить своих гостей – хозяйку и соседку, учительницу французского языка, чтобы на рассвете, когда должен был приехать на автомашине князь Сапега, он смог тихонько улизнуть из дома. Вечером неожиданно пришел брат хозяйки. Его тоже гостеприимно усадили за стол. Князь пил много, стараясь увлечь своим примером гостей. Видимо, считая, что ничего уже не может помешать реализации задуманного плана, полупьяный, он проговорился, что это последняя ночь в Ташкенте, а на рассвете за ним приедет Сапега.

Сапега действительно приехал. Его встретила хозяйка квартиры и провела в комнату князя. Тот спал непробудным сном. Когда Сапега с большим трудом разбудил Радзивилла, тот никак не мог понять, почему ему не дают выспаться. Он попробовал отыскать свои ботинки, брюки, сорочку, но ничего найти не смог. Рассерженный князь снова лег спать, заявив, что никуда не поедет, пока как следует не выспится. Сапега выругался по-польски. Потом извинился перед хозяйкой и учительницей и, хлопнув дверью, ушел. А князь продолжал храпеть.

Эшелоны с войсками генерала Андерса один за другим покидали Среднюю Азию. Они

устремилась на Ближний Восток, а князь Радзивилл остался и жил в Ташкенте. Враждебной деятельностью он не занимался.

Таким образом, группа чекистов выполнила поставленную перед ней задачу. Большое число патриотически настроенных польских военнослужащих не уехали вместе с генералом Андерсом, а остались на территории Советского Союза. Впоследствии они вошли в состав сформированной здесь армии польского народа.

Г. Ропский ПАДЕНИЕ

– Я думаю, мадам, что рюши подойдут лучше, чем оборки. От них вниз пойдет планка для застежек и у талии мягко скроется под задуманной плиссировкой... Это лучше, я бы сказал, выгодней очертит вашу фигуру...

– Да, кажется, вы правы. Прошлый раз я послушалась вашего совета, и всем друзьям понравилось мое новое платье...

Так или вроде этого проходила беседа между известным в Ташкенте дамским портным Гургеном Амаяковичем Абрамяном и его очередной заказчицей.

...Шел декабрь 1941 г. Приток эвакуированных в Ташкент не уменьшался. Трудно было с жильем. Сердечная доброта, чистота души местных жителей спасли тысячи и тысячи женщин, детей, стариков... Поступали десятки эвакуированных из западных областей страны предприятий, их надо было принять, построить цеха, смонтировать оборудование, пустить в ход, разместить и создать минимальные условия для рабочих, инженеров, пополнить кадры для быстрого выпуска промышленной продукции, необходимой фронту, стране...

Город, республика, как и вся наша Родина, жили в одном напряженном трудовом ритме – все для фронта, все для победы!

При этом, однако, в городе появилась публика, думающая только о личном благополучии, удовольствиях, развлечениях, наслаждениях. Среди эвакуированных оказалось немало дельцов, просто темных личностей и уголовных преступников, особенно из числа жителей недавно присоединенных западных областей Украины, Белоруссии, прибалтийских республик. Были среди этой категории лиц также и представители наживы, которая, к сожалению, еще осталась среди жителей наших городов, лиц, привыкших к легкой жизни за счет нетрудовых «доходов».

И для некоторых женщин из этого конгломерата находкой оказался дамский портной, проживающий на Стрелковой улице, в третьем доме от угла, если свернуть с улицы Тараса Шевченко.

Известно, что мужчины из числа дамских портных обычно шьют женщинам только

верхнюю одежду – пальто, плащи, иногда костюмы. Платья шьют мастерицы-женщины.

Абрамян был одним из тех портных, которые не смущали заказчиц примерками, был всегда подчеркнута вежлив и спокоен. Всех клиенток он внимательно выслушивал, быстро улавливал их вкус, подлаживался под их оценки и настроения, не навязывал свои предложения и всегда называл каждую из них доверительно-учтиво «мадам».

Вот почему уже много лет все заказчицы называли его не по имени и фамилии, а дружески-покровительно «мадам Гриша».

В конце 1941 г. на улицах Ташкента все чаще стали появляться франтовато одетые в хорошо подогнанную форму польские офицеры со своими дамами. К ним быстро привыкли.

Эти войска под командованием генерала Андерса были расквартированы под Ташкентом. Рядовой состав содержался на казарменном положении. Зато привилегированная верхушка войска, офицеры, близко стоявшие к Андерсу, и офицеры «Польской двойки»⁶ были завсегдатаями Ташкента. Этими же привилегиями пользовалась шляхетская аристократия, бывшие пилсудчики, жандармы, чиновники, враждебно настроенные против Советского Союза, а также коммерсанты и спекулянты, старавшиеся нащупать в Ташкенте всякого рода дельцов и валютчиков в собственных интересах.

Они находили таких типов, особенно среди отдельных личностей из числа эвакуированных, доставивших сюда золото и драгоценности, нажитые нечестным путем.

...Одной из первых в качестве заказчиц Абрамяна стала посещать известная варшавская певица Нина Кульчицкая, проживавшая в гостинице «Националь» и пользовавшаяся неизменным успехом у публики. Сшитое им для новой программы Кульчицкой концертное платье привлекло всеобщее внимание польских дам. Они хлынули к «мадам Грише» одна за другой. Как и пани Кульчицкую, их сопровождали поклонники, офицеры армии Андерса, среди которых оказались и офицеры пресловутой «двойки»...

...Квартиру Абрамяна вскоре стали посещать не только дамы-заказчицы, но и польские офицеры без дам. Правда, офицеры почему-то оказывались одетыми не в щегольские мундиры, а в обыкновенную одежду граждан среднего достатка. Причем это были не строевые офицеры, а чины второго отдела штаба Андерса.

Вскоре за крупное вознаграждение поручик Войтек Лещинский, отлично владевший русским языком, уговорил Абрамяна разрешить ему и капитану Яну Вержбицкому тайно встречаться в его доме с интересующими их людьми. «Во имя победы над врагом, во имя свободной Польши...»

Дом Абрамяна, состоявший из трех комнат, обширной передней, кухни с комнаткой «для домработницы» и террасы в сторону двора, устраивал офицеров «двойки». Войти можно было с улицы, через парадную дверь и небольшое крылечко, а уходить – через садик и проходной двор на соседнюю Чимкентскую улицу.

Однако не во имя «победы над врагом свободной Польши» происходили эти встречи. Офицеры «двойки» собирали шпионские сведения в интересах врагов Польши и Советского Союза. Они интересовались заводами, фабриками, выпускаемой ими оборонной продукцией, военными учреждениями, расположенными в Ташкенте, передвижением войск. Словом, дом на улице Стрелковой стал местом конспиративных встреч.

Гурген Абрамян до этого жил спокойно. Когда-то у него была жена, тихая скромная женщина. Она мечтала о детях, но их не хотел глава семьи. Она умерла за несколько лет до войны. А перед самой войной умерла ее мать, жившая с зятем в качестве поварихи и уборщицы.

Соседке, которая ухаживала за ней при молчаливом безразличии зятя к судьбе тещи, она говорила: «Это очень жадный человек. Он свел в могилу мою единственную дочь... Мучил всю жизнь, лишнего куска не позволял съесть, за каждую копейку взыскивал».

Эта жадность и привела его в руки офицеров польской «двойки». На службе у них он

⁶ Так называли Второй отдел польского генерального штаба, осуществлявшего подрывные, разведывательные и контрразведывательные функции против нашей страны (авт.) .

проявил себя надежным конспиратором, верным исполнителем их воли...

Уже к весне 1942 г. среди офицеров армии Андерса распространились сведения о том, что эмигрантское правительство в Лондоне приняло предательское решение отказаться от борьбы с фашизмом на советско-германском фронте и вывести армию Андерса из Советского Союза на Ближний Восток в распоряжение британского командования.

А затем один за другим стали уходить из СССР в Иран и дальше эшелоны с польскими войсками...

Перед уходом одного из последних эшелонов произошло событие, которое никто и не подумал связать с выводом армии Андерса за пределы СССР.

А было это так. Две заказчицы Абрамяна в течение трех дней не могли застать его дома. Небывалое событие! Он всегда точно в назначенное время был, причем не было случая, чтобы он, ссылаясь на какие-нибудь дела, не выполнил в срок ту или иную работу.

– Что могло случиться с портным? Ума не приложу! – поделилась одна заказчица с другой.

– Очень странно! – ответила та. – Может быть, он заболел?

Спросили у соседей. Те не могли сказать ничего определенного.

Одна из заказчиц обратилась в 14-е отделение милиции. На место был направлен дежурный наряд. Дверь с улицы оказалась запертой на ключ. Дверь на террасу закрыта на внутренний крючок. Однако соседнее с ней окно было просто прикрыто.

Оперуполномоченный уголовного розыска Сидоров влез в квартиру через окно, открыл дверь, выходящую на террасу.

Страшная картина раскрылась перед работниками милиции. Абрамян был мертв. Смерть наступила в результате удушения, однако его, по-видимому, предварительно пытали, стремясь выяснить, где он хранит свое богатство.

Лицо погибшего было изуродовано до неузнаваемости.

Кругом лежали разбросанные вещи. У кухонной плиты справа была поднята доска и сделан небольшой подкоп под плиту, откуда, вероятно, и были извлечены спрятанные хозяином ценности. Это подтверждалось обнаруженной на полу, рядом с доской, золотой пятирублевой монетой...

Преступники унесли все столовое серебро, а также отрезки, оставленные заказчицами.

Явная картина ограбления с убийством.

Экспертиза дала заключение, что смерть Абрамяна наступила за трое или четверо суток до обнаружения трупа. Началось следствие.

Прошло четыре года. Много версий было отработано для раскрытия этого преступления. Проверяли возможных убийц. Арестованных по другим делам допрашивали с учетом возможной их причастности к делу Абрамяна.

Оно переходило из года в год в числе «нераскрытых убийств прошлых лет». Нет, к нему не привыкли, о нем думали, над ним работали. В уголовном розыске дела по раскрытию тяжких преступлений не предаются забвению.

Наступил 1946 г. Звонок по телефону начальнику уголовного розыска республики полковнику Туманову.

Звонят из первой горбольницы. Врач кардиологического отделения Хамидов.

– Товарищ полковник, такое дело. Пришлите, пожалуйста, кого-либо из вдумчивых работников. Здесь расскажем.

– Хорошо, товарищ Хамидов. Пришлем. Через полчаса будет у вас.

«Вдумчивого, так вдумчивого. У нас все мыслящие! Что там у них случилось?» – подумал Туманов.

– Александр Александрович, – сказал он опытному работнику уголовного розыска, – как раз вы подходите! Просят мыслящего работника! А ваша фамилия Разумный! Вам и карты в руки. Садитесь на троллейбус, съездите на Искиджува, найдите в первой горбольнице врача Хамидова и выясните, что ему нужно. Действуйте!

Хамидов оказался молодым, красивым, интеллигентным человеком.

«Да, не одна девушка мечтает о таком», – подумалось Разумному. Но он рассердился на себя за посторонние мысли на работе и последовал за врачом в кабинет заведующего кардиологическим отделением. Им оказалась хотя и не очень молодая, но красивая женщина по фамилии Хайдарова.

«У них все красивые, – подумал Разумный, и опять рассердился на себя. – Что за мысли лезут мне в голову? Разумный ли я?»

– Понимаете, товарищ! – сказала Хайдарова. – Такая ситуация! Четыре дня назад к нам поступил больной Юзеф Якубович. Инфаркт миокарда... Болезнь серьезная, требует покоя, физического и нравственного. Мы боремся, делаем все... А он волнуется, твердит одно: «Вызовите уголовный розыск... Мне надо заявить...» Мы говорим: «Невозможно, вам волноваться нельзя!» А он: «Вызовите уголовный розыск, тогда перестану волноваться!»

Она помолчала, поправила белую шапочку на голове и продолжила:

– Посоветовались с профессором Бахадыровым. Он сказал: «Медицина должна делать все, чтобы больной был спокоен, создать обстановку, способствующую лечению и выздоровлению его». Вот мы и решили пригласить вас.

– Что известно о больном?

– Юзеф Янович Якубович, 1897 г. рождения, слесарь автобазы, уроженец Белоруссии, поляк, – рассказывала она, поглядывая в историю болезни.

– Я готов, – сказал Разумный. – Думаю, что в беседе следует принять участие и вам, доктор Хамидов, с учетом того, что вам придется засвидетельствовать состояние больного: в твердой памяти, здравом рассудке и т. д. Ведь мы не знаем, о чем он хочет нам заявить.

На небритом сухощавом лице больного засверкали глаза, когда врач объявил, что по его требованию прибыл работник уголовного розыска.

– Здравствуйте. Я готов выслушать вас если это не будет для вас чрезмерно затруднительным, – сказал Разумный, сядя на подставленный ему стул. Он приготовил бумагу и авторучку.

Больной закрыл глаза. Через несколько секунд открыл и произнес:

– Спасибо, что пришли. Слава божьей матери, что привела вас сюда. Хочу рассказать о себе, моих прегрешениях. И о врагах, которые еще топчут вашу землю. Вашу и мою.

Он замолк, судорожно глотнул и продолжал:

– Нет, доктор, не волнуйтесь, я буду спокоен. Так вот, я родился в Западной Белоруссии. Окончил русскую школу. Отец был труженик, честный человек. А потом мы попали под иго диктатуры Пилсудского. Я был призван в армию, участвовал в развязанной им против Советской России войне. Потом демобилизовался. Семья бедствовала. Отец горевал, что мы оказались под властью шляхтичей. «Пся крев», – отзывался он о пилсудчиках. Ну что говорить о том тяжелом времени. Потом, в 1939 г., немцы напали на Польшу. Наш городок бомбили. Жену убило. Отец с матерью умерли еще раньше.

– Пожалуйста, расскажите о главном. Не утруждайте себя тяжелыми воспоминаниями.

– Вот к главному я и подошел. К началу нападения Германии на СССР я работал на лесоразработках на трелевочном тракторе. А потом мне сказали: ты поляк, можешь поступить в армию Андерса, будешь воевать против немцев. И я пошел. Служил шофером при штабе армии Андерса. Возил капитана Вержбицкого и поручика Лещинского из Янгиюля в Ташкент. Чаще всего они были в штатской одежде. Ожидал я их в условленном месте. Почему в такой одежде, я не знал, А потом понял, когда, по их приказанию, носил в домик на Стрелковой пакеты с подношениями. Там были продукты, которые подбрасывали нам союзники. В таких случаях я тоже одевался в штатское...

Он помолчал.

– Знаете, что было в том домике? Там офицеры встречались со «своими людьми». Зачем им нужны были эти люди, я не понимал. Ведь мы с советскими – союзники! Потом понял. Понял, когда узнал, что воевать рядом с русскими мы не будем, а уедем к англичанам на Ближний Восток.

Он замолчал. На этот раз закрыл глаза и молчал несколько минут. Разумный

вопросительно посмотрел на врача, но больной заговорил опять:

– А мне не хотелось уезжать из Советского Союза. Я хотел воевать против фашистов. Один раз пан капитан сказал мне, что вечером я повезу в Ташкент хорунжего Михальского и подхорунжего Плашкевича. Все должны быть в штатском. Буду ждать их, где укажут, хоть до утра, если будет нужно. А потом должен привезти их в целостности и сохранности. Вот я и повез их глубокой ночью. Михальский успел подвыпить, он это любил. И тогда начинал болтать обо всем, что приходило в голову.

С того самого момента, как больной Якубович произнес слова «домик на Стрелковой», Разумный насторожился и старался не пропустить ни одного слова заявителя, ни одной интонации в его голосе. Он-то знал, что уже пошел пятый год с момента нераскрытого убийства портного на Стрелковой!

– И вот я уловил слова Михальского: «значит, «отмадамился» наш друг! Вечная ему память! Вещички нам пригодятся, а золото придется отдать пану капитану». И я понял, что произошло преступление, соучастником которого невольно стал и я.

– Может быть, закончим беседу, – сказал врач. – Вы устали, больной.

– Нет-нет, я еще не рассказал самого главного! – быстро ответил тот. – Так вот, через два дня у меня резко повысилась температура. Пан доктор сказал: в больницу, в инфекционную больницу! У меня оказался сыпной тиф. Был между жизнью и смертью полтора месяца. Потом меня выписали. Узнал, что последние эшелоны армии Андерса уже ушли. Обрадовался. Хотел вступить в Красную Армию. Не взяли. Сказали: иностранный подданный. Потом хотел поступить в польскую дивизию имени Костюшко – сломал ногу, не взяли. Устроился на работу, получил жилье. Добился советского паспорта. Все хотел пойти заявить о Михальском. Но кого и где будут искать? А потом...

– Что потом? – спросил Разумный.

– Пять дней назад, вечером, возвращаясь с работы, я встретил... Михальского! Самого Михальского! Он меня не узнал, наверное, решил, что тиф меня скосил. Я-то его никогда не забуду. И его шрама на правом виске. Я сперва ошалел, потом проводил его. Вошел он в дом номер 14 по Первому Кафановскому переулку...

Разумный быстро записывал.

– Я понял, что надо срочно заявить о Михальском в уголовный розыск. Побежал... И больше ничего не помню. Очнулся здесь. Мне объяснили: подвело сердце.

Разумный проникся доверием к словам Якубовича. Он знал, что после предательской акции польского эмигрантского правительства находившиеся в СССР польские коммунисты и простые поляки, движимые чувством патриотического и интернационального долга, объединились в «Союз польских патриотов» и с разрешения Советского правительства создали 1-ю польскую пехотную дивизию имени Тадеуша Костюшко, а также другие польские соединения, что позволило к весне 1944 г. создать из них 1-ю польскую армию в СССР, которая бок о бок с Красной Армией громила гитлеровские войска и участвовала в освобождении Польши от фашистских захватчиков.

Выслушав обстоятельный доклад Разумного, полковник Туманов сразу пошел к заместителю министра. Созвонившись от него по телефону с соответствующим отделом МГБ республики, Александр Алексеевич поехал туда, захватив с собой «Дело об убийстве с ограблением Абрамяна Гургена Амаяковича».

– Мы осведомлены о Михальском..., – сказали ему. – Ныне он живет под фамилией Белецкого. Оставлен польским агентом в СССР с разведывательным заданием в числе лиц, «непригодных для дальнейшей службы в армии», по мотивам, конечно, несоответствия их политических убеждений антисоветским устремлениям верхушки армии Андерса... Каналы его связей с иностранной разведкой находятся в наших руках. Мы используем их для дезинформации противника.

– Наконец-то на пятом году упорного труда дело об убийстве Абрамяна раскрыто.

– Да. Это почерк польской агентуры. Коварство, алчность, жестокость – это их стиль. Абрамян много знал, видел польских агентов, которые остались на нашей земле. Его решили

убрать, а заодно и ограбить, чтобы пожить золотишком. С учетом этих материалов, думается, скоро приступим к реализации дела на Михальского. Дальнейшее его пребывание на свободе уже нецелесообразно.

И все-таки дело на этом не закончилось.

Еще в 1942 г., вскоре после убийства Абрамяна, было установлено: в сберкассе по улице К. Маркса имеется вклад на его имя на сумму девятнадцать тысяч рублей. Решение судьбы этого вклада отложили до раскрытия убийства.

В связи с передачей всех материалов в органы госбезопасности было решено проверить состояние вклада. Оказалось, что все деньги... получены вкладчиком вскоре после окончания войны в 1945 г. Экспертиза установила: подпись получателя поддельна.

Контролер сберкассы Матвеева и кассир Фокина в ходе первой же беседы с ними признались, что вклад получен ими, подпись на расходном ордере учинила Матвеева.

Обе пояснили: обнаружив, что по вкладу Абрамяна Гургена Амаяковича более трех лет никаких операций не проводилось, они решили выяснить, что с вкладчиком. Посетив адрес, указанный в лицевом счете, выяснили, что Абрамян убит еще в 1942 г. и наследников у него нет. Тогда-то они решили получить и присвоить числившиеся по лицевому счету девятнадцать тысяч рублей и соответствующие проценты...

Виновные понесли наказание по закону.

* * *

Заместитель Наркома внутренних дел республики, комиссар милиции И. И. Дементьев, как всегда, открыл дверь своего кабинета намного раньше начала рабочего дня. Здесь, на улице Лахути, 23, размещались управление милиции Узбекской ССР, уголовный розыск, отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, отдел наружной службы. Здесь же находилось и городское управление милиции Ташкента.

«Люди работают день и ночь, не жалеют ни сил своих, ни жизни. Я ушел поздно и пришел рано, но все-таки дома побывал. А многие оперработники еще на операциях. Домой никто не звонил, значит, ЧП не было. Посмотрим, посмотрим...»

Шел сентябрь 1944 г. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов громили немецких фашистов на территории Румынии и Болгарии, войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов гнали гитлеровцев с территории Польши, войска Прибалтийских и Ленинградского фронтов освобождали Эстонию, Латвию и Литву.

Свой вклад в дело Победы вносил и Узбекистан. Продовольствие, боеприпасы, одежда, сырье бесперебойно поступали на фронт и для нужд оборонной промышленности страны... Был налажен выпуск самолетов и авиамоторов. А хлопок? Страна получала это стратегическое сырье в объеме, полностью удовлетворяющем потребности фронта...

Дементьев снял трубку зазвонившего телефона.

– Товарищ комиссар, вы уже у себя?

– А вы что, сомневались? Ну, рассказывайте, как прошла операция?

– Все в порядке, – докладывал Туманов, начальник уголовного розыска республики. – Взяли главаря банды Салима Алимова и его ближайших помощников – братьев Завалко. Все три убийства, в том числе председателя колхоза в Орджоникидзевском районе, можно считать раскрытыми. Ценности найдены и изъяты. Они хранились у сестры главаря – Ханифы Алимовой в поселке Луначарском.

– Молодцы. Спасибо. Обошлись без потерь?

– Все благополучно!

– Сколько же теперь проходит по делу?

– Вместе с Алимовым, его сестрой и двумя Завалко – тридцать два человека. Они совершили более восьмидесяти преступлений, в том числе ограбление швейного цеха в районе Узбумкомбината и убийство сторожа Атахановой.

– Надо быстрее заканчивать расследование. Отдохните и заходите ко мне.

Иван Иванович положил трубку.

Он посмотрел на часы. «Скоро начнутся звонки, пойдут текущие дела. В одиннадцать заседание бюро горкома партии. В числе других вопросов будут заслушаны доклады о мерах по укреплению общественного порядка в районе завода «Сельмаш», где за последнее время участились квартирные кражи. Достанется. Спросят: почему не пришли? Вернусь, в лучшем случае, после двенадцати. К этому времени уже поступит почта».

Мысли, мысли... В Ташкенте перед войной проживало 536 тыс. человек, а к лету 1942 г. население города превысило миллион! Это за счет притока огромного числа эвакуированных из временно занятой врагом территории, в том числе западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики. Вместе с ними сюда проникал и уголовный, деклассированный элемент из стран Европы. Попадались даже «птенцы Керенского» – преступники с дореволюционным стажем.

Дементьев вздохнул.

Взять хотя бы пойманного в 1942 г. рецидивиста Графа Адольфа Эрнестовича, 1881 г. рождения, известного еще в царские времена под уголовной кличкой «Лимончик». К моменту освобождения из петроградской тюрьмы «Кресты» в начале октября 1917 г. он отбыл там пятый срок наказания по судебному приговору за грабеж. До 1940 г. орудовал в Прибалтике, где неоднократно привлекался к ответственности. Большое счастье, что в Ташкенте обезвредили его сравнительно быстро.

Или арестованный в 1943 г. крупный вор-гастролер по кличке «Беня Крик» в возрасте 58 лет. Его родной брат – Винницкий, известный в 1918–1920 гг. одесский бандит по кличке «Мишка Япончик». Винницкого расстреляли за бандитизм. В беседе с работниками уголовного розыска «Беня Крик» признался, что в воровском мире – с 15-летнего возраста. Он назвал астрономическую цифру краж, совершенных им более чем в 100 городах страны.

Ничем от них не отличался и злобный грабитель и убийца «Лорд», он же «Мерседес», прозванный так за дорогостоящий личный гардероб и стремительность вооруженных налетов. В буржуазной Латвии полиция терпимо относилась к нему, а в панской Польше вообще вел себя, как дома, легко откупаясь от всех чинов. Там он имел даже вооруженную до зубов охрану. В Ташкенте совершил несколько налетов, но был пойман и обезврежен...

Наплыв уголовщины – вот в чем одна из причин преступности. Надо действовать. Надо сделать все, чтобы обеспечить людям возможность спокойно трудиться во имя победы над врагом. Это главное.

...После 12 часов комиссар вернулся из горкома. На столе лежала объемистая папка с почтой.

Раскрыв папку, Дементьев начал изучать документы. Просят сообщить, что нового по делу об убийстве в Ташкенте портного Мадам Гриши. Запрашивает Москва. Стоит подпись комиссара милиции Овчинникова. Преступление еще не раскрыто, но все говорит о том, что убийство совершено с целью ограбления. В другом документе сообщают об аресте за грабежи некоего Свиридова, ранее проживавшего в Ташкенте. Просят сообщить, не значатся ли за ним противоправные действия. Подпись начальника уголовного розыска Свердловска полковника Ташлакова. Баку сообщает, что обнаружен выданный в Ташкенте паспорт, по которому проживает другое лицо. И все – в таком же духе.

Среди множества документов оказался запрос и другого рода. Он поступил из Управления контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам» – так называлась в годы войны наша военная контрразведка) Московского гарнизона, подписан генерал-лейтенантом. Документ уже побывал у наркома внутренних дел республики, о чем свидетельствовала размашистая резолюция.

Дементьев внимательно прочел обе страницы, отложил в сторону. Снял телефонную трубку. Вместо А. А. Туманова ответил дежурный по отделу лейтенант А. Рыскиев, доложивший, что начальник будет в два часа.

– Пусть сразу зайдет ко мне, – сказал комиссар.

Отдав почту секретарю, он вновь перечитал московский документ и сделал несколько

пометок в блокноте, куда заносил самые важные дела, взятые под личный контроль...

– По вашему приказанию прибыл, – сказал вошедший в кабинет полковник Туманов, крепыш среднего роста, с молодежьим лицом и густой сединой в волосах. – Вас, вероятно, интересуют детали ночной операции?

– Конечно, Александр Алексеевич! Но об этом потом. Поступил очень важный документ, требующий пристального внимания и срочного исполнения. Садитесь. Фамилия Серков вам о чем-нибудь говорит?

– Серков, Серков..., – стал припоминать Туманов.

– На такую фамилию у нас, по-моему, есть розыскное дело. Кажется, оно возникло еще в довоенное время. Тогда я служил в Москве.

– А кто, конкретно, занимался этим делом?

– Занимались мы, кажется, Разумный и Якубов. Впрочем, сейчас...

Оба сотрудника быстро прибыли в кабинет заместителя наркома. Они сообщили, что в конце 1939 г. в Ташкенте ликвидирована крупная шайка воров-гастролеров, совершавшая кражи во многих городах страны. Большинство краденых вещей преступники доставляли в Ташкент, где за полцены сбывали заведующему небольшим комиссионным магазином на Алайском рынке Серкову. Арестовать его не удалось. Буквально за полчаса до прибытия оперработников в магазин Серков скрылся, не заходя домой. Был кем-то предупрежден.

Как оказалось, жил он у одинокой старушки, имел скромную обстановку – кровать, тумбочку, несколько табуреток. Вел себя спокойно, жил тихо, никто к нему не приходил. При обыске в комнате ничего интересного не обнаружили. Был найден только паспорт на имя Серкова Николая Петровича. Однако, как выяснилось, этот паспорт принадлежал другому человеку.

Нашли настоящего Серкова, который утерял паспорт в нетрезвом состоянии. Экспертиза установила, что печать и рельефный оттиск на фотографии преступника, приклеенной в паспорт взамен снимка его владельца, были искусно подделаны...

– А какова подлинная фамилия преступника? – спросил А. А. Дементьев.

– До сих пор не установлена, – потупился Разумный. – Началась война, и...

– Эх, Александр, вы даже не представляете, кого упустили! Этот мнимый Серков оказался крупным государственным преступником!

Разумный и Якубов переглянулись, будто сговорившись, опустили глаза.

– Да, именно так! Бежав из Ташкента, он устроился заведующим нефтескладом в Аягузском районе Семипалатинской области, где, похитив крупную сумму денег, тоже скрылся. Перед самой войной объявился в Воронеже в роли следователя городской прокуратуры. В обоих случаях, как и в Ташкенте, пользовался фальшивыми документами. Как теперь стало известно, с 1933 г. под фамилиями Шило, Гаврина, Серкова он колесил по Украине, Башкирии, Казахстану. Как видите, заглянул и в Ташкент.

Далее Дементьев изложил основную суть московского документа.

В первых числах сентября ночью у высохшего лесного болота в Смоленской области приземлился немецкий транспортный самолет типа «Арадо». При посадке он повредил крыло и взлететь не мог. Там его и нашли на рассвете. Ни в самолете, ни поблизости никого не оказалось. Экипаж и пассажиры скрылись. Только специальный трап да следы резиновых шин указывали, что с самолета после посадки сошел мотоцикл с коляской. В Смоленской и всех смежных областях был организован активный розыск, особенно в московском направлении. В срочном порядке созданы опергруппы во главе с опытными работниками органов госбезопасности, милиции, офицерами местных гарнизонов. В окрестностях Ржева розыскная опергруппа обратила внимание на мотоцикл с коляской марки М-72, которым управлял некий майор. В коляске сидела женщина в форме младшего лейтенанта медицинской службы. Оба предъявили удостоверения личности и отпускные билеты. Никаких сомнений документы не вызывали. В отпускном билете майора указывалось, что Герой Советского Союза Политов следует после излечения от тяжелого ранения в сопровождении своей жены, военного фельдшера Шиловой, в отпуск в Подмоскowie. Золотая

Звезда и боевые ордена указывали на его заслуги перед Родиной.

Иван Иванович умолк, пододвинул к себе графин, налил в стакан воды, сделал глоток и продолжил:

– Возглавлявший опергруппу капитан Терентьев из отдела контрразведки «Смерш» не удовлетворился этими данными. Он знал, что с немецкого самолета сошел мотоцикл советской марки М-72 и что при опросе местных жителей в районе посадки удалось найти подростков, видевших, что на рассвете из леса выехал мотоцикл с коляской, в котором находились двое военных – мужчина и женщина...

Дементьев опять помолчал, затем обратился к Разумному:

– Ну, вот. Как бы вы поступили в данной ситуации?

– Я бы осмотрел коляску мотоцикла и независимо от того, нашел там что-либо подозрительного или нет, задержал обоих для дальнейшей проверки...

– А вы? – спросил комиссар у Якубова.

– Конечно, именно так поступил бы и я. Уж очень совпадение большое.

Дементьев кивнул, посмотрел на них с улыбкой и продолжил:

– При попытке осмотреть коляску оба схватились за оружие, но их, конечно, скрутили. Женщина кусалась, как бешеная кошка. А что, вы думаете, нашли в коляске? Семь пистолетов – советских и английских образцов с большим количеством патронов, радиостанцию дальнего действия и специально изготовленный реактивный пистолет под названием «панцеркнакке», стреляющий 12-миллиметровыми снарядами кумулятивного действия, пробивающими броню до сорока миллиметров. Кроме того, нашли большое количество подлинных и поддельных печатей и бланков, а также 428 тыс. рублей советских денег.

– А Золотая Звезда и ордена? – не удержался Якубов.

– Они принадлежали одному из советских генералов, который в мае 1942 г. в боях под Харьковом был тяжело ранен, захвачен в плен и расстрелян. С другими орденами и медалями такая же картина: их владельцы погибли в фашистских лагерях.

– Извините, товарищ комиссар, – спросил Разумный, – а какое отношение это имеет к Серкову?

– Все мое время, – улыбнулся Дементьев. – В начале войны, будучи призванным в армию, он добровольно перешел на сторону врага. Там его готовили в специальной разведшколе, находившейся в ведении восточного отдела 6-го управления главного имперского управления безопасности Германии. Ему был подчинен и разведорган под кодовым наименованием «Цеппелин», забросивший мнимого Серкова в советский тыл, предварительно соединив его с некой Шиловой. Отец ее до войны был репрессирован за антисоветскую деятельность. Сама работала швеей в Риге. А по шпионской линии – радисткой. Помните дело Семенченко и других, которыми мы занимались в прошлом году? Оказавшись в плену, они были подобраны и брошены к нам в глубокий тыл этим же разведорганом.

– Еще раз извините, товарищ комиссар, – сказал Разумный, – а в связи с чем поступила эта информация?

– Вопрос правильный, – ответил Дементьев. – Все дело в чудовищном задании, полученном мнимым Серковым. На допросах он показал, что это вторая его «ходка» в тыл Советской Армии. В прошлом году его уже перебрасывали через линию фронта, добрался до Москвы, где встретил друга детства, которого не видел с 1932 г. Его друг оказался военным водителем в Ставке Верховного Главнокомандования. Награды и офицерские погоны произвели наилучшее впечатление на старого товарища. И тот разоткровенничался, рассказал, кого и куда возит... Фашистские главарь ухватились за эту связь и поручили мнимому Серкову совершить различные террористические акции. Однако это ему не удалось.

Москва просит срочно сообщить, что нам известно о связях «Серкова» по Ташкенту, в частности, о его соучастниках, арестованных в 1939 г. Ведь не исключено, что с кем-то из них установлены шпионские связи!..

– Я думаю, Иван Иванович, – вступил в разговор полковник Туманов, – в первую очередь нужно поднять из архива уголовное дело 1939 г. и срочно установить место пребывания всех соучастников грабежей. Затем подготовить план оперативно-розыскных мероприятий по изучению их деятельности и связей. Поручим это Разумному и Якубову.

– Согласен. Подготовьте ответ в Москву.

Хотя разговор был закончен, Разумный и Якубов не спешили уходить.

– Все, товарищи, – повторил Дементьев. И улыбнулся. – А... Понял.

Он встал, прошелся по кабинету, посмотрел в раскрытое окно и по диагонали вернулся к столу.

– Вот уже конец сентября. Что касается самого «Серкова», то розыск не требуется. Преступник уже пойман. В погонах майора. На том самом мотоцикле.

– Значит?..

– Так точно. «Серков» – он же Шило, он же Гаврин... Он же Политов.

Л. Коробов ПОЕДИНОК

В Ташкенте я оказался в конце войны. Именно оказался. Это не было возвращением домой после работы в прифронтовой полосе. Мне предстояло кое с кем встретиться и кое-что уточнить. Задерживаться я не собирался. Считал, что снова вернусь на фронт и довольно быстро. Обстановка, однако, изменила мои намерения. Пришлось остаться в тылу и на весьма длительное время. Обстоятельства потребовали.

Конец войны был не только избавлением от страшных тягот, ненавистного врага, бесчинствовавшего на территории нашей Родины. Это было время расплаты с врагом за содеянное им в годы оккупации. Те, кто замарал себя связью с гитлеровцами, кому предстояло отвечать перед народом, спасались бегством. Чаще всего агенты гитлеровских разведслужб, вражеские пособники устремлялись на Восток, где их не знали и где легче было укрыться. Поиском и разоблачением таких скрытых врагов мне и предстояло заняться по возвращении в Ташкент.

Первое дело, которое мне поручили в Особом отделе, по-видимому, было типичным для той поры: в далекой от фронта Средней Азии прояснить обстоятельства гибели большого партизанского отряда.

Остатки отряда в тяжелых условиях непрерывных боев были переправлены авиацией на Большую землю. В числе спасенных оказалась партизанская разведчица Галина Д. Она приехала в Ташкент и жила на частной квартире. Работала в военной хозчасти, ведала культпросветимуществом.

Я изучил материал, связанный с разгромом партизанского отряда. Это были даты боев, показания партизан и самого командира отряда. Обращал на себя внимание факт, что большинство боев носило оборонительный характер и кончались они поражением. Каждый, кто брался за выяснение причин разгрома отряда, приходил к выводу, что в поражениях есть какая-то закономерность. Тайны отряда знала немецкая разведка. Это очевидно. Но каким образом ей удавалось распознавать их? Кто открывал их врагу?

Из партизан нам была известна только Галина Д. Она, как уже говорилось, числилась в отряде разведчицей и имела награды.

То, что Галина была разведчицей и чаще, чем кто-либо, отлучалась из отряда и главное – с целью установления контактов с населением, наводило на мысль о возможном ее выходе на оккупантов или их пособников. Предположительно, конечно. Фактов не было, как не было имен и фамилий людей, дававших партизанам сведения о фашистских карательных акциях в районе, где действовал отряд. Вообще, фамилий в деле было мало, географических названий – тоже. Даже в представлениях к наградам обходились точные координаты.

Исключением было одно представление, последнее, в котором указывалось конкретно село, где Галина, якобы, совершила подвиг. Наши войска село уже освободили и туда еще до меня был направлен запрос на предмет опознания Гали. К запросу прилагалась ее фотография партизанских времен. И вот пришел ответ: Галину по фотоснимкам опознали многие жители села – и патриоты, и бывшие пособники оккупантов. Ее прямо называли сообщницей немцев. Видели беседующей с немецкими офицерами. Показания свидетелей были оформлены документально.

Теперь уже не было сомнения в том, что Галина Д. вела двойную игру. Вела долго, на протяжении нескольких лет. И, возможно, продолжала вести сейчас в далеком от фронта городе. Впервые в жизни я должен был арестовать женщину. Трудность заключалась в том, что ни Галина, ни окружающие ее люди ничего не должны были заподозрить. Мне была предоставлена полная самостоятельность в проведении операции. Не исключалось вооруженное сопротивление, ибо Галина Д. не просто человек с боевым прошлым, но, вероятно, и агент вражеской секретной службы, способный к решительным действиям. В моем распоряжении был лишь один человек – шофер служебной машины.

Арест намечался на первую половину дня. Я приехал в хозчасть, где работала Галина. Начальник склада был толковый офицер, на которого можно было положиться. Я предъявил ему ордер на арест Галины Д., попросил вызвать ее в кабинет и затем направить вместе со мной в воинскую часть за культинвентарем.

Галина вошла в кабинет, поздоровалась. Она была одета довольно богато для простого работника склада. На миловидном круглом лице – выражение легкой настороженности или холодности. «Неужели что-то заподозрила?» – подумал я. Но нет, непринужденно болтая о пустяках, она села со мной в машину. Ехали по узеньким улочкам Ташкента, по которым с трудом протискивались груженые хлопком арбы и переполненные пассажирами трамваи. На многих зданиях висели плакаты: «Все для фронта!», «Все для победы!» По булыжному покрытию дороги звонко цокали подковы конного патруля.

Минут через двадцать мы подъехали к зданию Особого отдела. Галина увидела часового и сказала тоном капризной женщины:

– Я не пойду туда. Инвентарь принесите в машину. Я подожду.

– Не положено, – ответил я. – Через проходную не пропустят без сопровождающего со склада. Сделаем так: вы подождете у проходной, а я скажу, чтобы солдаты вынесли инвентарь.

Галина заколебалась, но вынуждена была согласиться. Пошла к проходной, но у самой двери вдруг повернула назад. Пришлось мне и шоферу взять ее под руки.

В комнате дежурного я предъявил Галине Д. ордер на арест. И хотя она была напугана, все же смогла заставить себя возмутиться:

– Это какая-то ошибка. Я буду жаловаться, капитан, и вам не поздоровится!

Как следователь я был малоопытен, поэтому, несмотря на тщательную подготовку

плана допроса, повел первую беседу с Галиной Д. неуклюже. Да и позже я наткнулся на разного рода трудности и особенно – на свои сомнения. Передо мной сидело нежное прекрасное создание. Мне не верилось, что она могла быть причиной гибели сотен бойцов и командиров. Галя не один год делила с ними кров и пищу. Как-то чудовищно выглядело обвинение ее в предательстве.

Да и вела она себя на допросах не как убийца или шпионка: плакала, требовала, умоляла поверить ей, а уличающие ее показания сельчан отвергала, утверждала, что это недоразумение, месть несостоявшихся ухажеров, черная зависть глупых баб.

Я пришел к выводу, что не способен вести следствие, не способен мучить вопросами женщину, припереть ее к стенке неопровержимыми фактами, сформулировать уничтожающее заключение и подал рапорт с просьбой отстранить меня от следствия.

Начальник Особого отдела был человеком большой силы воли и еще большей строгости. Он обычно разносил в пух и прах провинившихся подчиненных, не прощал человеческих слабостей. Но тут не вина, не промах, не слабость. Тут – позиция. Он не стал беседовать со мной на душеспасительные темы, не прибегнул к чудодейственному разному. Он пришел на очередной допрос, сел в сторонке и некоторое время слушал мою вежливую с Галиной беседу. Потом взял ведение допроса на себя. Это был настоящий урок молодому следователю. Неожиданные и острые вопросы привели Галину в замешательство, ее попытки увильнуть от ответа были наивны и жалки. Мешанина разрозненных фактов выстроилась в логичную стройную цепь неопровержимых доказательств.

Мне стало стыдно и за свое неумение, и за рапорт. Галину я уже видел совсем в другом свете. Да и она преобразилась. Справившись с растерянностью, отчаянно стала бороться за свою жизнь. Она искала спасительную нить и не могла найти. В ее словах и жестах проглядывала натура целеустремленного и далеко не наивного человека.

Казалось бы, все стало на свои места. Я продолжал следствие, благодарный старшему товарищу за полученный урок. Дело успешно продвигалось к финалу. Галина рассказывала о своем предательстве, своих встречах с представителями фашистской контрразведки, но на самом последнем допросе вдруг заявила:

– Все, что я говорила – вранье. Больше ничего вам не скажу...

Итак, напрасны бессонные ночи, мучительные сомнения, нервные перегрузки. Несложное, казалось бы, следствие измотало меня вконец. Ненависть к этому коварному и лживому существу охватила меня, и я с трудом сдерживался.

Спокойным тоном, будто не было никакой бури в моей душе, я заговорил с Галиной, дал ей понять, что такие «прыжки» совершенно бессмысленны, следствие уже располагает всем необходимым для четкого и недвусмысленного вывода. Она не верит? Пожалуйста! И я приступил к перечислению фактов и анализу материалов дела. Галина поняла, что все кончено. Выдержка оставила ее, она расплакалась. Стала каяться, говорить, что связалась с фашистами только по малодушию, просто хотела спастись, когда попала им в лапы во время одного из посещений села. Однако раскаяние было запоздалым. Я так и заявил ей:

– Признать свою ошибку надо было после вербовки, признаться во всем командованию отряда, искупить свою вину честным служением Родине. Вина ваша не в том, что вы поддались минутной слабости, а в том, что по приказу врага сгубили сотни советских людей, предали дело, за которое боролся отряд, задушили партизанское движение в оккупированном гитлеровцами районе...

– Что же делать теперь?

– Принять то, что заслужили!

.....

Следствие было закончено. Галину Д. отправили спецрейсом в Москву.

Ю. Расулев
БУНКЕР «АПОСТОЛА» ШЕЛКОВА

Нити к этому бункеру тянулись из Пятигорска. Тянулись давно, со времен второй мировой войны. Нашупать их никак не удавалось. Да и бункер «не открывался», хотя о его существовании догадывались. Были обнаружены следы, правда, весьма нечеткие. Они, как и догадка, конечно, не являлись ключом к тайне.

Однако обрести ключи надо было. Бункер жил, бункер действовал как опасный организм, плодоносящий яд, отравляющий души людей. Следы как раз и представляли собой капельки яда. Время от времени люди находили в своих почтовых ящиках состряпанные в бункере «писания».

Враг, если он умен, а обитателям бункера отказать в этом нельзя, использует все средства конспирации, причем современные. Годами можно находиться рядом с бункером и не подозревать о его существовании. Только нить, связывающая бункер с «внешним миром», способна навести на реальный живой след, стать ключом тайны.

Куда же повела нить, или, вернее, откуда повела к бункеру нить?

Если идти к истокам, то есть доискиваться до начала начал, то, наверное, надо остановиться на 1929 г. Именно в этом году на сборище адвентистов седьмого дня произошел раскол. Небольшая часть наиболее реакционных сектантов во главе с проповедником Унрау выделилась в самостоятельную группу, отмежевываясь от своих бывших единомышленников и перешедшую на нелегальное положение. Необходимость нелегальщины была вызвана не романтическими устремлениями, а характером деятельности группы, подчинена задачам, которые группа выдвигала.

В нашей стране существует свобода вероисповедания. Государство оставляет за верующими право исповедовать ту или иную религию, если это не идет вразрез с интересами советского народа, нашего социалистического строя. Группа Унрау теоретически и практически предавала интересы народа, ставила своей задачей борьбу с Советской властью. Раскольники проповедовали отказ от общественной деятельности, участия в строительстве социалистического общества, призывали свою паству к нарушению советских законов.

Отношения внутри группы строились на диктате, на беспрекословном подчинении паствы апостолам, «живым Христам». Как образно представляли эти взаимоотношения апостолы, видно из их правил: свободные адвентисты – «послушные пальцы», они не видят, не слышат, не рассуждают, не мыслят. Быть безмолвной тенью апостола – вот идеал адвентистов-реформистов.

Разработана была и психологическая основа подчинения – страх перед «живым Христом». Апостол мог, как во времена инквизиции, лишить верующего свободы, попросту говоря, содержать строптивного под замком, заставить отказаться от детей, подвергнуть пыткам и даже приговорить к смерти. Самым ужасным было проклятие. Над несчастным повисала, словно меч, кара божья, и он искал спасение в самоубийстве.

Изуверские методы воздействия на паству превращали ее в слепое орудие апостолов. Именно оно способно выполнять роль, которая отводится обычно нарушителям законности и правопорядка. «Послушные пальцы» творили черное дело, и оно благословлялось «живым Христом».

После смерти Унрау Всесоюзный совет адвентистов седьмого дня возглавил Манжура. Как у всякого «живого Христа», у Манжуры появились «ученики». Первым среди них оказался некто Гадюкин и не только по счету, первым по надежности, исполнительности, изобретательности. Имеется в виду изобретательность особого рода. Гадюкин мог «выпускать яд» незаметно, жалить душу с елейной улыбкой на лице. Он прошел «великую» школу лицемерия и ханжества, изучил науку растления человеческих душ. Это был дьявол в образе ангела. Ядовитая гадюка в самом обычном понимании слова.

Науку лицемерия Гадюкин познал в библейской школе в Германии. Талантливого ученика заметила кайзеровская разведка и в 1918 г. завербовала. Под видом военнопленного, возвращающегося на родину, он был переправлен на территорию РСФСР и приступил к выполнению заданий немецкой секретной службы. Положение одного из руководителей адвентистов давало ему возможность широко вести антисоветскую пропаганду, вовлекать паству в подрывную деятельность против молодой Советской республики.

В числе «учеников» Манжуры оказался и его сын Кузьма, получивший образование, как и Гадюкин, в той же библейской школе и ставший агентом немецкой разведки. Кузьма старался не отстать от отца, трудился на вражескую секретную службу в поте лица. Старания были так откровенны, что в момент ухода фашистских войск с оккупированной территории ему ничего другого не оставалось, как уйти вслед за гитлеровцами в Германию. Советские люди не простили бы ему службы фашистам. Да и отец посоветовал сыну поскорее скрыться.

«Ученики», а точнее единомышленники Манжуры, брали, естественно, пример со своего пастыря, своего «живого Христа». А пастырь не гнушался никакими средствами в достижении цели, не останавливался на полпути. Активности старшего Манжуры мог позавидовать любой из его соратников и единомышленников. «Активная деятельность, по нашему мнению, – заявил Манжура, – должна была ослабить Красную Армию, тормозить становление Советской власти, противником которой я был с самого начала ее возникновения». Откровенное признание врага как нельзя лучше выражает суть адвентистского движения – бороться с новым общественным строем, пришедшим на смену самодержавию и капитализму, всячески мешать утверждению социализма в нашей стране.

С распростертыми объятиями встретил Манжура гитлеровцев. Черная свастика была ему приятнее, чем крест Христа. Прикрываясь крестом, он целовал свастику. Он благословлял зверства фашистов, принимал как должное смерть и пепел, которые несли с собой оккупанты. Когда немецкие захватчики предложили ему сотрудничать с ними, он тут же подписал обязательство, превращающее его, Манжуру, в агента службы диверсий и шпионажа главного управления СС. Не простого агента, а с особыми полномочиями, которому разрешалось беспрепятственно перемещаться по всей оккупированной территории и вести враждебную пропагандистскую работу среди населения. Пропагандировать он должен был, конечно, не «учение Христа», а идеи фашизма, призывать к сотрудничеству с немецкими карателями. Мандат оккупанты выдали на имя Манжуры, а числился Манжура в секретных списках как «Старик». Эта кличка осталась за Манжурой до конца.

Учеником Манжуры был Шелков. Он превзошел учителя и как проповедник и как организатор подрывной деятельности против социалистического строя. Если Манжура только пытался теоретически обосновать реформистское движение в России, то Шелков разработал систему организации, ее многоступенчатую структуру, принцип подчинения, определил функции апостолов и членов братства, «живого Христа» он тоже придумал, вернее, утвердил такую «должность».

Когда и как рождается главарь, руководитель движения, апостол?

Унрау и Манжура были сформировавшимися идейными противниками народовластия и

социализма. Они начали борьбу с Советами, собирая вокруг себя отребье старого мира. Шелков принял уже начатое. Ему не надо было собирать, искать, разъяснять. Его задача была проще и в то же время труднее: захватить власть во Всесоюзном совете адвентистов седьмого дня реформистского движения. Тщеславие и бешеная предприимчивость Шелкова заставила многих расступиться, освободить дорогу, а затем и место на верхней ступени иерархической лестницы. Оказавшись на самом верху, Шелков дал понять «соседям», что не потерпит «демократии», ему претила зависимость от кого бы то ни было, подчинение тем более. Диктаторские замашки жили в Шелкове с детских лет.

Откуда эти черты характера, этот нрав, такой несвойственный для религиозного проповедника, «живого Христа»? Отец Шелкова – кулак, деревенский богачей, хищник самого грубого толка. В его подчинении было восемь батраков, из которых он выжимал все, что может выжать ненасытный хозяин. Возражений не терпел, в гневе мог исколотить работника, кулаки пускал в ход постоянно. Семья жила в страхе. За столом никто без позволения рта не смел открыть.

Кулацкая закваска бродила в Шелкове-сыне. Он подминал под себя всех и вся. Расцветал на адвентистской ниве себялюбец, диктатор, властитель. Это характер, а каковы взгляды?

Крушение частнособственнического уклада, крушение самой системы эксплуатации человека человеком, а следовательно, самого класса эксплуататоров явилось и крушением надежд Шелкова-сына. Но желание эксплуатировать, потребность повелевать, вершить чужими судьбами остались. В новом мире социализма не видел Шелков себя в той роли, которую сулил ему отец, и он возненавидел этот мир, решил мстить Советской власти. Мстить везде и всегда.

Для борьбы нужны силы, нужны единомышленники, нужно оружие. В движении адвентистов-реформистов он нашел такую силу, нашел единомышленников. Оружием стали сами религиозные идеи. Шелков приспособил их к своей задаче и довольно ловко. В духовных книгах тьма всяких противоречий, инотолкований и не меньше туманных изречений. Они-то и дали возможность апостолу Шелкову создать «собственное» учение, в котором глава «братства» получал власть неограниченную и олицетворял собой «живого Христа». Паства отдавалась под его начало, как стадо, бездумное, бессловесное. Слепыми пальцами именовались рядовые адвентисты. Пальцы пастырь направлял туда, куда ему было надо. А бороться ему надо было с нашим обществом, нашим строем, нашими идеалами.

Обосновался апостол Шелков в Ташкенте. Когда он появился и как появился, никто не знал. Всякая подпольная деятельность замаскирована. Конспирация полная.

Сейчас время напомнить о нитях, которые тянулись к логову апостола. Сеть адвентистских организаций не слишком велика, но все же она была, и связь между ними существовала. Нити, если их нащупать, хотя бы одну, привели в логово Шелкова, в тот бункер, который был своеобразным штабом адвентистского реформистского движения.

Один конец ее повел в прошлое, которое раскрыло Шелкова как предателя Родины. Оказавшись на территории, временно оккупированной немцами, он стал подручным, хотел быть полезным гитлеровцам и изучил немецкий язык. Переводчикам он не доверял. Они могли исказить смысл того, что хотел донести Шелков хозяевам. Из всех завербованных сектантов Шелков оказался самым перспективным, фашистская разведка, отступая, оставила его резидентом, снабдила фальшивыми документами.

Сотрудничество с оккупантами, участие в акциях против социалистического государства и советского народа не остались безнаказанными. Приговором военного трибунала Ставропольского военного округа Шелков был приговорен к высшей мере наказания. Судебная коллегия Верховного суда СССР заменила эту меру десятью годами лишения свободы.

Возвратившись в 1954 г. из мест лишения свободы в город Джамбул, Шелков возглавил нелегальную сектантскую организацию и продолжил начатую в период войны антисоветскую деятельность. Призывая к неподчинению законам Советского государства, он старался

оторвать верующих от общественной жизни, толкнуть их на путь свершения преступлений против нашего общества. Он снова был наказан и снова, отбыв срок наказания, вернулся к черному делу борьбы с нашим государственным и общественным строем. На этот раз для своей преступной деятельности Шелков избрал Ташкент. Здесь он обосновался и здесь стал собирать единомышленников из числа морально неустойчивых людей, антисоветчиков и уголовников.

Теперь он уже не Шелков, а Петр Андреевич Павлов. Шелков был похоронен в прямом смысле слова. Гроб с телом «апостола» отнесли на кладбище и опустили в могилу. Все, как того требует ритуал. Большинство «братьев» были уверены, что похоронили апостола и скорбели по поводу его безвременной кончины. Лишь узкий круг доверенных знал, что Шелков здравствует и продолжает действовать, а в гроб положено чучело.

Покойники, как известно, ведут себя тихо. Шелков же, позабыв об этом, начал вторгаться в судьбы здравствующих. Правда, из-под земли он не вылезал при свете дня. Для «апостола» был устроен бункер под одним из домов. Там он жил, оттуда руководил паствой, вернее, группой верных ему людей, осуществлявших его планы на поверхности земли.

Ниточка все же привела нас в бункер «апостола» Шелкова. Как говорится, сколько веревочке ни виться, а конец будет.

Бункер был оборудован со знанием дела. Войти в него можно было, лишь отыскав в дверном пороге секретную кнопку, которая открывала спрятанный под половицей замок. Дверь-люк вела на лестницу, по которой можно было спуститься в подвал. «Посетитель» оказывался в темном лабиринте ходов, ориентироваться в которых мог лишь знающий план проводник. В нескольких метрах от лестницы находился второй люк, искусно вделанный в деревянный пол. Поднятая крышка впускала человека в крошечную, не более полутора квадратных метров каморку.

Бункер посещали только доверенные лица. Если на прием к «апостолу» являлся рядовой верующий, что бывало крайне редко, его предварительно «просеивали» через четыре сита, иначе говоря, проверяли в четырех инстанциях. Попадая в бункер, такой верующий претерпевал фантастическое превращение, скажем, из инженера становился слесарем, из бухгалтера – шофером, причем все это фиксировалось в документах. Он мог выйти с новой трудовой книжкой, новым паспортом, новым аттестатом зрелости и даже институтским дипломом. «Документы» имели соответствующие подписи и печати. «Дедушка» (с переходом на нелегальное положение Шелков принял такую кличку) мог за определенную мзду даже фиктивно прописать человека в Ташкенте.

«Дедушка» создал подпольную нелегальную типографию «Верный свидетель», выпускал брошюры, порочащие наш государственный и общественный строй, возводящие клевету на Советский Союз. Из бункера эти, наполненные ядом ненависти к Советской власти «божеские писания» растекались по городу и дальше. Пачки «черных» брошюр были обнаружены при обыске в логове Шелкова. Здесь же хранились сотни магнитофонных кассет с записями передач радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Свобода». Они производились на самых современных иностранных звукоаппаратах, полученных из-за рубежа. Аппараты и радиоприемники высшего класса также хранились в бункере. «Дедушка», его подручные слушали вражеские радиоголоса и, пылая лютой ненавистью к Советской власти, переключивали услышанное в текст своих брошюр и проповедей.

Из бункера шли призывы к верующим не подчиняться советским законам, не посещать учебных заведений по субботним дням, не служить в рядах Советской Армии. Листки содержали советы, каким способом уклониться от призыва в армию, какие сильнодействующие лекарственные препараты принимать перед явкой на медицинский осмотр.

Именем бога прикрывалась и грабительская деятельность пастыря Шелкова. Во время обыска в логове был обнаружен список облигаций трехпроцентного займа на 268 тыс. руб. При себе Шелков держал небольшую сумму денег – 5500 руб., так сказать, на «мелкие расходы». По примеру отца, выжимавшего все из бедняков-крестьян, на него работавших,

«дедушка» обирал верующих. Каждый заработок «брата» облагался налогом. «Десятина» и «двадцатина» шла в мошну «апостола». Даже копейку утаить было нельзя. Бог в образе Шелкова карал за утайку беспощадно. Виновного, как уже говорилось, сажали под замок, не поили, не кормили, не разрешали встречаться с женой, отнимали детей. Совет адвентистов-реформистов работал по системе иезуитского трибунала.

В доме Шелкова накапливались запасы продовольствия. Видимо, «апостол» ждал атомной войны и намеревался сохраниться под землей сытым. Подземелье было забито мешками с сахаром, крупами, ящиками с консервами, спичками. Спички хранились уже лет десять.

Представ перед судом, Шелков заговорил о правах человека. Угнетая духовно, истязая физически членов своей паствы, грабя близких, отравляя их сознание ложью и клеветой, он призывал правосудие к гуманности и доброте, к прощению «грехов». Мол, не я, Шелков, все это творил, мне «диктовал» поступки и слова всевышний. Так было угодно богу, человек – раб его.

Шелков обходил годы войны, будто их и не было в его биографии. Молитвами жил, дескать, и молитвы сохранили его в жестокое время. Когда же прозвучала на процессе кличка «Старик», «апостол» изменился в лице. Предательство, служба у гитлеровцев, подписка о принятии на себя обязанностей агента фашистской секретной службы – преступления, за которые надо расплачиваться по большому счету. Шелков оставался на вражеских позициях до самого последнего дня.

Все послевоенные годы он сотрудничал с «верными друзьями» за рубежом, по приказу которых вел борьбу с нашим строем, нашим государством, нашей идеологией.

Путь предателя закономерен – от сотрудничества с фашистскими палачами до пособничества спецслужбам империалистических государств. Закономерен и финал. Враг, как бы глубоко он ни забирался в землю, как бы ни бетонировал свой бункер, какими бы хитрыми замками ни запирался, будет обнаружен и разоблачен. Карающая рука народа была крепка и сурова.

Ю. Джуфаров ПОПРАВКА К БИОГРАФИИ СОВЕТОЛОГА

Этого далеко уже не молодого, вернее пожилого, но еще бодрого, подвижного, достаточно энергичного человека можно встретить в самых различных уголках мира и в самое разное время года. То он в Карачи, то в Мюнхене, то в Измире, то в Вашингтоне, то в Западном Берлине, то в Бруклине... То сходит с парохода, то с поезда, то с самолета. И все спешит, спешит, спешит. С туристскими маршрутами его поездки не связаны. Да он и не

имеет возможности отдыхать. Нет для этого ни времени, ни средств. Поездки планируются не им, настроения и желания его не учитываются. Учитываются желания тех, кому он служит: иди, плыви, лети, куда пошлют. Посылают же его чаще всего в пункты мало приятные, порой опасные. Не везде говорят: «Пожалуйста, эфенди, или месье, или мистер!» Руку не везде протягивают. А об улыбках и мечтать порой не приходится. Брезгливо, зло кривят губы. Шепчут:

– Жив еще! Не упал на него камень возмездия...

Шепчут. Бывает, что и во весь голос произносят страшные слова:

– Умри, проклятый!

Трудно не услышать такое. Уши-то не заткнешь. Не положено затыкать уши представителю «высокой и авторитетной организации», и не просто представителю, вице-президенту, доктору социальных наук, автору пухлых творений о величии человека в «свободном мире». Ему не улыбаются, он улыбается. Ему не протягивают руки, он протягивает руку. Ему приказано играть роль интеллигентного, воспитанного человека, игнорирующего чужую бестактность.

И он играет эту роль. Неплохо играет, даже талантливо. Никто еще не упрекнул его в обратном.

Сам себя он не представляет. Себя представлять не солидно, его представляют. Вот как это делается. В аэропорту:

– В составе делегации ФРГ доктор истории и философии, автор многочисленных трудов по советологии.

В холле зала заседаний:

– Рад представить вам одного из видных советологов, специалиста по проблемам Востока.

В президиуме заседания:

– Нам интересно будет послушать нашего гостя, выходца из Туркестана, многие годы изучавшего положение мусульман в Советском Союзе.

На банкете:

– Тост за глашатая свободного мира, чей голос звучит неутомимо вот уже четверть века...

Любознательные советологи из числа молодых, такие тоже водятся в «свободном мире», иногда спрашивают:

– Откуда шрам у господина из Кёльна?

Он отвечает, застенчиво опустив глаза. Это тоже входит в роль:

– Война...

– О-о! – сочувственно вздыхают советологи.

Все, что связано с войной, звучит таинственно, несколько туманно и сопровождающий господина из Кёльна советник торопится уточнить – таинственность должна помочь исполнению роли:

– Осколок советского снаряда. Наш гость ветеран борьбы с социализмом.

У кёльского советолога есть биография, она даже напечатана в нескольких эмигрантских листках и вошла в справочник туркестано-американской ассоциации, а также справочник Института по изучению СССР. Наивно было бы считать, что биография отражает истинный путь кёльского советолога. Там, что ни слово, то вымысел, кроме даты и места рождения. Вымысел, вмонтированный в лакированную рамку правдоподобия. Хорошо поработали шефы советолога, чтобы представить своего подопечного, как говорят, в лучшем виде. А это соответствует тому, что уже известно о кёльском советологе по рекламным представлениям, процитированным выше.

Существует, разумеется, и другая биография. Но она существует в одном экземпляре, как секретный документ, и хранится в сейфе. Ключ от сейфа – у тех же шефов советолога. Та биография «господина из Кёльна» – без пышных регалий. Там он такой, каким ему не хочется быть.

Время работает не на него. Только сбрось наряд борца за свободу, как лишишься этой самой свободы. Всего лишишься. Лестница, по которой так долго и мучительно трудно он шел, окажется без опоры.

В чем сейфе находится настоящая биография, какой гриф стоит на папке с личным делом советолога из Кёльна, сейчас трудно установить. Прежде стоял гриф со свастикой и читался с оттенком угрозы: «Гехейме ангабен!» – «Секретные сведения!», или проще: «Гехейм – секретно!» Находилась эта папка в сейфе гауптштурмфюрера Ольтши, начальника восточного отдела главного управления СС на Моммзенштрассе 55, точнее туркестанского отдела, а еще точнее – восточно-тюркского отдела, который ведал национальными комитетами, в частности «Туркестанским национальным комитетом». Все личные дела сотрудников комитета хранились в «Тюркостштелле» главного управления СС, так же как и дела курсантов разведывательных и диверсионных школ, укомплектованных из головорезов туркестанского легиона. Все личные дела «воспитанников» разведывательных и диверсионных школ в конце войны попали при странных обстоятельствах в руки американской разведки. Существует непровергнутая версия, что сведения об агентуре управления шпионажа и диверсии службы безопасности переданы американцам по негласному указанию В. Шелленберга, содействовал этому начальник «Тюркостштелле» Р. Ольтша. Последний хранил списки агентов, предназначенных для консервации. Каким-то номером, надо полагать не последним, именовался и начальник военного отдела «Туркестанского национального комитета», гауптштурмфюрер Баймирза Хаит.

Пришлось назвать настоящее имя советолога из Кёльна. Пора уже назвать, тем более, что ходит он по земле под этим именем. Попытки изменить имя, предпринятые в последние дни войны, ничего не дали, так как американцы опознали начальника военного отдела «Туркестанского национального комитета» и сразу определили свое отношение к нему, весьма благожелательное. Их не смутило ни положение Хаита в только что разгромленной нацистской Германии, ни звание гауптштурмфюрера СС. Впрочем, он называл себя в те дни гауптманом, то есть капитаном. О принадлежности к СС умалчивал. Полагал, что американцы не доберутся до секретов шестого управления и тайна службы безопасности навсегда останется тайной. Документация всей системы СС считалась очень секретной и уничтоженной.

Наивное предположение. Реалистически мыслящий субъект вдруг потерял ориентацию и желаемое стал принимать за действительное или посчитал европейских вербовщиков ЦРУ глупее нацистских. Если бы даже вся секретная документация имперского ведомства шпионажа и диверсий оказалась уничтоженной, все равно прошлое Баймирзы Хаита вычеркнуть не удалось бы. Гауптштурмфюрера Хаита знали почти все сотрудники «Туркестанского национального комитета», легионеры, наконец курсанты разведывательных и диверсионных школ СС и хорошо знали.

Не будем прибегать пока к помощи свидетелей. Очные ставки потом. Остановимся на секретной документации главного управления СС.

К несчастью для Хаита, папки с грифом «гехейм!» не погибли. Во всяком случае, те, в которых отмечены «дела» унтерштурмфюрера, а затем и гауптштурмфюрера Хаита. Материалы этих папок фигурировали на Нюрнбергском процессе и по «делу Вильгельмштрассе» и по «делу Моммзенштрассе». Как известно, Ольтша, начальник «Тюркостштелле» и шеф Хаита, был осужден как военный преступник. Некоторые документы из секретных папок вошли в книгу «СС – в действии», изданную в ГДР и переведенную на многие языки. Несколько страниц ее посвящены преступлениям «черных СС», то есть отрядов, создававшихся при участии унтерштурмфюрера Хаита и действовавших даже под его руководством. Преступления карательных отрядов были отмечены соответствующими приказами командования частей СС, а сам Хаит повышен в звании – стал гауптштурмфюрером. Смена знаков отличия – лейтенанта на капитана стала поводом для довольно пышного банкета. Душа карьериста и чиновника ликовала, правда, не долго. Война шла к концу, и новый чин мог стоять начальнику военного отдела

«Туркестанского национального комитета» головы. Слишком много было пролито человеческой крови ради этого повышения в звании. Порожденные Хаитом и выпестованные Хаитом «Восточно-мусульманская дивизия СС», «Батальон Тимура», «Полевые роты СС» участвовали в операциях против партизан во Франции, Италии, Югославии, Греции, а также на территории Советского Союза – в Белоруссии, Орловской и Брянской областях. Так зафиксировано в секретных документах, имеющих прямое отношение к биографии советолога из Кёльна.

Однако отражения в той самой биографии, что распространяется всевозможными антисоветскими организациями на Западе, злодеяния, совершенные под его руководством, не нашли. Там, как мы уже говорили, все голубое, возвышенное, кристальное. Там кельнский советолог представлен идейным борцом, защитником веры, глашатаем свободы и справедливости.

Кстати о вере. Это тоже имеет отношение к биографии Хаита. Когда он продал себя нацистам и признал гитлеризм своей религией, на пряжке его легионерского ремня было начертано по-немецки: «Гот мит унц!» – «С нами бог!» Бог нацистов не был, как известно, мусульманским богом, а Германия – Меккой. Фашисты исповедовали совсем другую религию – религию человеконенавистничества, насилия, расовой нетерпимости. Когда они, испытав Хаита на верность, дали ему чин гауптштурмфюрера, он лобызал знамя со свастикой и клялся в верности фюреру.

Штандартенфюрер Алимов, бывший, конечно, вспоминает эту клятву, произнесенную Хаитом перед легионерами:

– Мы будем стоять здесь до последнего, как на родной земле. Если нужно будет умереть, мы умрем на камнях Берлина.

Голос его дрожал в приливе верноподданнических чувств.

Клятва на земле уже гибнущего нацистского рейха походила на молитву смертника.

Нацистская Германия погибла, советские войска нанесли ей сокрушительный удар. В числе защитников Берлина Хаита, однако, не оказалось. Спасаясь, он кинулся на Запад. Обещая умереть на камнях Берлина, зондерфюрер не пожелал расстаться на них с жизнью. Она была ему еще нужна. Предатель легко нарушил свою клятву. Когда торгуешь совестью, до клятв ли? Хаит задумал продать себя еще раз. Теперь уже англичанам или американцам. Лучше американцам, ибо они хорошо платили. Хаит знал это.

Перепродажу он потом представил как идейный разрыв с фашизмом, как переоценку ценностей (точно так же преподносил он свою измену Родине, переходя на сторону врага).

Продавал он себя долго. Сначала англичанам, потом американцам. Не покупали его вот так сразу, по первому предъявлению. Присматривались, принимались. Смущала их, наверное, принадлежность Хаита к ведомству Гимmlера. Формы нацистской на нем, естественно, не было, он сжег свой эсэсовский мундир, как сожгли его многие «фюреры», мелкие и крупные. Следы прошлого старательно уничтожались, чтобы пятнышка не осталось. Но ведь мундир это только скорлупа, то, что под ней, – не сотрешь. А до того, что под личиной, добивались долго. Хаит занялся коммерцией. Не повезло. Душой, совестью своей торговал бойко, умел торговать святыми вещами, а вот обычными – не получалось. Погорел на коммерции. Спекуляция тоже не обогатила его.

В это время подул с Запада ветер холодной войны. Запахло провокациями, шантажом, ложью. Чутье у Хаита было отличное. Послужив у гитлеровцев овчаркой, научись чутый гарь за сотни километров, мертвечину – тем более. Ветер принес перемены и в судьбу Хаита. О нем вспомнили. Послужной список гауптштурмфюрера уже не пугал западную разведку, напротив – радовал. Ей нужны были опытные лжецы, провокаторы. Затевались диверсии в прессе, эфире, а кто, как не гимmlеровский выкормыш, способен выполнить диверсионную программу холодной войны. Школа у него в этом смысле великолепная: натаскан на ловле душ в разведшколах и зондеркомандах ведомств Шелленберга и Кальтенбруннера. Там умели черное преподносить как белое, белое – как черное. Одаренный лицемер и подтасовщик, Хаит легко усвоил стиль и приемы своих учителей. Они помогли ему при адаптации в новой

обстановке, однако новыми были лишь мундиры, все остальное – старое. Так что перестраиваться, собственно, не пришлось, надо было только сменить китель эсэсовца на цивильный пиджак ЦРУ. Центральное разведывательное управление США придерживалось строгих правил. Его агенты носили только смокинги, фраки, пиджаки, модные куртки с молниями и брюки из искусственной кожи. В цивильной паре, чаще всего темного цвета, и предстает перед деловым и ученым миром доктор философии, истории и права в зависимости от ситуации и возложенной хозяевами задачи Хаит.

Сменился и адрес кассы, в которой Баймирза получает жалованье. Прежде за марками он ходил на Моммзенштрассе 55, в «Тюркостштелле» Главного управления СС, теперь – в Институт по изучению СССР, филиал американской разведки в ФРГ. Деньги кладет в карман так же торопливо, как прежде, потому что считает собственный карман надежнее хозяйского. Хозяин-то привередлив, а товар – ложь да клевета – быстро портящийся, не успеешь состряпать, поступают опровержения и протесты, поэтому лучше поскорее получить деньги за проданное и скрыться.

Все эти штрихи к портрету советолога из Кёльна ничего не меняют в нашем представлении и не только нашем о Хаите. В ЦРУ Хаита знают как облупленного. Для американской разведки детали морального порядка не играют никакой роли. Вот для общественности Западной Европы и Америки они важны. Она должна взглянуть на Хаита не как на пропагандиста идей «свободного мира», а как на политического и духовного оборотня, провокатора, платного агента ЦРУ.

Все это, так сказать, портрет. А как быть с биографией Хаита. С той самой биографией, которую распространяют филиалы ЦРУ в разных странах и в которой советолог из Кёльна представлен идейным борцом, страдальцем за свой народ, защитником веры. Кое-какие поправки в эту «голубую» биографию мы уже внесли. Они касались в основном первой страницы его жизни, когда Хаит изменил Родине, нарушил военную присягу, перешел в стан врага. Откроем вторую страницу.

После сдачи в плен в лагере для военнопленных Хаит сразу объявил себя поваром по призванию и принялся варить для пленных баланду. Впрочем, говорят, что «должность» эта покупалась у фашистов открытым угодничеством и наущничеством. Уже тогда, в первые дни плена Хаит завоевывал место под солнцем доносами на товарищей по оружию. Он выдал начальнику лагеря коммунистов, патриотически настроенных солдат и командиров. Продавал за право стоять у котла с похлебкой, отправлял соотечественников на смерть, чтоб самому выжить. Гитлеровцы сразу учуяли в Хаите собрата. Волчья стая пополнилась еще одним серым с обгаренными кровью клыками.

Хаит первым вступил в легион СС и первым надел эсэсовскую форму. На кокарде его фуражки красовался человеческий череп и две перекрещенные кости – символ смерти. Смерть обязался нести Хаит.

Втерся в волчью стаю Хаит, но этого ему показалось мало. Решил переманить в стан врага и соотечественника. Существует закон, принятый всеми государствами, по которому запрещается вербовать пленных в армию, против которой они сражались. Хаит преступил этот закон. Он принялся старательно вербовать в «Туркестанский легион» пленных узбеков, казахов, киргизов, туркмен. Вербовать – мягко сказано. Вот как описывает это один из бывших военнопленных:

– Баймирза стал группировать вокруг себя военнопленных... Каждого, кто противился ему, не подчинялся его указаниям, ожидала жестокая кара.

Фашисты били нас плеткой. Баймирза Хаит пользовался более изощренным орудием – резиновой дубинкой. Она наносила более тяжелые раны. Один удар такой дубинкой выводил человека из строя на несколько дней...

...В 1943 г. погрузили нас в вагоны и отправили в город Бреслау, оттуда доставили в расположенный неподалеку концлагерь «Освенцим». Начальник этого лагеря гауптштурмфюрер Пинер заявил нам на следующее утро: «Мы вас будем обучать. Разобьем на группы по 4–6 человек, выбросим в ваши родные места шпионами».

Однажды прибыл к нам из Берлина на поверку Баймирза Хаит. Тогда он уже имел звание зондерфюрера, носил на одном плече сверкающий погон.

В лагере Баймирза Хаит не пытался даже объяснять пленным, куда и зачем их направляют:

– Вы больше не пленные, вы солдаты легиона СС. «Произошло это так, – вспоминает бывший легионер. – Немцы согнали нас в концлагерь. В нем мы испытали все ужасы заточения – и голод, и холод, и болезни. С утра до вечера грузили на телеги умерших узников, а было их неимоверно много, и вывозили их за пределы лагеря. Роя могилы, каждый из нас думал, не себе ли роешь, не наступит ли завтра и твой черед.

Когда испытания голодом и смертью сделали свое дело и фашисты убедились, что люди сломлены и духовно и физически, нас, мусульман, погрузили в вагоны, и доставили в Легионово. Здесь размещался Туркестанский легион. Легионеры носили военную форму и пользовались привилегиями военнослужащих.

Нас держали некоторое время в специальных бараках, дали посмотреть на жизнь легионеров. Через неделю, примерно, приехал Баймирза Хаит. Одет он был в форму немецкого офицера. Выстроил нас на плацу и объявил:

– С этой минуты вы солдаты гитлеровской армии. Мусульманское соединение именуется Туркестанским легионом. Будете служить в нем и подчиняться командирам беспрекословно. Сопrotивление и отказ от выполнения приказа будет рассматриваться как саботаж и по законам военного времени наказываться смертью!

Свою угрозу Хаит преподнес тоном проповедника, напутствующего заблудших сынов своих перед трудной дорогой в рай. Службу немцам он объявлял делом, угодным богу. На пряжках ремней, которыми опоясывались легионеры, было начертано: «Аллах биз билан!» – «С нами бог!» Этими ремнями Хаит опоясал и привезенных в Легионово пленных. Предательство освящалось именем всевышнего.

Бога Хаит привлекал к своему черному делу постоянно, но не слишком надеялся на него. Дубинка резиновая и пистолет, а порой и автомат помогали лучше.

Во главе зондеркоманды Хаит рыскал по местам расквартирования батальонов и душил ненадежных. Число подлежащих уничтожению его не смущало. Патронов в пистолетах и автоматах было предостаточно. Жалеть легионеров не рекомендовалось, да Хаит и не способен был жалеть. Он же хвастался, что рука его тверда, на спусковом крючке она не дрогнет.

В «голубой» биографии советолога из Кёльна подобная деталь опущена не случайно. «Страдалец» за свой народ будет плохо выглядеть с руками, обгагранными кровью. С такими руками его место только на скамье подсудимых. Военных преступников еще судят. Должны во всяком случае судить.

На совести советолога смерть сотен людей в Голландии, Франции, Италии. С иноплеменниками он расправлялся так же жестоко, как и с единомышленниками по вере. Рота СД не жалела патронов, когда дело касалось противников нацизма. Лишь бы был приказ, а приказы отдавал гауптштурмфюрер Хаит.

Пока что биография советолога Баймирзы Хаита окрашена в голубые и розовые тона. Прикрываясь ею, как защитной мантией, он продолжает проповедовать человеколюбие, доброту, мягкосердечность, звать соотечественников под своды свободного мира, как когда-то звал под кров нацизма, дает советы, как жить и о чем думать тем, в кого когда-то направлял стволы автоматов. Он забыл (за хорошую плату, конечно) прошлое. Но люди помнят. Помнят даже те, кто упал под автоматной очередью. Смерть тоже помнит...

Ю. Чуфаровский
ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Самолет из Хабаровска прибыл в Ташкент около шести утра. После долгого утомительного рейса пассажиры торопились покинуть лайнер, и трап едва вмещал всех желающих поскорее оказаться на земле. Лишь двое из прибывших не проявляли нетерпения. Они почти последними вышли из салона и почти последними оказались на ступеньках трапа. Все шесть минут, что занимал спуск на землю, они были заняты тем, что старательно разглядывали попутчиков, шедших рядом с ними и уже стоявших внизу.

Ничего особенного в неторопливости двух пассажиров не было: люди прилетели издалека, и новый город, новая обстановка, естественно, вызывали интерес. Оба пассажира были иностранцы. Облик и речь легко выдавали их за сынов Страны восходящего солнца, поэтому вели они себя так, как ведут обычно гости из-за рубежа. Никто не обратил на них внимания, никому и в голову не пришло заподозрить двух молодых японцев в недобром отношении к нашей стране.

Не вызывало сомнений и желание гостей после небольшого отдыха в гостинице «Узбекистан» осмотреть город, сфотографировать на память наиболее примечательные места узбекской столицы и, наконец, познакомиться с ее жителями. Мы гостеприимные люди, общение с другими народами доставляет нам радость. Двое ташкентцев подошли к молодым японцам у входа в вестибюль гостиницы и заговорили с ними как добрые друзья. Один из туристов сносно объяснялся по-русски и предложил пройти до станции метро. Ему и его другу хотелось посмотреть, как оформлена станция и даже проехаться в подземном поезде. Ташкентцы охотно откликнулись на предложение гостей, и все четверо спустились в метро станции «Октябрьская революция». Через семь минут поезд доставил их на станцию «Пушкинская», а еще через семь дружеская компания уже прогуливалась у памятника поэту.

Как трогательно все это выглядело. Сколько сочувственных улыбок было подарено гостям жителями узбекской столицы: японцы восхищенно смотрят на памятник великому русскому поэту. Они любят нашу страну, чтут память ее великих сыновей. Никому и в голову не пришло, что подножие памятника – место условленной встречи иностранного эмиссара и местного агента, что, прогуливаясь возле бронзового изваяния Пушкина, японцы обменялись с ташкентскими «друзьями» свертками, небольшими по размеру, но достаточно весомыми по содержанию.

Забегая вперед, назовем предметы, находящиеся в свертках: четыре пары фирменных джинсов, два портативных магнитофона, две пары наручных часов «Сейко» и четыре номера американской газеты «Наши дни» на русском языке. От ташкентских «друзей» японцы получили комплект брошюр, выпущенных подпольным издательством «Христианин». Содержание брошюр стало известно после того, как при таможенном досмотре в Хабаровске у одного из «гостей» нашли эти самые брошюры в специально сшитом нательном поясе и в гетрах.

«Туристы» объяснили таможенникам, что брошюры религиозного содержания и что

получили они их в подарок от «братьев по вере». Достаточно, однако, взглянуть на обложки, как всякому грамотному человеку станет ясно: перед ним антисоветская, злобно-клеветническая стряпня, посылаемая за рубеж в качестве материала для радиодиверсий по каналам радиостанций «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна» и т. д. Ядовитая начинка была в свертках, переданных эмиссарам из Страны восходящего солнца ташкентскими «братьями по вере».

Кто же эти японские единоверцы, прогуливавшиеся в тот злополучный день возле памятника Пушкину? Представители японского религиозно-пропагандистского центра Есиюки Китагава, (1959 г. рождения) и Есито Исохара (1952 г. рождения). Они покинули нашу страну и, возможно, больше не ступят ногой на советскую территорию, но шпионско-диверсионный акт все же был ими совершен и не без участия двух советских граждан. И те и другие обезврежены благодаря бдительности и решительным действиям органов государственной безопасности.

– Вы страдаете радикулитом?

– Нет.

– А зачем тогда носите пояс?

– В общем... иногда побаливает поясница...

С такого странного, на первый взгляд, диалога начался разговор с Серджио Блази, прилетевшим в Советский Союз в составе итальянской туристической группы. Она должна была посетить Москву, Ташкент, Самарканд и Бухару. Группа побывала в этих городах, а вот вояж Блази ограничился пребыванием в пределах Шереметьевского аэродрома.

Недаром ему был задан вопрос о набедренном поясе. Дело в том, что под этим поясом он попытался, безусловно, тайно провезти враждебные статьи журнала «Посев» и религиозные материалы антисоветского характера. Теперь они лежали на столе, эти помятые листочки в подтеках от пота вместе с заношенным поясом и паспортом провалившегося курьера-антисоветчика. Из паспорта усматривалось, что его обладатель Серджио Блази родился 25 декабря 1955 г. в г. Салерно и что уже побывал один раз в Советском Союзе, другой раз – в Ливане в качестве туриста.

Турист сидел в торце стола и нервничал. Сначала, правда, он вел себя весьма некорректно, даже нагло, требовал немедленного вызова итальянского посла, без которого отказывался отвечать на вопросы представителей советских властей. Однако после того, как Блази подробно объяснили, что он совершил уголовно наказуемое преступление, он сник и начал рассказывать конкретно о себе и своих делах. Сообщил, что живет в Салерно. Окончил пять классов начальной школы и еще пять – профессионально-технического училища. По специальности электромеханик, мелкий частник, беспартийный, хотя испытывает симпатии к неонацистам – деловые, мол, ребята. В беседе выяснилось, что антисоветскую литературу получил от представителей Народно-трудового союза в Италии. Знал, что тайный провоз таких материалов в Советский Союз не разрешается. Поэтому, когда самолет подлетел к Москве, пошел в туалет и спрятал листки под пояс на животе. На что рассчитывал? Надеялся, что пронесет и что в Москве ему удастся разослать антисоветскую стряпню по заранее полученным от энтээсовцев адресам. Все-таки поездку ему оплатили, следовательно, надо ее отработать.

Когда представители властей еще раз напомнили Блази, что провоз антисоветской литературы в СССР находится в противоречии с уголовным кодексом страны, несостоявшийся турист занервничал. Крупные капли пота появились на его лбу.

– У меня пожилые родители. Они меня ждут дома, – слезно молил он.

Представители советских властей пожалели родителей Блази. На другой день утром его выдворили из Советского Союза. Больше к нам в страну он не приедет. Представителям НТС в Италии придется поставить крест еще на одном своем агенте и списать в убыток затраченные на него деньги. Авантюра сия закончилась весьма просто. По схеме. Как кончаются антисоветские авантюры подобного рода.

Что такое НТС, читатель, наверное, знает – оголтелая, злобная антисоветская

организация, состоящая из предателей Родины и разных отщепенцев, находящаяся на полном содержании американской секретной службы. Последнее обстоятельство вынуждает руководство НТС плакаться заокеанским работодателям на скудность средств и кадров и в то же время подчеркивать свою независимость.

Американские разведчики – люди деловые. Их словами не проймешь. «Сначала дело, – говорят они, – потом деньги». Если обещали энтээсовцы провести серию террористических актов в социалистических странах, то подавайте документальные фотографии об оных; ежели обещали найти новых отщепенцев взамен отбывающих сроки уголовников, то показывайте конкретных людей; если подрядились снабжать радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» надежными кадрами, то потрудитесь объяснить, почему бесконечные провалы.

Вот и крутятся главари НТС, как грешники в аду на раскаленной сковороде. Приходится им «горемычным» плакаться, пытаться убедить тех, кто заказывает музыку, в жизнеспособности одряхлевшей, белогвардейской организации, раскрывать задачи союза, трудности, с которыми он сталкивается.

Но не только о материальной и моральной поддержке говорят энтээсовские запевалы. Они призывают Запад усилить нажим на Советский Союз, советуют держать его в страхе, как будто это возможно.

Вот тебе и радители русского народа! Им мало крови, пролитой во время прошлой мировой войны, они хотят новой, они провоцируют напряженность, всячески стремятся посеять рознь между народами, усилить подозрительность. Именно всеми способами, ибо, по собственному их признанию, деятельность НТС носит не только явный, но и тайный характер. Это не новость. Каждому советскому человеку известно, что вот уже более шестидесяти лет разведки империалистических государств и разного рода зарубежные эмигрантские организации ведут против нас подрывную работу. Непонятно только одно – почему энтээсовцы обижаются, когда советские люди называют их своими именами: скопищем изменников Родины, карателей, агентов империалистических разведок и т. д. Разве это не так? Энтээсовцев, безусловно, бесит то обстоятельство, что их агентов постоянно хватают за руку простые советские люди. Да, им хотелось бы иметь в нашей стране побольше отщепенцев и предателей, готовых за иудины сребреники в любой валюте продать и Родину, и остатки совести. Их чрезвычайно беспокоит отсутствие «кадров» для подрывной работы.

Под стать НТС и другая антисоветская организация – «Эмнисти интернэшнл», родившаяся двадцать лет назад. И ей ложь сопутствует все время.

Когда читаешь материалы, опубликованные «Эмнисти интернэшнл», листаешь «доклады об узниках совести», подготовленные ее «экспертами», испытываешь чувство брезгливости: страницы перемежаются ложью большой, а каждая страница сплетена еще из паутины лжи мелкой.

Одна из ярких лживых версий, популяризуемых «Эмнисти интернэшнл», – утверждение, будто советские граждане еврейской национальности, желающие выехать в Израиль, подвергаются репрессиям, а наиболее активные из них, «еврейские активисты», приговариваются к длительным срокам лишения свободы. Элементом раздуваемой кампании является и вымысел о преследовании лиц, изъявивших желание покинуть СССР.

В качестве примера преследования за намерение выехать в Израиль авторы «Доклада об узниках совести в СССР» прежде всего приводили «дело Иосифа Бегуна». Изложение фабулы «дела Бегуна» начинается так: «Бегун, математик высокой квалификации, с 1951 г. в течение 20 лет работал без перерыва, к 1971 г. служил в качестве старшего научного сотрудника в Государственной плановой комиссии СССР в Москве. Он был уволен с этой должности в том же году после возбуждения ходатайства об эмиграции в Израиль».

Действительно, в 1971 году Бегун в течение менее чем двух месяцев работал в Центральном экономическом научно-исследовательском институте Госплана СССР. На работу поступил в феврале 1971 г., но уже в марте в письменном заявлении сообщил

руководству института о намерении перейти на другую работу.

В апреле 1971 г. подал развернутое мотивированное заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности. 10 апреля Бегун в соответствии с добровольно изъявленным им желанием был освобожден от работы. С работы его не увольняли в связи с намерением выехать в Израиль, как об этом писали авторы доклада «Эмнисти интернэшнл». Следовательно, изложение «истории Бегуна» – типичного, по характеристике «Эмнисти интернэшнл», примера – начинается с примитивной лжи.

Кстати, с 1951 по 1971 г. Бегун сменил по собственному желанию и выбору места работы 14 раз. Как видим, он не любил работать на одном месте.

Однако, меняя места работы, Бегун накопил сведения, которые представляют существенное значение для интересов безопасности Советского государства. Именно поэтому специалисту в области радиоэлектроники, а не математики, как его изображает «Эмнисти», Бегуну и было отказано в возможности выехать из Советского Союза.

Вмешательство государственных органов в жизнь Иосифа Бегуна и принятие в отношении него принудительных мер имело место тогда, когда в судебном порядке было установлено, что Бегун в течение более четырех лет вел паразитический образ жизни и тем самым нарушил конституционную обязанность гражданина СССР.

Это выразилось прежде всего в нежелании заниматься трудовой деятельностью по своей специальности, уклонении от общественно полезного труда. После того как Бегун по собственному желанию покинул в 1971 г. институт Госплана, ему пытались оказать содействие в трудоустройстве, предлагали на выбор инженерные должности по его и смежным специальностям. Бегун на протяжении 1973, 1974, 1975 гг. отказывался от любого варианта предлагаемой должности, то есть работы по специальности. Все это подтверждено документально. Сохранились и личные заявления Бегуна, и отказы от предлагаемой работы в письменной форме.

В то же время с 1973 по 1976 г. Бегун жил безбедно. Длительное время проводил на курортах Крыма. На что же он жил на широкую ногу, не работая? Частично на сбережения, но главным источником его существования были дары, которые поступали из Канады, Дании, других стран.

Мы разобрали более подробно действия Иосифа Бегуна не потому, что его «житие» представляет интерес или озаменовано какими-либо заслуживающими внимания деяниями. Нет, мы остановились на этом потому, что более подробный их разбор рельефно и убедительно вскрывает искажение фактов «Эмнисти интернэшнл», особенно в тех случаях, когда ее руководителям кажется, что факты невозможно проверить и уличить «Эмнисти интернэшнл» во лжи будет нелегко.

Поэтому подробное рассмотрение приемов фальсификации и методов дезинформации, используемых этой организацией, позволяет вскрыть, обнаружить анатомию лжи.

...Студента Ташкентского института связи Горюнова сверстники недолюбливали. Да и было за что: высокомерный, заносчивый, он постоянно стремился подчеркнуть свое превосходство над другими, хотя не имел к тому ни малейших оснований. Чуть ли не единственной темой разговоров Горюнова были западные кинокартины. Причем особенно интересовала его самая что ни на есть внешняя сторона буржуазного быта: роскошные рестораны, развлекательные путешествия богатых людей в обществе красавиц, увеселения сомнительного характера.

Очевидно, под влиянием этих фильмов Горюнов и сам пристрастился к выпивкам, стал завсегдатаем ташкентских ресторанов, тем более, что хорошо обеспеченные родители не отказывали единственному сыну в деньгах. У него появились «свои» знакомые, как и он, открыто преклоняющиеся перед Западом. А потом среди его знакомых оказались иностранцы, которые довольно беззастенчиво стали обрабатывать Горюнова в антисоветском духе. Уловив нужную им струнку в его характере, они всячески восхваляли его «образованность и такт», приверженность к «оригинальным и независимым взглядам».

Разумеется, не сразу Горюнов стал на преступный путь. Но рестораны никак не

способствовали учебе, и вскоре Горюнов был исключен из института за неуспеваемость. К этому времени с ним установил контакт сказавшийся среди знакомых иностранцев сотрудник буржуазной разведки, который активно пытался привлечь его к шпионажу.

Советские компетентные органы, которым своевременно стало известно об этом, вынуждены были поработать с Горюновым. Попытки западных «доброжелателей» вовлечь советского гражданина в шпионскую деятельность были своевременно разоблачены.

В связи с развитием международных связей, научно-технического и культурного обмена между СССР и капиталистическими странами все чаще и чаще советский человек оказывается за рубежом. За границу едут высококвалифицированные специалисты, работники различных советских предприятий и организаций, представители многих отраслей науки, художественной интеллигенции, молодежные делегации, туристы и др.

Советский человек за рубежом представляется всем этим подрывным организациям и учреждениям чрезвычайно важным объектом для оказания своего идейного и политического влияния и даже для осуществления вербовочных и иных акций.

В Комитет госбезопасности Узбекистана обратился с заявлением молодой узбекский ученый, назовем его Абдурахманов. Он рассказал, что в период десятимесячного пребывания в США с целью научной стажировки к нему проявила интерес американская разведка и пыталась завербовать его. Так, в первые же дни по приезде в США с Абдурахмановым стали активно общаться узбекские эмигранты. Беседы, в которые они его вовлекали, неизменно оканчивались обработкой его в антисоветском духе. В ходе дискуссий эмигрантам, в том числе и агенту ЦРУ, изменнику Родины Рузи Назиру, удалось получить от Абдурахманова разнообразную, внешне безобидную информацию о положении в нашей республике, характеристики на коллег Абдурахманова.

Одновременно нашего гражданина изучал американец Эдвардо, сосед Абдурахманова, который стремился втягивать его в попойки, водил в увеселительные заведения.

В учебном заведении, где Абдурахманов проходил стажировку, супруги Давыдовичи, бывшие граждане СССР, сотрудники библиотеки, проявили мнимую благожелательность, предоставили ему возможность снять копии с некоторых научных материалов. Спустя четыре месяца американские «друзья» представили его кадровому разведчику «Алексу», который прямо заявил о намерении получить согласие от Абдурахманова на сотрудничество с американцами. Получив должный отпор, «Алекс» без обиняков заявил, что Абдурахманов уже представил его коллегам «интересную» информацию, за что его непременно накажут на родине, как только об этом станет известно органам госбезопасности. Кроме того, американские власти вправе привлечь его к ответственности за незаконный сбор научной информации.

Отложив под благовидным предлогом этот разговор на более поздний срок, Абдурахманов сообщил о случившемся в Советское посольство. Позже, поняв, что Абдурахманов избегает встречи, американские спецслужбы инсценировали возбуждение на него уголовного дела. И лишь после того, как он заявил полицейским о том, что в посольстве СССР известно обо всем, происшедшем с ним, Абдурахманова оставили в покое.

Всячески скрывая свою подрывную деятельность против советских граждан, посещающих капиталистические страны, и в США и в Англии, да и не только в этих государствах систематически проводятся антисоветские кампании, рассчитанные на разжигание шпиономании под предлогом усиления национальной безопасности. Застрельщиками и вдохновителями этих кампаний выступают руководители различных антикоммунистических организаций, в том числе разведывательных и контрразведывательных служб. Как правило, их выпады подхватывает мощный пропагандистский аппарат, запугивая буржуазного обывателя «советскими шпионами». Расчет их достаточно прост: нанести удар по международному авторитету Советского государства, воспрепятствовать свободному общению советских людей с гражданами той или иной капиталистической страны, проявляющими интерес к правдивой информации о Советском Союзе. В отдельных странах предпринимаются в отношении советских граждан

грубые провокационные действия и даже насилие.

Советские граждане становятся объектами тщательного изучения и наблюдения сразу же по вступлении на территорию капиталистического государства. На всем пути следования по стране их сопровождают связанные со спецслужбами лица, иные из которых выдают себя даже за друзей из Советского Союза.

Несколько лет назад по студенческому обмену в Англии находилась группа из 35 ташкентских студентов. После кратковременного пребывания в Лондоне их развезли по разным городам и расселили в семьях хорошо обеспеченных англичан.

Одному из них в доме, где его поселили, попалась на глаза инструкция, выпущенная Советом по студенческому обмену, в которой прямо говорилось о том, как надо вести наблюдение за советскими студентами в семьях, где они будут жить. В инструкции предлагалось изучать поведение, личные качества и наклонности студента, стараться установить с ним хорошие отношения, чтобы оказать нужное влияние.

Инструкция требовала представлять письменные отчеты о наблюдениях и гарантировала, что поступившие сведения будут сохранены в тайне.

В документе, в частности, говорилось: «...все сообщенное вами будет храниться в строгой тайне и использоваться с большой осторожностью, поэтому мы надеемся, что вы будете писать подробно и откровенно...» О чем? Обо всех конкретных фактах поведения студентов. И настойчиво подчеркивалось: «Любые анекдотичные примеры и случаи из повседневного поведения будут особенно интересны».

Так, разведка одной империалистической страны более года изучала жителя нашей республики Карпова, накапливая факты его поведения в быту и на службе. Карпов несколько раз выезжал по служебным делам за границу. И вот, когда Карпов в очередной раз находился в заграничной командировке, он был сфотографирован в ночном увеселительном заведении в нетрезвом виде среди женщин непристойного поведения. К тому же в эту ночь у него была похищена крупная сумма денег, взятых им под отчет для служебных надобностей. Шантажируя Карпова с помощью полученных компрометирующих материалов и запугивая, его принуждали к сотрудничеству с вражеской разведкой.

Перепуганный Карпов вначале согласился стать шпионом и дал об этом письменное обязательство. Опомившись через несколько дней и трезво оценив создавшееся положение, он попросил советских представителей в этой стране помочь ему досрочно выехать на Родину, где он рассказал обо всем компетентным органам. Учитывая чистосердечное признание Карпова и тот факт, что он не совершил никаких преступных действий в пользу иностранной разведки, его не привлекли к уголовной ответственности.

Засылает противник своих разведчиков и агентов и под видом туристов, которые выполняют задания по изучению, обработке и вербовке людей. Наибольшая активность в осуществлении вербовок советских граждан на территории нашей страны принадлежит, безусловно, разведчикам и агентам, прикрывающимся дипломатическими должностями. В нашей печати подробно сообщалось о преступной деятельности американских дипломатов Пресела, Дюймейна, Петерсон, Лофтина, процессах по делам разоблаченных шпионов Раджабова, Филатова, Щеранского, Казачкова и др.

«Голос Америки» – радиосистема, включающая 120 мощных радиопередатчиков, в том числе 79 – за пределами США, с десятками студий, редакций, контрольно-ретрансляционных и других центров. Центр «Голоса Америки» в Гринвилле, штат Северная Каролина по суммарной мощности равен 97 крупнейшим коммерческим радиостанциям США. Собственные передатчики «Голоса Америки» ведут вещание в течение 850 часов в неделю. Кроме того, его программы, записанные на пленку, передают свыше 800 радиостанций в других капиталистических странах, объем вещания которых в течение недели составляет более 13 тыс. часов.

О чем вещает «Голос Америки» на социалистический мир, мы хорошо знаем: клеветнические, антисоветские измышления, грубая дезинформация обрушиваются каждодневно на СССР и другие социалистические страны с единственной целью – отравить

сознание людей, исказить их представление о реальных процессах, происходящих в нашей стране и в мире, сбить людей с толку. При этом подавляющее большинство передач осуществляется анонимно, без каких бы то ни было указаний на их авторов.

В Колумбийском университете недавно создан Русский исследовательский центр, так называемая «Программа по изучению социального и национального вопросов в СССР». Чем занимаются там ученые мужи? Вот одно из исследований, осуществленных этой программой, кстати по контракту с Пентагоном. Название темы – «Советская социальная система». Исследование охватывает партийный аппарат, государственные и общественные учреждения, внутренние процессы, происходящие в советском обществе, национальные отношения, роль республик Среднеазиатского региона в социально-экономической жизни страны, положение церкви, отношение советских людей к государству, обществу, друг к другу, их частная жизнь.

Любое исследование, как правило, включает в себя более 50-ти докладов, и они все без исключения носят антисоветский характер. Часть из них используется во время выставок в нашей стране, в том числе в Узбекистане, в радиопередачах на СССР и т. д. Кроме того, программа выпустила откровенно антисоветские книги, напичканные злобной клеветой, весьма сомнительной информацией. И все это подается под видом научной объективности.

Мы привели несколько разных фактов. Однако нетрудно заметить между ними общее – каждый свидетельствует о тайной войне, которую ведут разведывательные и идеологические центры против нашей страны. Ведут всеми способами, не брезгуя ничем, непрерывно совершенствуя и отлаживая механизм подрывной деятельности, используя для этого последние достижения научно-технической революции. Эти усилия многочисленных организаторов тайной войны становятся тем более разносторонними и изощренными, чем сильнее и прочнее содружество социалистических стран.

Шпионаж – одно из ведущих, но не единственное направление подрывной деятельности против СССР и всего социалистического лагеря. В последние годы все большее значение придается идеологическим диверсиям, идеологической войне, борьбе за влияние на умы людей.

Монополистическая буржуазия тратит громадные средства на совершенствование аппарата идеологических диверсий. В него входят не только государственные и частные органы буржуазной пропаганды с их мощными средствами массовой коммуникации – прессой, кино, радио, телевидением, но органы разведки и другие специальные службы с их специфическими возможностями как в выборе объектов и целей идеологической диверсии, так и в сборе информации о социалистических странах, необходимой для проведения намечаемых подрывных акций.

Особое внимание уделяется идеологической борьбе. В Соединенных Штатах, например, в десятках университетов, институтов образованы центры и кафедры, на которых работают так называемые кремленологи и советологи. В их распоряжении богатейшие библиотеки, лаборатории, к ним стекается огромное количество информационных материалов, причем значительная часть их поступает по неофициальным, весьма сомнительным каналам, в том числе шпионским. Широко поставлено издательское дело. Антисоветская и антикоммунистическая литература извергается потоком. Обеспечивается не только выпуск книг и брошюр на языках народов социалистических стран, но всевозможных матриц, клише и т. д. для тиражирования печатной «продукции» в нелегальных условиях. Заранее заготавливаются даже тексты проповедей с церковного амвона, пишутся «шпаргалки» для выступлений по радио. Цель их одна – опорочить социалистическую собственность и сыграть на человеческих слабостях, религиозных предрассудках, оправдать эксплуатацию, разжигать вражду и ненависть между народами. Цель – подрыв социализма и коммунизма.

Сочинения современных антисоветчиков и антикоммунистов, как правило, отличает известная гибкость и утонченная хитрость. Вместо прямолинейной и грубой клеветы на социализм, как это нередко бывало раньше, в них, например, признаются определенные успехи и удачи социалистического строя, а идеология антикоммунизма подается

завуалированно.

Так сложилась целая система коварных приемов и хорошо отработанных методов. К ним прибегают, когда осуществляются идеологические подрывные акции против всего социалистического содружества, отдельных социалистических государств, против определенных групп населения СССР и братских стран, отдельных советских граждан. В их числе широко задуманные «специальные операции» – разного рода провокационные кампании: постоянная, каждодневная пропаганда, осуществляемая на социалистические страны с помощью средств массовой коммуникации, особенно радио; массовая засылка антисоветской литературы по заранее подобранным адресам – организациям и отдельным лицам; направление эмиссаров для нелегального распространения враждебных листовок и других антисоветских документов, а также сколачивания подпольных антисоветских групп и связи с ними; индивидуальная антисоветская обработка политически неустойчивых советских граждан и т. д.

Идеологические диверсанты используют любые возможности для подрывной деятельности против Советского государства. Так, посетившие Ташкент туристы из США супруги Розенблат с удивительным усердием пытались встречаться с лицами еврейской национальности, особенно из числа молодежи, с единственной целью – склонить их к выезду в Израиль, а также собрать любую негативную информацию о нашей жизни.

Советские люди дают достойную отповедь подобным эмиссарам, гневно отвергают заманивание в Израиль сионистских зазывал, отказываются от подачек в виде посылок. Об этом не раз писали наши республиканские и областные газеты.

Был такой случай. В 1978 г. в Израиль выехал некий Шварцман, работавший ранее старшим тренером по плаванию в Центральном Совете ДСО «Мехнат». Перед тем как покинуть Узбекистан, он добровольно сделал заявление: «Я заверяю Советское правительство о том, что буду свято хранить воспоминания о Советском Союзе, в котором я получил высшее образование и прожил долгую жизнь в дружной многонациональной семье советских народов». Однако Шварцман очень скоро забыл свое заверение. Оказавшись за рубежом, он участвовал в антисоветском сборище под вывеской американской национальной конференции по делам советских евреев, где изливались потоки грязи и клеветы на нашу страну. Иудины сребреники зарабатывает он и на том, что пытается переманить легковверных из СССР на «землю обетованную».

Зарубежная радиопропаганда, стремясь втянуть часть нашей молодежи к регулярному прослушиванию своих передач, насыщает программы разнообразной музыкой, всевозможными поделками «массовой культуры». Они обещают радиослушателям СССР высылать музыкальные записи, фотографии кинозвезд, эстрады и т. д.

Некоторые юноши и девушки, увлекаясь музыкальными передачами зарубежных радиостанций, чередуящимися со специально подготовленными выпусками последних новостей, политическими обзорами и комментариями, иногда увлекаются прослушиванием их, попадают под их влияние. Некоторые из них начинают восхвалять западный образ жизни, стремятся, даже нарушая нормы социалистической морали и установленных правил, приобретать заграничные вещи, вступают в контакты с иностранцами на недозволенной основе, а отдельные, если своевременно не принять мер профилактического воспитательного характера, могут скатиться на путь преступной деятельности.

Уместно рассказать здесь о судьбе ташкентца Золотухина (фамилия нами изменена). Детство и юность его протекали, прямо скажем, безмятежно. Как единственному сыну в семье, ему практически все дозволялось. После окончания средней школы при содействии отца он поступил в Ташкентский политехнический институт, но к повседневной, целеустремленной учебе не привык. За недостойное поведение Золотухина исключили из комсомола, и лишь при содействии отца ему удалось получить диплом инженера.

Однако и работа по специальности его не интересовала, увлечением для него стала модернистская западная музыка в исполнении всевозможных рокк и бит-групп.

Стремление любой ценой быть на высоте в среде себе подобных, иметь всегда первым

модные магнитофонные записи и диски активно побуждали Золотухина к прослушиванию и пересказу передач зарубежных радиостанций, к контактам с определенной категорией иностранцев. Его близкими друзьями и советниками стали антисоветски настроенные студенты из Пакистана, стажеры из Америки и других капиталистических стран.

От восторженного преклонения перед модернистской западной музыкой, некритического стремления к подражанию некоторым сторонам западного образа жизни с его культом вещиц и обогащения, от сборищ на дому с участием иностранцев Золотухин постепенно перешел к разглагольствованиям о «чистой» демократии, все чаще в присутствии иностранных гостей порочил нашу действительность. Явно подталкиваемый и поощряемый своими иностранными друзьями, он начал группировать вокруг себя и обрабатывать в аналогичном духе некоторых идейно незрелых и морально неустойчивых юношей и девушек.

Позднее, после проведенных с ним бесед, Золотухин сделал следующее письменное заявление: «Прозрение и отрезвление у меня наступило с большим опозданием. Только теперь я понял по-настоящему, до чего довели меня «независимость суждений», слепота и идеологическое влияние Запада в виде бесед с иностранными студентами, обучающимися в высших учебных заведениях Ташкента, слушание западных радиостанций и т. д.» Золотухин осознал всю вредность своего поведения и обязался честным трудом и полезной общественной деятельностью смыть с себя позорное пятно.

Органы госбезопасности считают главной своей задачей предупредить преступление, любое идеологически вредное, антиобщественное явление, могущее причинить ущерб безопасности нашей страны; вовремя поправить, поставить на правильный жизненный путь случайно оступившегося человека. Если закон нарушен умышленно и нанесен вред государству, то виновный должен понести заслуженное наказание. Проиллюстрируем это еще на одном примере.

В конце декабря 1979 г. поздним вечером из ташкентского ресторана «Зарафшан» вышла пьяная компания молодых ребят. Состояние и поведение их было таким, что находившиеся поблизости работники милиции были вынуждены препроводить этих гуляк в отделение милиции. Казалось, этим все кончится. Однако дело стало принимать иной оборот, когда у одного из них – Николая Мясникова были обнаружены доллары США, марки ФРГ и итальянские лиры. На вполне законный вопрос, каким образом они оказались у него, Мясников отвечать не захотел.

Он был задержан, в отношении его возбуждено уголовное дело. На первых порах расследования стало ясно: Мясников действовал не один, у него есть сообщники, с которыми он совершал валютные сделки. Началась кропотливая, настойчивая работа сотрудников Управления КГБ. Были выявлены дружки Мясникова, стремившиеся, как и он, жить «красиво». Вместе с Мясниковым к уголовной ответственности за валютные сделки и спекуляцию были привлечены Михаил Боржемский, Лазиз Расулов, Нина Макелис.

Следует отметить, что все четверо оказались в следственных органах не случайно. Они хорошо знали, что рано или поздно это случится, но страсть к наживе была выше принципов чести, порядочности, моральной чистоплотности. Выяснилось, что в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Москве и Ленинграде они скупали у иностранных туристов доллары, фунты, марки, лиры и перепродавали их на черном рынке, получая от этого немалые барыши. Они приобретали дефицитные товары в магазинах фирмы «Березка», чтобы тут же сбыть их втридорога. Попутно спекулировали купленными по дешевке у тех же туристов заграничными вещами. Продавали они не только иностранные тряпки и иностранные деньги, торговали своим гражданским достоинством.

Что очаровывало мясниковых, боржемских, расуловых, их окружение в такой жизни? Только ли костюмы заграничного покроя, пестрые галстуки, сигареты, жевательная резинка? С живейшим интересом и завистью они внимали своим заграничным «друзьям» и «подругам», слушая их похвалы капиталистическому образу жизни и «полной свободе», якобы существующей на Западе. Продавая валюту, а заодно уступая по дешевке понравившиеся джинсы и сигареты, иностранцы одаривали счастливых покупателей

изданными на Западе произведениями отщепенцев, именуемыми «русскими писателями». Проникаясь страстью к заграничным тряпкам, Мясников и его друзья перенимали вкусы, привычки, убеждения иностранных знакомых.

Все чаще от проблемы приобретения японского транзистора и покупки сигарет «Филипп Морис» они уходили к дискутированию на музыкальные, литературные и политические темы. Дискуссии, как правило, заканчивались не только традиционным «за границей живут лучше», но и откровенной клеветой на нашу страну, наш народ.

Идеи сионизма настойчиво распространял Боржемский. Людям из своего окружения он раздавал шестиконечные звезды – символ израильских сионистов.

Что же объединяло этих друзей? Все сводилось к одному – бизнесу. В компании, где они пользовались авторитетом, больше всего любили деньги в любом исчислении. Вздыхая, мечтали об иностранных тряпках, ресторанных кутежах и черноморских пляжах.

До того, как стать спекулянтом, Мясников учился в вечерней школе и работал на заводе. Перед ним были открыты все пути к честной, трудовой жизни. Но это ему оказалось не по душе, тем более, что нашлись великовозрастные приятели, подметившие склонность парня жить легко, не обременяя себя трудом. У некоего Ивана Николаева, судимого за воровство, он перенял технологию преступных валютных операций. Началось превращение Мясникова в спекулянта, сводника и валютчика. Он очень скоро освоил «ремесло», к которому его приобщил Николаев. О работе он уже не вспоминал. Зачем? Мясников хорошо научился «деловым» контактам с иностранными туристами.

Начавший с попрошайничества и спекуляции, он постепенно утратил всякое достоинство, мужское и человеческое, стал сутенером, знакомил иностранных «клиентов» с «подругами», с которыми можно было весело провести время, расплатиться валютой, а то и просто подарить заграничные темные очки. И как резюме суд подвел итог кропотливой работе сотрудников органов госбезопасности – по заслугам наказал преступников, осудив их к различным срокам лишения свободы. Судебный процесс заставил задуматься дружков и приятелей осужденных, показал, к какому печальному финишу может привести их стремление к легкой жизни в обход честной трудовой деятельности.

Десятки тысяч иностранцев ежегодно бывают в нашей республике. Они едут как туристы и специалисты, по частным визам в гости к родным, близким и друзьям, по линии творческого, студенческого, культурного, научно-технического и спортивного обмена. В этом большом потоке разных людей много искренних друзей нашей страны, есть скептики, сомневающиеся и искренне заблуждающиеся, одурманенные буржуазной пропагандой. Но, к сожалению, в числе иностранцев, приезжающих в республику, в частности, в высшие и средние учебные заведения Ташкента на учебу, стажировку или для научной работы, есть и идеологические диверсанты, лица, действующие по наставлениям разведок.

Западные спецслужбы, антисоветские центры и организации наиболее ожесточенным нападкам подвергают нашу идеологию, интернационализм советских людей, внешнюю политику, социалистическую демократию. Вот почему уже длительное время антисоветские акции базируются на двух основных провокационных тезисах – нарушениях прав человека, якобы имеющих место в СССР, и пресловутой советской военной угрозе. Кроме того, мастера идеологических диверсий активно используют сегодня пущенное Вашингтоном в оборот ложное обвинение Советского Союза в международном терроризме. Вокруг этих «проблем» и развертывается ныне широкая антисоветская кампания.

На кого рассчитывают идеологические диверсанты, знающие о том, что в Советском Союзе нет социальной базы, на которую они могли бы опереться в своей подрывной работе?

Правящие круги Запада в свое время надеялись, что им удастся значительно расширить возможности подрыва социализма изнутри с помощью идеологического воздействия, путем насаждения так называемого «инакомыслия». Они полагали, что социалистические страны просто не смогут этому воспрепятствовать. Однако просчитались. Советские люди такой свободы действий империализму не дали, поскольку речь идет о социально-политическом и идейном единстве нашего общества, безопасности социалистической Родины.

Убедившись в неосуществимости своих первоначальных замыслов, спецслужбы и пропагандистские центры империалистических государств стали уделять повышенное внимание тому обстоятельству, что наше общество при всей его монолитности не застраховано от проявления у отдельных лиц рецидивов мещанской психологии, нигилистского отношения к завоеваниям социализма, анархистского своеволия, политической неграмотности, безответственности. Учли они и то, что у нас встречаются порой космополиты, преклоняющиеся перед капиталистическим образом жизни, стандартами буржуазной «массовой культуры».

Действительно, социалистическое общество не гарантировано от появления лиц, поведение и действия которых не вписываются в наши моральные юридические нормы. Причины тут разные. Это могут быть политические или идейные заблуждения, религиозный фанатизм, националистические вывихи, личные обиды и неудачи, моральное разложение, а то и просто нежелание трудиться. Именно на них ориентируются спецслужбы Запада, планирующие идеологические диверсии.

Конечно, не каждый человек, которому в той или иной мере свойственны перечисленные отрицательные черты, станет на путь, враждебный социализму. Но практика показывает, что каждый, кто в конце концов оказался на этом пути, ранее нравственно пал, отступил от норм социалистического образа жизни.

Примечательно, что и сами специальные службы империалистических государств дают отнюдь нелестные оценки людям подобного рода, считая, что они способны «причинять неприятности» советскому обществу, но не более того. Руководители этих служб признают, что «эрозия социализма» если и возможна, то только как результат воздействия извне.

Именно на поддержку извне и только на нее опирается «деятельность» отщепенцев в социалистических странах. Она исходит как от старых контрреволюционных центров на Западе, так и от появившихся в последние годы всевозможных «общественных», «благотворительных», «религиозных» организаций. А за спиной тех и других стоят специальные службы стран НАТО, прежде всего Центральное разведывательное управление США.

Надо подчеркнуть, что идеологические диверсанты тонко спекулируют на еще имеющихся у нас недостатках, прежде всего фактах бесхозяйственности, халатности, бюрократизма, невнимательного отношения к нуждам трудящихся. «Советологи» стремятся представить эти упущения как явления, органически присущие социалистическому строю. Они уверяют, что мы «замазываем» свои недостатки и не в состоянии с ними сладить.

Одно из важнейших направлений в борьбе с идеологическими диверсиями – наше умение давать принципиальную оценку каждому проявлению безответственности, беспечности и рогозейства, наша способность принимать действенные меры по устранению причин, способствующих снижению культуры и ослаблению политической бдительности советских людей.

Грязные провокации империалистов заставляют нас постоянно помнить о необходимости разоблачать и пресекать любые попытки идеологических диверсий, ставящих целью помешать мирному созидательному труду советского народа, принести вред нашей Родине.